

Руслан Капба

Рыцарь Аламыса

Повесть

Перевод с абхазского

Москва - Советский писатель - 1988. - 256 с.

Капба Р. Х.

Рыцарь Аламыса: Повесть. Пер. с абхаз. — М.: Советский писатель, 1988. — 256 с.

Михаил Лакербай — главный герой повести Р Капбы «Рыцарь Аламыса» — родоначальник абхазской романтической прозы. На основе богатейшего народного творчества создал он свои новеллы, рассказы, повести и пьесы. Тот, кто хоть раз читал его новеллы, не мог не восхититься мастерством писателя, классически вычерченными образами, мужеством, искренностью его героев...

Книга Руслана Капбы посвящена жизни и творчеству Михаила Лакербая — этого рыцаря «Аламыса». «Аламыс» означает по-абхазски честь, совесть, одержимость идеей добра. Именно так назвал в свое время книгу маленьких новелл Михаил Лакербай.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Вступление
- Две встречи
- Начало
- Всадник счастливой ноги
- Веселые выстрелы, или Гость двадцатого века
- Саит и Апсуара
- Маленький Михаил и школа
- Сухумская горская школа
- В сухумском реальном училище
- После реального училища
- Редактор первой абхазской газеты
- Михаил Лакербай в Тбилиси
- На кинофабрике «Восток-фильм»
- Михаил Лакербай — профессиональный писатель
- Военные и первые послевоенные годы
- Боевая закалка мужчины
- Счастье и творчество
- «Аламыс» приобретает все новых и новых поклонников
- Юбилейный вечер
- Две заботы
- Не поддавайся болезни
- Верный друг писателя
- До сих пор
- У истоков
- Не сворачивай с пути
- Разве этого мало?
- Во имя жизни
- Отец
- Отец и сын
- Тот, кто убил лань
- Тесть и зять
- Гарсон, пренэ!
- Газыри
- Армахут
- Хыхьча
- Первая книга
- Продавец винограда
- Джон Пристли и Шхангерий Бжаниа
- Шарф Назиры
- Драматические произведения
- Михаил Лакербай и абхазский театр

Посвящается памяти брата, Капба Николая, героически погибшего в годы Великой Отечественной войны.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Своеобразен облик каждого города. Есть города степные, города лесные, города горные, но ни с чем не сравнима живая прелесть приморского города. Его своеобразие теснейшим образом связано с жизнью моря.

Что же это за стихия, которая накладывает такой отпечаток на человеческое поселение? Океанографические исследования Черного моря показывают, что это море сильно отличается от других морей. Своеобразна его геология, его фауна, его флора. Все это сильно повлияло на исторические судьбы бывших знаменитых городов Причерноморья. Культура человечества хранит в своей памяти: Херсонес, Пантикапей, Фанагорию, Танаис, Истр, Диоскурию и др., по которым можно проследить смену эллинского, римского, византийского, генуэзского владычества.

В тихую и ясную солнечную погоду, когда лазурью синеет ровная и спокойная гладь моря, жители Сухуми любуются необыкновенным зрелищем. В такой день морская зеленоватая глубь бухты особенно прозрачна, и с медленно проплывающей лодки они могут видеть, как от старой крепости в конце набережной и до реки Келасури — более пяти километров вдоль берега и более километра в сторону взморья протянулись под водой зыбкие, колеблющиеся видения древних руин... Вот ясно различают они стены домов, башни, какое-то большое здание, быть может, храм или дворец, снова стены, колонны, а дальше — улица в руинах... Так во все стороны этого сектора бухты... Но вот налетает ветер и видение исчезает... Старожилы Сухуми рассказывают, что еще недавно в девяностых годах некоторые развалины

3

были совсем неглубоко под водой, а при сильном волнении показывались и на поверхности. Тогда не было набережной, и волны накатывались прямо на песок... Купающиеся находили здесь (как находят и теперь) монеты — золотые, серебряные и медные с надписями на греческом и латинском языках и изображениями Александра Македонского, Юлия Цезаря, Антония и других владык исчезнувших империй, а также с изображениями животных и птиц. Поражают своей красотой и изяществом тончайшей работы золотые диадемы, браслеты, кольца и другие драгоценности. Море выбрасывает их из недр бухты, напоминая тем лишний раз о потопленном городе и его сокровищах...

Эти дары моря и свидетельства старинных книг говорят о древней Диоскурии. Уже много столетий назад море, постепенно захватывая побережье, погребло город под своими водами. Здесь, на дне Сухумской бухты, покоятся развалины некогда знаменитого греческого города — колонии Диоскурия, впоследствии названного римлянами Себастополисом, бывшего важным портом и центром торговли для народов древности, населявших Кавказ, а также опорным пунктом колонизаторов для завоевания всей Колхиды.

Археологические раскопки, ведущиеся по склонам гор, окружающих Сухумскую бухту и на территории старой крепости, дают необычайно большое количество находок, начиная от предметов палеолита до эпохи греческого, римского и турецкого владычества включительно.

Картины умершей цивилизации воскресают перед нами не только в фундаментах домов, колоннадах, широких ступенях, остатках храмов, бань, но и в обломках мрамора, лакированных мозаичных и расписных вазах, изящных бронзовых, мраморных статуях, надписях... По росписи на вазах можно судить о живописи разных эпох. Роспись эта в то же время является ценнейшим источником наших сведений о технике, хозяйстве, быте, верованиях древних греков.

Геометрический орнамент, состоящий из прямых и волнистых линий, треугольников, квадратов и т. д., говорит об одной эпохе, далее изображения птиц, оленей, лошадей, пахоты, сбора винограда, кораблей и мифологических сцен — говорят о другой. Если на первых фигуры изображались черным блестящим лаком на красном фоне,

4

то во втором случае они оставались светлыми, а темной краской заполнялся фон.

А как изумительна мозаика! Как стойки эмаль, лак, краски!

Сложные геометрические фигуры и многообразные сюжеты составлены из разноцветных кубиков восьми цветов. Мозаика скреплена настолько стойким раствором, что, пережив столетия разрушений и невзгод, она сохранилась превосходно.

Это про них сказал Горький: «Глядя на эти обломки исчезнувшей культуры, понимаешь, как громадно значение простоты в красоте. В сущности все эти изваяния из мрамора — просты, и именно поэтому они так прекрасны». А великий поэт Пушкин, будучи сослан на юг России, посетив Крым и Кавказ, назвал Причерноморье — «воображенью край священный» и писал брату: «Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной веками».

Тарапаны (для давки винограда), пифосы (сосуды для хранения вина), черепица и др. предметы с клеймами Милета, Синопа, Гераклии, Родоса, Фасоса и др. наглядно свидетельствуют о больших и оживленных торговых сношениях с Грецией, Византией и другими государствами и городами Причерноморья и Малой Азии. По словам Страбона, Диоскурия была когда-то «настоящим складом товаров для народов Колхиды и соседних областей». Страна давала огромные урожаи пшеницы, винограда. Лес, зерно, бараньи шкурки увозились на далекий запад. А ввозились оливковое масло, фрукты, высшие сорта вин, ткань, железо, синопская черепица, посуда, покрытая черным или красным стойким лаком, и другие предметы. В первом веке нашей эры римский писатель-путешественник Плиний Секунд писал: «Город этот (Диоскурия) теперь опустошен, но прежде был известен настолько, что сюда сходились представители трехсот народностей. Мы вели там дела через сто тридцать переводчиков».

Археологи вызывают из небытия прошлое. Проясняются таинственные легенды. По-новому оборачивается и старинный миф о золотом руне. В наши дни ученые выяснили его происхождение. Быстрые воды рек Кодори, Ингури, Риони и др. несли с гор золотой песок. А местные жители, предки современных грузин, имеретинцев, абхазов, сванов, мегрелов, опускали на ка-

5

менное ложе реки густошерстные шкурки баранов, и золотые песчинки запутывались в руне... Поэтому и шкурка такая — золотое руно — становилась драгоценным предметом торговли. Отважные моряки увозили их с собой на родину. И так к рассказам об опасных приключениях в пути нередко прибавлялось много всяческих чудес. Так рождались легенды об аргонавтах, о молодом смельчаке Язоне, о золотом руне и Медее. И так теперь мифологические и поэтические фантазии сменяются трезвой историей.

За последние годы возникла новая область науки — подводная археология, и советская страна первой в мире начала научные исследования морских, речных и озерных глубин, исследования на территории затопленных городов и поселений. Едва ли не самым интересным объектом подводной охоты является древняя Диоскурия, лежащая на дне Сухумской бухты»... (1).

Разговор о яркой и интересной жизни Михаила Лакербая я начал цитированием отрывка из его сценария-заявки «Сокровища затонувшего города», чтобы с первых страниц книги ввести

читателя в интересную творческую жизнь писателя.

...Недалеко от древней Диоскурии, в десяти километрах от Сухуми, в ущелье высоченных, вечнозеленых гор находится село Мерхеули. В центре села, напротив школы стоит одноэтажный домик с застекленной верандой. Вокруг все зелено, цветы: олеандры, розы... Не хватает этому двору, этому дому только шума жизни. Обитатели его разбрелись по всей стране, строители же его покоятся здесь, во дворе их могилы... А ведь когда-то кипела жизнь в нем; всадники на арабских скакунах, девушки, соревнующиеся между собой в красоте и грации... Вот здесь, в этом доме восемьдесят пять лет тому назад родился Миша Лакрба (вошедший в историю абхазской литературы под именем Михаила Лакербая) .

Здесь, среди этих красот, среди величавых гор, под гомон птиц, шум леса и рек рос он — высокий, стройный юноша, с большими синими глазами. Элегантный, обаятельный, одетый всегда со вкусом — таков он был, этот рыцарь «аламыса».

1 «Сокровища затонувшего города» — из заявки Михаила Лакербая на сценарий научно-популярного фильма.

6

Что такое «аламыс»?

Слово «аламыс» означает по-абхазски «честь», «совесть». Однако перевести его только так значит перевести весьма приблизительно. Верность родине, бескорыстная дружба, сострадание к слабому, великодушие к поверженному — все это аламыс...

Здесь Михаил слушал звучание апхярцы (1), мужественные абхазские песни в необычном исполнении народных певцов.

Кстати, однажды, в 1936 году, в Сухумском театре выступление абхазского хора под руководством Кове Мты слушал А. А. Фадеев и, восхищенный, сказал Н. Микава: «Народ, который имеет такие песни, так поет и так пляшет, — такой народ бессмертен».

Но послушаем самого Николая Микава, в то время ответственного секретаря Союза писателей Абхазии:

«— На концерт абхазского народного ансамбля песни и танца, руководимого Кове Мты, который шел в абхазском академическом театре (ныне театр им. С. Чанба), я пригласил моих друзей: известного писателя Александра Фадеева и народного артиста СССР Алексея Денисовича Дикого. Они тогда отдыхали в «Синопе» (2). Восторгам А. Фадеева и А. Дикого не было предела.

А. Фадеев: «Это настоящее чудо. Какие песни! Мужественные, героические, многоголосые!! А люди! Настоящие горцы! Да, повторяю, народ, который создал подобные песни, — бессмертен. Большое тебе спасибо, Коля, что пригласил ты нас сюда».

А. Дикий: «Неизгладимое впечатление на меня произвел Кове Мты, его великолепная пластика движений напомнила мне фрески античности. Какая стихия!.. А танец В. Ачба просто свел меня с ума, какая красота, какая сила! Талантливейший народ. Дорогой Коля, ты привел нас в настоящий рай. Спасибо тебе, дорогой, этот вечер я никогда не забуду».

И весь вечер мы говорили об этом.

А через пару дней в местной газете появилось стихотворение известного грузинского поэта

<http://apsnyteka.org/>

Андро Жвания, посвященное танцору этого хора Ачба:

1 *Апхярца* — абхазский струнный музыкальный инструмент.

2 *Район г. Сухуми на реке Келасури* — там находился санаторий «Синоп».

7

АБХАЗСКИЙ ТАНЕЦ

Владимиру Ачба

Ты ласточкой белой влетел;
Земли, как крылья, касаются колени;
Мечом взметнешь ты обезумевшее тело;
Весь круг ты обойдешь, как легкий трепет;
Вдруг вскрикнешь! И как кинжал, стоящий на ладони, выпрямишься.
И вот — мое последнее сравнение:
«Ветер ты, на один лишь миг затихший».

Эти песни, эти пляски многому научили Михаила Лакербая, певца «аламыса» абхазского народа. М. Лакербай был восторженный, беспокойный, готовый неустанно и бесконечно говорить о достоинстве, о таланте своего народа, будто боялся, что не успеет высказать все, что накопилось у него в душе. Можно сказать, что он первым стал распространять за пределами Абхазии самобытный и необъятный фольклор — истинное богатство своего народа.

В связи с этим небезынтересно привести отзыв известного русского поэта Рюрика Ивнева:

«Что нас так привлекает и очаровывает, когда мы читаем оригинальные, я бы даже сказал в некотором смысле необычайные, абхазские новеллы М. Лакербая? То ли, что из них веет свежестью и новизной, несмотря на то, что в большинстве из этих новелл повествуется о временах давно минувших; то ли, что читая их, мы впервые узнаем нечто совершенно для нас новое; то ли, что нас захватывает талант автора, умеющего даже на одной странице развернуть события, отражающие человеческие страсти; то ли, что нас по-новому волнует старинное благородство абхазского народа, перекликающееся с основными нормами нашей морали.

Я бы сказал, что очаровывает нас все это и многое другое, чего не перечислить, но что составляет сущность того почти непередаваемого понятия, которое определяется абхазским словом «аламыс», о котором так просто и так проникновенно говорит автор.

Да, «аламыс», как волшебный талисман, открывает нам внутренний мир каждого человека, он служит своеобразным компасом, указывающим путь к правде. «Аламыс» волнует нас своим кристальным благородством, притягивает, как магнит, ведет свободно и легко, точно взрослого ребенка, к вершине человеческих отношений.

8

При чтении абхазских новелл невольно представляешь себе, как под голубым абхазским небом, среди отвесных горных ущелий встретились и слились два кристальной чистоты потока.

Один, рожденный на вершине науки, и другой — на вершине мудрого опыта храброго, благородного и свободолюбивого народа, ибо то, что мы узнаем из абхазских новелл, отображающих мысли и чаяния абхазского народа, является лучшим доказательством того, что эти новеллы имеют не только чисто художественное значение, они имеют и огромное

воспитательное значение, особенно для молодежи, перед которой только открываются широкие ворота в жизнь.

Новеллы, о которых идет речь, весьма поучительны. Они показывают, каким образом может писатель, не прибегая к старанию быть современным, достичь той цели, которой не всегда достигают авторы, пишущие на современные темы.

На то и дан талант писателю, чтобы он мог заставить дышать, говоря гиперболически, даже камни.

Автор абхазских новелл заставил дышать нашим дыханием столетних абхазских старцев, устное творчество которых он кропотливо собирал во время своих поездок по самым отдаленным уголкам Абхазии. «Заставлять дышать» — это, конечно, не значит заставлять говорить общие фразы и гримировать столетних старцев под комсомольцев. Такова правда жизни, что «аламыс» перекидывает мост от глубокой старины к кипучей современности без всяких усилий со стороны автора. В данном случае не автор руководит правдой, а правда руководит автором.

Надо прямо сказать, что без врожденного таланта, острой наблюдательности, подлинной любви к человеку и обладания чувством меры — основы всех форм искусства — М. Лакербаю удалось бы написать в лучшем случае хорошую теоретическую статью о пользе фольклора, но никак не серию блестящих новелл.

В чем же «тайна» автора, сумевшего добиться того, что его новеллы нашли горячий отклик в столь многих сердцах? Самый простой ответ был бы тот, в котором подчеркивалось то обстоятельство, что автор отобразил мудрость народных сказаний абхазского народа.

На этом простом ответе можно было бы успокоиться, поскольку он не противоречит действительности, но

9

мне хотелось бы еще глубже заглянуть в «тайну» его успеха, внешне выраженного хотя бы в том, что его новеллы уже переведены на многие языки и напечатаны во многих странах, особенно странах, близких нам по духу.

Мне кажется, что причина успеха новелл кроется не только в том, что автор не пренебрег известным советом Горького как можно глубже изучать народное творчество своего народа, а в сочетании описания богатых и ярких картин старой Абхазии с умением найти тот рычаг, при помощи которого автору удалось приподнять почву старины и переложить ее пласт за пластом на современную почву, показав при этом всю родственность благородных порывов людей, рожденных той и другой почвой единой абхазской земли.

То обстоятельство, что среди новелл о далеком прошлом в книгу включены и новеллы из времен гражданской и Отечественной войн, несмотря на положительное значение этого фактора, не является решающим, если мы зададим себе вопрос, насколько эта книга является современной, более того, полезной, необходимой для современного читателя уже по одному тому, что в ней, хотя и другими словами и с помощью других образов, говорится о том же, о чем нам говорят книги философов-марксистов, когда они обсуждают взаимоотношения людей в будущем коммунистическом обществе.

Заслуга Лакербая заключается в том, что в своей книге новелл он дал наглядную иллюстрацию этой истины, обрисовав своеобразную и разностороннюю мудрость абхазского народа, умеющего ценить и свою вековую дружбу со своим ближайшим соседом — грузинским народом, с которым у него есть много общих черт, и со своим старшим братом — русским народом, который высоко ценит абхазскую культуру.

Я не буду спорить против очевидной истины, что в каждом произведении при желании можно всегда найти недостатки, но после всего, что у меня вырвалось невольно, без всякой подготовки в моей оценке под впечатлением прочитанного, я бы хотел получить разрешение читателя передать перо кому-нибудь другому, кто обратил бы внимание на погрешности, которые не нашел я, ибо я не могу считать, например, погрешностью автора, что его взгляд вообще не совпадает с моим по линии «подачи материала», что лично мне его новел-

10

лы понравились бы еще больше, если бы в них, кроме упомянутых мною несомненных достоинств, были бы даны, хотя бы в микроскопическом количестве, те краски и запахи, которыми насыщена абхазская природа.

Читая новеллы Лакербая, не ощущаешь моря, шум которого мы почти явственно слышим, читая рассказ Хемингуэя «Старик и море», но это уже дело автора, и требовать от него именно «красок и запахов» мы не имеем права. Также не имеем права упрекать Чехова, что во многих его рассказах мы не находим ни одного листика, ни одной травинки, так что я не могу, даже став на минуту придирчивым, счесть это за недостаток, тем более что Лакербай избрал для своих новелл тот стиль, который продиктован ему не самой природой Абхазии, а предельно краткими и скупыми, избегающими всяких прикрас рассказами абхазских стариков, в отстоявшейся мудрости которых глубокие слова преобладают над живописными красками.

В подтверждение моих высказываний приведу некоторые примеры.

В новелле «Гость» старик Ханашв Цугба, верный абхазским обычаям, спрятал у себя в доме черкеса, спасавшегося от погони. Через несколько минут обнаружилось, что погоня была за убийцей того единственного, горячо любимого сына, труп которого, завернутый в бурку, внесли друзья и соседи. Отец, несмотря на страшное горе, нашел в себе силы не нарушить слова, данного черкесу, в том, что у него в доме последний будет в безопасности. Он не только не выдал его, сберег и незаметно для всех проводил в лес, но и снабдил сумкой со следующими словами: «Возьми. Здесь еды на два дня. Поспеши домой, дад! (1). Этим вот лесом ближе к перевалу. Ночь темна, тебя никто не увидит».

Это необычайное благородство старого абхазца, ему самому отнюдь не казавшееся необычайным, достаточно ярко характеризует абхазский народ, а благодаря тонкому описанию эпизода новелла М. Лакербая производит особенно сильное впечатление.

В новелле, составляющей неполную страницу, повествуется о том, как ко всеми уважаемому учителю Царгуш Мамату, жившему в горном селе, крестьянин Дбар Рабыдж отдал на воспитание своего сына Таиба.

1 Дад — ласковое обращение старшего к младшему.

11

Прошло несколько лет. Случилось так, что во время одного из разбойничьих набегов на село Таиб, ставший уже юношей, был смертельно ранен.

Отцу дали знать. Он сейчас же поскакал к Царгуш Мамату в горное село. Когда Таибу сообщили о приезде отца, он собрал последние силы и встал на ноги в знак уважения к нему. Раны Таиба от напряжения раскрылись, и он на глазах у отца скончался.

Тогда опечаленный отец сказал: «Вышел бы из него настоящий человек, да жаль — погиб рано».

Это доведенное до высшей степени чувство уважения к старшим не казалось юноше Таибу необычайным. Оно было естественным, врожденным.

В новелле «Неудачный момент» двадцатилетний Алиас, чтобы отомстить односельчанину Гедлачу за убийство своего старшего брата, подкрался ночью к пацхе (1), но, разглядевши в щель, что его враг мирно беседует с женой, решил, что это неподходящий момент для мести, так как враг его безоружен.

Это тоже на первый взгляд «необычайная мягкость», но на самом деле это благородство человека, не желающего запятнать себя убийством из-за угла.

В новелле «Пуля вылечила» крестьянин Чукбар Мсоуст, работая в лесу, занозил ногу. Вечером дома, когда вспухла нога, от нестерпимой боли он застонал. Жена упрекнула его в том, что он стонет от такого пустяка, как заноза. «Ведь это же не пуля», — добавила она. Тогда он выстрелил себе в ногу. А испуганной жене сказал: «Ты хотела, чтобы это была пуля. Ты права. Теперь смотри, мне стало легче». И действительно, пуля пробила нарыв. Мсоуст вздохнул с облегчением.

В новелле «Атырас» (из горестных дней махаджирства, т. е. семидесятых годов прошлого столетия) в высокохудожественной форме изображена пламенная любовь к Родине.

В новелле «Чанагв» (из времен гражданской войны 18—20-х гг.) дан образ молодого крестьянина Чанагва, готового умереть за коммунизм. В новелле «Друзья» показана необычайная выдержка юноши Беслана, который не пожелал оказаться неблагородным по отношению к доверчивому другу. В новелле «Аргун Сейдык» показано чувство ответственности воспитателя за вос-

1 Пацха — хижина.

12

питываемого. Может быть, финал этой новеллы и слишком необычен, но идея правдоподобна: воспитатель, узнав о неблагородном поступке своего воспитанника и считая, что в этом виновен не столько воспитанник, сколько воспитатель, кончает жизнь самоубийством.

В новелле «Советы деда» дан очень живописный и нравоучительный эпизод о вреде болтливости, который заканчивается словами много жившего и много знавшего старика Лагустана: «Никто не может хранить тайну так, как тот, кто ее не знает».

* * *

...Прошли десятилетия... И вот 18 сентября 1981 года поэту, гражданину, пламенному патриоту Михаилу Лакербаю исполнилось бы 80 лет. Неужели это правда?.. Ведь перед глазами он встает молодым, красивым и вечным рыцарем «Аламыса»...

В этот день местная газета писала: «Сегодня в Сухуми, в помещении Абхазского ордена «Знак Почета» государственного драматического театра имени С. Я. Чанба состоится торжественный вечер, посвященный 80-летию М. А. Лакербая».

На вечере в своем докладе Хухут Бгажба (1) сказал:

«Выдающийся абхазский писатель, драматург и публицист Михаил Александрович Лакербай,

<http://apsnyteka.org/>

человек высокой культуры и личного обаяния, родился в 1901 году в селении Мерхеули Сухумского округа. Получив начальное образование в родном селе, он поступает в сухумскую школу, а затем — в Сухумское реальное училище, которое оканчивает в 1920 году.

После установления Советской власти в Абхазии с 1921 по 1925 год М. Лакербай работает соредактором первой газеты Советской Абхазии «Апсны капш» («Красная Абхазия»). В 1929 году оканчивает юридическо-экономический факультет Тбилисского политехнического института. На следующий год он едет в Москву и поступает на кинофабрику «Восток-фильм», где учится на киносценарных курсах и затем работает ассистентом режиссера и киносценаристом.

В начале Великой Отечественной войны Лакербай добровольцем идет на фронт. Работает в дивизионной

И. Х. Бгажба — доктор филологических наук, критик.

13

газете «На штурм врага», участвует в боях за оборону Севастополя.

Лакербай начинает печататься с 1919 года в абхазской газете «Апсны», выходившей под редакцией основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа. Молодой литератор с болью наблюдает суровую действительность. Его негодование ярко выражено в публицистических статьях и остро социальных стихотворениях «В тюрьме», «Родина», «Дмитрию Гулиа».

С 30-х годов начинается новый этап в творческой биографии Лакербая. Он обращается преимущественно к драматургии и киносценариям. Писатель правдиво отображает в своих творениях социальные конфликты эпохи и духовный облик людей, строящих социалистическое общество.

Написанные в конце 30-х годов его комедии «Потомок Гячей» и «В овраге Сабиды» — о новых отношениях к труду и между людьми в социалистическом обществе, а также историческая драма «Чудесный сплав» (1956 г.) — о дружбе абхазского, грузинского и русского народов — сыграли большую роль в развитии абхазского национального театра. Создавая сценарии кинофильмов и либретто опер, М. Лакербай выводит абхазскую тематику на всесоюзную арену. По его либретто написаны музыкальная комедия «Хаджарат» (1938 г., музыка В. Куртиди), оперы: «Изгнанники» (1939 г., музыка Д. Шведова) и «Мзиа» (1951 г., музыка А. Баланчивадзе), по его сценариям «Восток-фильмом» поставлен ряд короткометражных картин: «Цветок жизни» (1933 г.), «Ткварчели» (1934 г.), «Девушка в зелени» (1938 г.) и другие. В своих «Очерках об истории абхазского театрального искусства писатель первым проследил зарождение и формирование абхазского профессионального театра в неразрывной связи с развитием русского и грузинского театров.

Важное место в литературном наследии Лакербая занимают его новеллы. Широко известны его «Абхазские новеллы» и «Аламыс», вышедшие в издательстве «Советский писатель» в Москве в 1957 и 1961 годах. В них писатель обращается к абхазскому фольклору — историческим песням, сказаниям, притчам и легендам, пословицам и бытовым историям. «О душе народа, об аламысе я собрал эти устные рассказы, услышанные в

14

разные годы», — писал автор в предисловии к одной из своих книг. Его новеллы волнуют глубиной проникновения в жизнь народа, или, говоря словами самого автора, «аламысом», который, как волшебный талисман, открывает нам внутренний мир человека. Темы воинственной

доблести, высокого взаимного уважения в дружбе, в отношении к женщине ярко раскрываются в новеллах.

Ознакомившись с десятью новеллами Лакербая, опубликованными в первом номере журнала «Дружба народов» за 1957 год, известный грузинский литературовед критик Геронти Кикодзе в своей статье дал им высокую оценку, отметив в новеллах «счастливое сочетание устного рассказа с индивидуальным творчеством просвещенного литератора». Он советовал работникам журналов и газет перевести их на грузинский язык. Пусть читатели, писал он, «убедятся, что в абхазских традициях много знакомого и близкого, а также много необычного для Грузии».

У Лакербая есть немало рассказов и о сегодняшнем дне. Их тема — подвиг человека во имя Родины. Писатель говорит романтически приподнято, с пафосом о героях, отважно сражавшихся за Советскую власть в годы гражданской войны («Даур и Сеид», «Чанагв») и во время Великой Отечественной («Говорят, ты стар», «Девочка из Отхары», «Лучшая роль»).

Как зоркий и наблюдательный художник, Лакербай умел отбирать в сложном узоре народной жизни такие эпизоды и детали, которые подчас кажутся незначительными, но, облеченные в острую и занимательную сюжетную форму, предстают интересными и поучительными.

Михаил Лакербай хорошо владел мастерством рассказчика, умел создавать интереснейшие сюжетные ходы и впечатляющие образы. Иногда Лакербай оживляет, своеобразно интерпретирует смысл той или иной абхазской пословицы, поговорки. На почве этого возникает короткий рассказ-притча.

Новеллы М. Лакербая переводились на русский, грузинский и другие языки народов СССР. Они переведены на английский, немецкий, французский, арабский, польский языки.

Широкий диапазон писателя, глубокие корни его твор-

15

чества, несущие большой заряд интернационализма.

М. Лакербай поддерживал дружеские связи с такими выдающимися писателями и деятелями искусства, как Константин Гамсахурдия, Лео Киачели, Ираклий Абашидзе, Александр Довженко, Виктор Шкловский, Андрей Баланчивадзе и многие другие.

М. Лакербай — писатель, который одинаково дорог всем поколениям абхазских писателей. Абхазцы говорят: «Конь падет — поле останется, человек умрет — слово останется». Так продолжает жить в памяти народной Михаил Александрович Лакербай.

...И закончим главу «Вступление» публицистическим письмом Михаила Лакербая «Ветка спасения».

«Полтора года тому назад — в 1810 году — произошло знаменательное для абхазского народа событие — добровольное присоединение Абхазии к России. Неоднократные письма и специальные посланцы подготовили и претворили в жизнь это величайшее для судеб абхазского народа историческое событие: крайне ослабленная, истерзанная бесконечными нашествиями и неравными войнами Абхазия была спасена Россией и вызволена из-под гнета султанской Турции.

Как известно, Закавказье и в особенности побережья Каспия и Черного моря издавна были приманкой и лакомым куском для хищнических устремлений многих государств-грабителей. Последним захватчиком-завоевателем была Османская Порта.

К началу XIX века это государство, возглавлявшееся еще теократической властью султана, уже перенесло ряд сокрушительных ударов от своего северного соседа, однако продолжало жадно цепляться за захваченные территории кавказских народностей. При этом турецкое владычество носило особенно хищнический и реакционный характер. Страшным бичом для кавказских народов, в том числе и для прибрежной Абхазии, являлась работорговля, составлявшая одну из солидных статей доходов турецкого султаната. Поощряемые разными посулами со стороны турецких оккупантов, местные князья продавали свой народ оптом и в розницу. Порто-

16

вые города — Анапа и Сухум-кале, как известно, были основными пунктами работорговли на всем Черноморском побережье и базами, откуда главным образом происходил вывоз этого живого товара в Турцию. Постепенно опустошались целые районы, население уменьшалось изо дня в день и абхазскому народу, вернее его жалким остаткам, угрожало полное уничтожение, исчезновение с лица земли...

Абхазская народная пословица гласит: «Не суждено было козе погибнуть голодной смертью, — к ней наклонилась свежая ветка ореха — ветка спасения». В силу сложившихся обстоятельств рука помощи, протянутая Россией в то тяжелое время, для абхазского народа тоже сыграла роль «ветки спасения».

Случилось так, что последний этап разгула хищнической экспансии Султанской Турции в Абхазии, когда уже решался вопрос — «быть или не быть» абхазскому народу, как раз совпал во времени с образованием Русского централизованного государства и расширением его юго-восточных границ после победного завершения борьбы с татарскими ханствами в Поволжье. Экономические и политические связи Руси с Кавказом имелись еще и раньше, с конца XV века. А в этих условиях среди кавказских народов появилось стремление к более тесному сближению с русским народом, с сильным, культурным, цивилизованным государством, в котором, кстати сказать, запрещалась работорговля. Русское же государство, в свою очередь, было заинтересовано в том, чтобы Кавказ не стал окончательно достоянием персидских и турецких захватчиков, так как это угрожало бы безопасности южных окраин России.

Именно к этому времени и относится большая, последовательная и прогрессивная инициатива абхазского владетеля Келеша Чачба, или, как называли его турки, Келеш-бека, обратившегося за помощью и покровительством к России.

В «Актах Кавказской археографической комиссии», хранящихся в фондах Государственной библиотеки СССР им. Ленина, читаем письмо абхазского владетеля Келеша к «главному генералу Российских войск в Грузии Цицианову», содержащее просьбу «поддержать его ходатайство о согласии Русского царя на присоединение Абхазии к России и военной помощи против Турции».

17

В письме министра иностранных дел России Брудберга командующему русскими войсками на Кавказе генералу Гудовичу также читаем: «Секретно. Сведения, помещенные в депешах В. С. от 5-го сентября с. г. о продолжающейся преданности к России абхазского владетеля Келеш-бека и о безуспешном возвращении Турецкой эскадры от Мингрельских берегов, обратили на себя особенное внимание Государя Императора, еще в мае сего года получено здесь формальное прошение от Келеш-бека о принятии его под покровительство Российской империи. Можете его обнадежить стороною, что его желание и преданность приняты были при Высочайшем Дворе с благоугодностью».

В письме своем царю от 31 октября 1806 г. Дюк де Ришелье (губернатор Одессы, чрезвычайно влиятельный сановник при дворе) сообщает некоторые подробности: «Приняв отца Келеш-бека в свое подданство, султан построил для него крепость Боты (Поти) и определил ему 10 тысяч левов

жалованья с чином паши. По смерти его сын заступил его место. По наговорам (ориентация на Россию) султан принял намерение убить его»...

В конце концов за такую твердую и последовательную ориентацию на Россию Келеш поплатился своей жизнью, что явствует из донесения генерала Гудовича царю от 19 мая 1808 года: «Абхазский владетель Келеш-бек 2-го числа сего месяца убит подосланным турками его сыном Арслан-беем. Сей многолетний старец, как известно уже В. И. В. по прежним донесениям, с самого вступления войск Российских в Имеретию и Мингрелию показывал всегда чистосердечное свое расположение быть под покровительством и подданством В. И. В., которого он искал еще в третьем году». «Келеш-бек, умирая, но будучи еще в памяти, словесно предоставил право на владение Абхазией своему раненому сыну Батал-бею, поручая ему следовать его намерениям и быть в повиновении В. И. В. Бывший при сем зрелище отцеубийца Арслан-бей, подойдя к умирающему отцу своему, довершил свое злодейство, изрубив его саблею».

Итак, умный, дальновидный старик Келеш Чачба сумел в чрезвычайно сложной военно-политической обстановке выбрать единственно верный путь к спасению своего народа, которое он усматривал лишь в

18

присоединении к России. Выбор этот стоил ему жизни.

12 августа 1808 г. старший сын Келеша — Сефер Али-бей, впоследствии после крещения Георгий Шервашидзе — выполняя волю отца, вновь направил ходатайство о принятии в русское подданство и о покровительстве.

Как сообщает генерал русской службы Тормасов Георгию Шервашидзе, 17 февраля 1810 года, наконец, последовало долгожданное «Высочайшее Соизволение принять Абхазию в подданство и покровительство России». «Просьба ваша вместе с пунктами о подданстве, пишет генерал Тормасов Георгию Шервашидзе, — представлена на Высочайшее благоусмотрение Г. И. и получено Всемилостивейшее Е. И. В. Соизволение, а сверх того в скором времени ожидаю я на Ваше имя торжественной грамоты и решения о принятии Вас и всего Абхазского народа под сильное покровительство и подданство Е. И. В.»

Это действительно сильное покровительство помогло Георгию Шервашидзе, сыну Келеша, выгнать наконец из крепости Сухум-кале и всей Абхазии турок вместе со злодеем-отцеубийцей Арслан-беем, положить конец работорговле и дать абхазскому народу мирную жизнь.

Честь и хвала прогрессивному деятелю Келешу, владетельному князю, который, не в пример другим князьям, отказался от личных наград, почестей и всех других султанских щедрот и, во благо своему народу, предпочел покровительство и подданство культурной, цивилизованной России!

Таковы документы, проливающие свет на истоки крепкой и нерушимой дружбы между маленьким абхазским народом и великим русским. Дружбы, явившейся для абхазского народа поистине «веткой спасения»...

19

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Это было после войны, в 1947 году. Тогда я учился в школе в моей родной деревне Арасадзых. Однажды у меня в руках оказался сборник произведений Дмитрия Иосифовича Гулиа, и я, вне себя от радости, побежал домой, чтобы побыстрее прочитать книжку.

Вообще в нашей семье все, начиная от детей-школьников и кончая взрослыми, включая моих родных дядей (братьев отца), любили читать абхазские книги. И хотя мои дяди были неграмотными, они с великим удовольствием слушали эти героико-романтические истории. В то время были очень распространены изданные в 1940 году поэмы Иуа Когониа и маленькие рассказы Дмитрия Иосифовича Гулиа. Братья моего отца сами знали много сказаний о нартах, сказок и были неплохими рассказчиками. Так что имя народного поэта Дмитрия Гулиа мне было хорошо знакомо еще до школы. Не раз слышал я от старших, что он был основоположником абхазской литературы, просветителем нашего народа. Чтение его произведений было обязательным как в нашей, так и в любой другой абхазской семье.

И я, конечно, с жадностью начал читать книжку Д. И. Гулиа. Его произведения взволновали мое детское воображение, они наполнили мою душу гордостью. Заставили еще больше полюбить все абхазское. Но в настоящее время эту историю о книге Д. Гулиа я вспомнил совсем по другой причине. Дело в том, что в предисловии к упомянутому сборнику его автор критик Х. Бгажба приводил стихотворение М. Лакербая, посвященное Д. Гулиа. Стихотворение очень мне понравилось, и я заинтересовался личностью автора. «Интересно, что он за человек? — думал я. — Почему критик ничего больше не говорит о нем?» Но в ту пору о М. Лакербае я так больше ничего и не узнал.

Прошло время. Автор стихотворения, который так заинтересовал меня, превратился в известного писателя. Его пьесы, постоянно ставившиеся на сцене абхазского театра, значительно обогатили нашу родную культуру.

И вот в один из субботних дней 1958 года (тогда я

20

был уже студентом Сухумского педагогического института им. А. М. Горького), после лекций, до того как пойти к себе в общежитие, я зашел к Хухуту Бгажба взять у него обещанную мне книгу. И когда я, сунув ее под мышку, уже приготовился уходить, в комнату неожиданно вошел элегантный мужчина приятной наружности. Вошедший и Х. Бгажба весело поздоровались друг с другом. Как я понял из их разговора, вошедший не был жителем Абхазии, мне показалось, что он приехал издалека.

— Хухут, прости ради бога, спешу в Тбилиси по одному личному делу. А оттуда еду в Москву. Здесь, в Сухуми, навестил своих, и сердце не выдержало: не смог не повидаться с тобой. К тому же вот эту книгу тебе привез, и он передал хозяину кабинета завернутую в газету книгу. — В Москве для иностранных читателей вышла. Здесь произведения двадцати пяти советских авторов, среди них напечатаны и три моих новеллы.

— От души поздравляю, дорогой Михаил Александрович, с успехом! Это большая честь не только для тебя, но и для всей нашей абхазской литературы! — воскликнул Бгажба и еще раз подал руку гостю.

Я понял, что незнакомый мужчина был Михаил Лакербай. Хухут начал листать книгу и обратил внимание на то, что в ней некоторые писатели были представлены фотопортретами и биографиями, а некоторые — только фотографиями.

— Михаил Александрович, вы представлены только фотопортретом, и нет биографии, как многих других писателей. В чем дело, почему так? Вы что, не послали свою биографию?

Лакербай улыбнулся:

— Знал, что задашь подобный вопрос. У них в журнале была моя биография, как же. Мне позвонили из редакции и спросили, что, если вместо новеллы «Аламыс» напечатать вашу

биографию? Ведь книга рассчитана на иностранцев, и желательно, чтобы были и биографические данные о писателе. Но я предпочел новеллу. Очень уж старался редактор убедить меня. Но я сказал: биография тоже дело хорошее, но если вы считаетесь с моим мнением, то я предпочитаю новеллу, тем более сразу три новеллы. Ну, Хухут, представь себе, какая такая у меня биография: родился в Мерхеули. Учился. Ну что

21

нового дадут эти сведения, скажем, английскому читателю? А три сразу опубликованные новеллы познакомят читателей с жизнью, характерами, обычаями и нравами абхазцев.

— Биография — это тоже было бы неплохо, но что поделаешь, раз так был поставлен вопрос. В данном случае ты поступил правильно, хотя мне все же обидно, и вот что я тебе скажу: не каждый мог бы так поступить, многие все-таки предпочли бы напечатать свою биографию.

Михаил попрощался с нами и ушел. «Может быть, и вправду не все так поступают? — думал я про себя. — Другой, вероятно, напечатал бы свою биографию за счет произведения, но Михаил Лакербай, видимо, скроен из другого, более прочного материала, он человек высокой культуры и глубокого ума, и его жизненное кредо, наверное, можно выразить словами М. Горького, сказанными на нашей абхазской земле: «Превосходная должность — быть на земле человеком».

Не легко написать о жизни и творчестве писателя. Тем более трудно писать о писателе, с которым не встречался лично и которого знаешь только по его произведениям. Создание подобной книги требует изучения всей жизни писателя, знания всех ступеней, всех периодов его творческой биографии: необходимо кропотливо собирать воспоминания его современников, родственников, друзей, знакомых, товарищей, сослуживцев; словом, всех, кто его знал и с кем он общался. Необходимо выявить все, что о нем написано, опубликовано, ознакомиться с его перепиской и, наконец, необходимо глубоко и основательно изучить его творчество. Только после всего этого перед нами предстанет ясный облик описываемого. Только после всего этого услышим его голос, познаем его природу. В этом я глубоко убедился, когда работал над книгами, посвященными жизни и творчеству поэтов Кязима Агумаа, Леварса Квициния, Леонтия Лабахуа. Мне не довелось встречаться с ними в жизни, даже издали я не видел ни одного из них, они рано ушли из жизни.

Другое дело — Михаил Лакербай. В каждый свой приезд в Сухуми он обязательно заглядывал в редакцию газеты «Апсны капш», чтобы познакомиться, поговорить с молодыми литераторами. Живо интересовался, над

22

чем мы работаем, знакомил нас со своими творческими планами, давал советы, обязательно рассказывал какие-нибудь веселые истории из жизни абхазцев, которые он записывал со слов народных сказителей.

Это был человек с открытой душой, остроумный, высококультурный. И, конечно, такие качества делали общение с ним приятным. И когда я думаю о его прекрасных личных качествах, то начинаю сомневаться, справлюсь ли с такой ответственной задачей — создать достойную книгу об этом редком человеке. Но тут же приходит мысль, что гораздо легче написать о жизни и творчестве писателя, которого знал лично; тем более что у меня с ним были не простые взаимоотношения, а настоящая духовная связь.

НАЧАЛО

Еще при жизни писателя я мечтал написать книгу о нем. Как известно, более двадцати лет жизни и творчества Михаила Лакербая прошли в Москве. Он был хорошо известен в творческих кругах: общался с писателями, учеными, с журналистами. Я решил повидаться со многими из них, а

также тщательно изучить архив писателя, который хранится в московской квартире вдовы писателя — Евгении Исидоровны Лакербай. О творчестве Михаила Лакербая, о его литературно-критических трудах опубликованы книги как на абхазском, так и на русском и грузинском языках. Его творчеству посвящена монография (1968) В. П. Анкваба, а также «Творческий портрет Михаила Лакербая» А. Аншба, В. Дарсалия (1978). Есть много очерков и статей о нем. Интересные материалы были обнаружены в журнале «Алашара» (я имею в виду проведенную дискуссию об абхазском рассказе) и др.

ВСАДНИК СЧАСТЛИВОЙ НОГИ

Читатель, наверное, удивится, узнав, что первая страница биографии Михаила Лакербая открывается не в Мерхеули, где родился и вырос писатель, а намного западнее, в известном селе Дурипш, где жили предки Михаила Лакербая, те поколения знатной фамилии,

23

которые и дали начало его роду. И лишь отец Михаила поселился в Мерхеули, и вот как это произошло.

...Солнце светило над раскинувшимися широкими полями. От близких заснеженных склонов тянуло первыми холодами. Временами налетал сильный ветер — вестник перемены погоды. Не успели собрать яблоки и виноград. Ветки, обсыпанные красными яблоками, прогибались от тяжести почти до земли. Пурпуром горели лопнувшие гранаты... И вот в один из таких осенних дней три всадника на конях мчались вскачь по сельской дороге. Все трое были представительны, один лучше другого. Но среди них все же выделялся своей осанкой и снаряжением средний. Всадники направлялись в селение Тхина в имение Дзяпшипей. Тогда ведь не было легковых машин, на которых можно за какие-нибудь три часа объехать все Апсны вдоль и поперек. Тогда средствами передвижения были либо конь, либо фаэтон. А большинство людей предпочитало ходить пешком. «Это более надежно», — говорили они.

Когда всадники приблизились к речке Маджарке, на перекрестке появились две юные всадницы — стройные, с золотыми косами, голубоглазые. Они только что перешли горную речку и по пути в Мерхеули догнали юных всадников. И вдруг одна из всадниц сказала вполголоса другой, что она бы не прочь иметь такого же вороного коня, как у среднего всадника.

Юноша как будто только этого и ждал, молниеносно оторвался от остальных и очутился около девушек. Товарищи тоже последовали за ним и перекрыли путь девушкам. А он стремительно спрыгнул с коня и передал своего вороного девушке, сказав при этом: «Дарю тебе этого коня, раз он тебе так нравится. Бери, желаю тебе счастливой езды на нем», — и продел в серебряное стремя короткую камчу.

От такой неожиданности девушки растерялись. А потом та, после слов которой и случилась вся эта история, решительно отказалась от коня и продолжила свой путь. Юноша же, произнесший рыцарские слова, не отступил от них и последовал за красавицами. Его товарищи скакали чуть поодаль.

Девушка жила где-то близко. Перейдя вброд маленькую речушку Дачиквари, которая протекает около

24

мерхеульской школы, она въехала к себе во двор. Юноша тоже подъехал к ее двору, спешил, привязал коня к воротам и, сделав свое дело, стал уходить той же дорогой, что и пришел. Хозяин, вышедший встречать гостей, стоял ошеломленный, увидев такой поступок гостя. Он послал за юношами людей и всех троих пригласил в дом. Вторая девушка подробно рассказала о

случившемся. Хозяину понравился поступок юноши. Позвали соседей, накрыли гостям завидный стол. Хозяин со своей стороны подарил юноше скакуна чистых кровей с дорогим седлом. Главе семьи понравился юноша, а юноше — девушка, с помощью всемогущего они полюбили друг друга и в надежде на счастливое будущее расстались...

Но, конечно, не навсегда.

Прошло время, и с благословения родных, осененные их молитвами, парень и девушка, случайно познакомившиеся у реки Маджарки, окончательно соединили свои судьбы и стали мужем и женой. Читатель, видимо, догадался, что я не сказку рассказал, а привел подлинный факт. И наверно, вы догадались, что юноша был не кто иной, как отец Михи — Ахмат (Александр), а девушка — мать писателя, Мина.

У тестя Ахмата, Белала Эшба, Мина была любимой дочерью, и он очень хотел, чтобы дочь и зять жили недалеко от него, но абхазский обычай запрещал ему признаться в этом зятю, сказать: оставь свой дом и переезжай жить ко мне. Но Ахмат был парень с добрым сердцем, чуткий, он хорошо понимал, что тесть ему второй отец, и поэтому очень скоро выход нашелся: Белал Эшба недалеко от своего имения построил дом дочери и зятю, так что теперь никто не мог сказать, что зять у него примак.

Так вблизи от села Мерхеули зажегся очаг семьи Лакербаев. Дворянин Хусейн Лакербай — отец Ахмата — жил в селе Дурипш на абгарском участке. Он был человек властолюбивый, твердый, смелый. К тому же хлебосольный и гостеприимный. Со своими крестьянами он был строг, но относился к ним справедливо, никому не позволял обижать их просто так. Не выносил лентяев. «С таких надо шкуру снимать», — говорил он.

Ахмат же был совсем другим человеком. От отца к нему перешли высокие нравственные качества. Он очень ценил традиции отцов и дедов, их обычаи и обряды,

25

аламыс. Сын Ахмата, Иван Лакербай так характеризовал отца: «Хорошо помню отца. Это был красивый мужчина, намного красивее нас, сыновей, с приятным лицом, высокий, хорошо сложенный, статный. Помню грозный взгляд его голубых глаз. Он был блондин, из-за чего его прозвали «белым Ахматом». В районе Бзыби у него были хорошие имения, в Мерхеулах он еще больше расширил свое хозяйство, так что оказался владельцем обширных лесов и земель. С детьми он обращался строго, не выпускал нас из поля зрения, но в этой строгости чувствовалась его отцовская заботливость. И сейчас помню, как он смотрел на нас и, видимо, думал: «Выйдут ли из них достойные люди, которые не опозорят нашу фамилию?» При посторонних и родственниках он был с нами строг и близко к себе не подпускал, но достаточно было, чтобы мы оказались в тесном семейном кругу, вместе с матерью, как он сразу преображался, улыбался нам, становился добрее и красивее. Отец часто говорил: «У ребенка должно быть чувство достоинства, он должен иметь устойчивое мнение, не должен колебаться и, конечно же, должен обладать чувством справедливости...»

...И сейчас дрожь пробегает по телу, когда вспоминаю тот роковой день, — продолжает вспоминать Иван Лакербай, — когда неожиданно домой на носилках принесли отца. Моя мать, побелевшая, как мел, словно окаменела... Нет, невозможно забыть эту картину...

...Ночью, когда он верхом ехал из Цабала, на дороге между Латами и Багади на него напали разбойники. Они, видимо, испугались того, что отец их узнает и выдаст, и решили в один миг избавиться от него... Трудно даже предположить, кто были эти негодяи — ведь врагов у моего отца никогда не было...»

Тесть Ахмата Лакербай, Белал Эшба, был хлебосольным человеком, владельцем большого леса,

поместья, он имел собственный скот и отару овец, табун лошадей. В свое время он перенес немало мучений. В пору махаджирства (1) он мыкал горе в Турции, а его брат Дыгу в ожидании лучших времен скрывался в горах... Он верил в то, что мутные потоки в конце концов промчатся. И действительно, постепенно начало уменьшаться массовое переселение абхазцев в Турцию. Аб-

1 Махаджиры — абхазы — переселенцы в Турцию.

26

хазцы начали возвращаться на свои земли, в свою отчизну. Возвратился и Белал, но его возвращение было нелегким. На утлой лодчонке с трудом добрался он до родных берегов. Узнав, что Белал вернулся, Дыгу перестал скрываться. Братья были дворянского происхождения, и по закону им полагались земли. Местом жтельства они избрали Мерхеули. Хотя Белал и Дыгу не имели образования, но в жизни они были опытными людьми, придерживались абхазских традиций.

У Белала было две дочери — Мина, мать Михаила, и бездетная Тугу. Мина была умная, талантливая женщина, владела несколькими местными языками. Она блестяще играла на чонгури. Знала множество народных сказок, сказаний, стихов и поговорок. Трудолюбивая, воспитанная в демократическом духе, она старались принять и детям любовь к труду. После смерти мужа у нее на руках их осталось шестеро. Муж ее, отец Михаила, погиб еще до революции. Сама она дожила до 1933 года и стала свидетельницей больших социальных перемен в Абхазии, увидела собственными глазами счастье своих детей. Она гордилась тем, что ее сын стал одним из основоположников абхазской литературы, и двери ее дома всегда были открыты для прогрессивно мыслящих людей, которых волновала судьба своего народа. Мина сочувствовала им, ей нравилось также, что ее средний сын увлекался собиранием фольклора, записью народных песен.

Мина была духовно сильным, смелым человеком, к тому же очень добрым, справедливым и добродетельным. Она не могла мириться с атмосферой разбоя и грабежа, которая господствовала в Абхазии в начале века.

...В одну зимнюю морозную ночь вдруг во дворе залаяли собаки. Обитатели дома вышли во двор и увидели незнакомца, который показался им честным человеком. Они пригласили его в дом. Незнакомец привязал коня к дереву и попросил дать ему сена.

— Пожалуйста к нам, гость от бога, дад, — сказала Мина. — За коня не беспокойтесь, мы присмотрим за ним.

Обнадеженный гость сел у камина. Но в поведении гостя Мина почувствовала что-то недоброе, почему-то дрогнуло ее сердце. Немного погодя женщина вышла по двор, подошла к коню. Видит: конь без седла и весь

27

дрожит. Мина сразу догадалась, что конь краденый. А когда внимательнее пригляделась к нему, вспомнила и настоящего хозяина этого коня и сразу же послала за ним человека. А гость как ни в чем не бывало после ужина отправился спать.

На рассвете он хотел тихо и незаметно улизнуть со своим конем из деревни. Когда Мина заметила, что гость хочет уйти, она встала. Но гость сказал хозяйке: «Вы не беспокойтесь, дорогая, ложитесь, а то детей разбудите. Я сам тихо уйду. Не хочу ни есть, ни пить, впереди длинная дорога, и чем раньше я уйду, тем для меня будет лучше».

— Но куда же вы, уважаемый, пойдете в полночь? — спросила Мина. — Или на чем поедете? Коня-то вы украли, и я уже отдала его настоящему хозяину. Так что лучше вам дождаться рассвета.

— Как это украл... — непонимающе пробормотал гость, но, больше не сказав ни слова, быстро собрал свои пожитки и исчез в темноте ночи.

ВЕСЕЛЫЕ ВЫСТРЕЛЫ, ИЛИ ГОСТЬ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Хотя у Белала не было сына, он не горевал об этом — был очень доволен своей жизнью и обожал своих дочерей. Особенно радовала его судьба Мины и Ахмата, которые жили недалеко от него в своем собственном доме. А семья молодых с каждым годом все прибывала. Можете себе представить состояние пожилого человека, который всецело поглощен мыслями о будущем, о завтрашнем дне и о благополучии своего потомства. Вы не найдете абхазца, который не молился бы: «Боже, не оставляй меня без потомства, не пресекай мой род».

В эти слова вложен большой смысл. (Во-первых, продолжение рода и, во-вторых, процветание родины.) Если у тебя есть продолжатель фамилии и твой родной очаг не потух, значит, у тебя есть родина, и Белал видел, что его внуки, дети Мины, не дадут погаснуть огню в очаге.

В то время у Мины было трое детей: Гриша, Катя и Ваню. Мина была беременна четвертым.

Однажды Ахмат по каким-то делам уехал на три дня в Дурипш. Возвращаясь домой, он почувствовал какое-то беспокойство, как от надвигающейся грозы. Что это

28

было? Что он предчувствовал? Хорошее или плохое? Его беспокоило состояние жены, она должна была вот-вот родить. Чем ближе подъезжал он к дому, тем сильнее билось сердце... На душе было беспокойно... Он поднял голову и посмотрел на горы, которые тянулись почти до неба, на пространство между горами, и у него из души вырвалось нечто, похожее на молитву.

«Великолепны Апсны! Даже в Дурипше меня сопровождали эти горы. Они всегда со мной, они, как предания, следуют за мной. Они, как сторожа, защищают нас. И море сказочно красивое, как волшебное, хотя оно и принесло нам больше горя, чем радости. Это море принесло к нам махаджирство, за этим морем в Турции мыкает горе большая часть нашего народа. Очень недостает нам многих преданных сынов...

Моему счастью не будет границ, если сейчас у ворот меня нетретит человек, вестник счастья, и сообщит о рождении сына! Сын! Защитник отечества! В абхазской семье о рождении сына возвещают выстрелом. Так повелось исстари...»

Ахмат только на рассвете подъехал к своему двору. Конь дошел до середины двора и ни шагу дальше не сделал. Ахмата вновь охватило беспокойство. В доме было множество народу, чувствовалось веселье. Вдруг во двор вышел человек с ружьем и выстрелил дважды.

Ахмат весь засиял от счастья — значит, мальчик, мальчик! Это было 19 декабря 1901 года. Ахмат не вошел, а влетел в свой дом. Но в присутствии старших он постеснялся выразить свой восторг и как ни в чем не бывало, стал вкратце рассказывать, что видел и слышал. А в душе с нетерпением ждал встречи с женой и сыном, встречи с этим новым «гостем» двадцатого века.

Как мы уже говорили, Ахмат был строгим отцом. Дети чувствовали перед ним страх, смешанный с уважением. Но наряду с этим он не лишал своих детей отцовской заботы, старался дать им хорошее образование. Однажды, как будто предчувствуя беду, он сказал жене:

— Если сможешь правильно воспитать детей, дать им соответствующее образование, знаю, из них выйдут люди. Но нелегко воспитать настоящего человека, на что нужно положить много труда. Уметь заработать кусок хлеба — еще не значит быть человеком! И потом мои дети не должны надеяться на чужие руки. На-

29

стоящими людьми я считаю тех, кто понимает свой гражданский долг перед родиной, кто приносит пользу своему народу и защищает его интересы.

Ахмат хорошо знал, что у него умная и расторопная жена, к тому же ни разу не сказавшая ему необдуманного слова.

— Своих детей ты должен воспитывать сам, не переваливай эту тяжелую ношу только на меня. Послушав тебя, можно подумать, что ты глубокий старик. Я и ты должны вместе с нашими детьми радоваться их радостям. Вот в чем подлинное счастье! А ты, такой сильный джигит, как ты посмел произнести такие слова, которых и слабая женщина не сказала бы, — шутливым тоном ответила ему жена.

Немного помолчав, Ахмат сказал:

— Если бы каждый человек был настоящим человеком, тогда жизнь не была бы такой сложной. А эти необразованные князья и дворяне, какую пользу они приносят абхазцам? Наш народ устал от разбоя и грабежей этих мотов и расточителей. Все беды от них. Трудно будет, ой, как трудно будет найти выход. Но так долго продолжаться не может. Нужно искать и найти лучший путь жизни.

Вот так до поздней ночи разговаривали муж и жена, а дети их в это время сладко спали...

Из этого диалога видно, как беспокоила Ахмата и Мину судьба Апсны, как они оценивали махаджирство, зло, полной чашей испитое их предками. И хотя сами они принадлежали к дворянскому сословию, они никогда не разделяли его мировоззрения и в том же духе воспитывали своих детей.

САИТ (1) И АПСУАРА

Для родителей каждый ребенок дорог. Всем детям они одинаково отдают тепло своего сердца, но случается и так, что среди детей выделяются некоторые, отличающиеся от своих братьев и сестер как внешностью, так и особыми качествами, яркими дарованиями, характером. Таким был и Сайт. Он отличался от своих братьев и сестры красотой, добрым нравом и сдержанно-

1 В детстве Михаила звали Сайт.

30

стью, и эти качества остались с ним до конца его жизни.

На ребенка огромное впечатление производили абхазские сказки, которые с большой любовью рассказывал внукам дедушка Белал. Как вспоминает старший брат Сайта, Иван Лакербай, в их семье собирались народные сказители: Чачу Пилиа, Качуа-ипа Осман, Брискил Баг, Смел Накопия, Куарчия Сейдык, Аргун Сити, Бадз Хусейн, Авидзба Данакей, Адзинба Шмаф, Маан Куация, Шахан Эшба, слепой певец Жана Ачба и другие.

Многие из них играли на чонгури, хорошо были знакомы с историей родного народа. Годами собирались вместе эти славные люди и весьма интересно проводили время: рассказывали героические истории, пели старинные абхазские песни, а дети были свидетелями всего этого и с восхищением слушали их.

По абхазскому обычаю там, где собираются взрослые, детям делать нечего. Но Ахмат думал и действовал иначе: если ребенок не капризничает, никого не беспокоит, то пусть слушает, о чем говорят взрослые, пускай его слух привыкает с ранних лет к народной мудрости, пускай дети с благоговением и почтением слушают рассказы старцев о прошлом их родины.

Именно благодаря этим вечерам Миша и Вано с малых лет полюбили народное творчество, абхазские народные песни.

В своем предисловии к первому тому собрания сочинений Михаила Лакербая доктор исторических наук Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Первоначальное образование, которое так вошло в его плоть и кровь, — это именно апсуара (все — только на абхазском), несравнимая природа Апсны — сверкающее, голубое, без туч небо, бескрайняя синева лазурного моря, кристально чистые источники, покрытые цветами поля и дали, воздух, напоенный добром... и в первую очередь, конечно, сам абхазский народ, его язык, прошлое, законы жизни, борьба за свободу, его народное творчество, его гордый рыцарский дух, совесть и мужественность, человечность, гостеприимство, его горе и радость. Все это с молоком матери воспринял и усвоил Михаил Лакербай и как дорогое сокровище сохранил в своей душе на протяжении всей своей жизни».

Михаил Лакербай еще с детства проявлял черты и

31

свойства будущего писателя — был очень остроумным, любознательным, остропечтательным...

Маленький Миха больше других своих братьев был привязан к своему дедушке — к Белалу Эшба. Он всегда с большим вниманием слушал его рассказы о героях — защитниках родины, о героях Апсны. Не раз он с детской наивностью спрашивал деда:

— Дедушка, а почему абхазцы должны были переселяться в чужие страны? А если бы они не уехали, их что, могли убить?

— Ну как тебе сказать, свет моих очей... Когда вырастешь, сам поймешь, какие мучения выпали на долю Апсны, сколько раз его сжигали и уничтожали огнем и мечом, — отвечал дедушка и ласково гладил по головке внука-малыша.

Насчет образования у Белала были свои соображения: человек не должен быть совершенным «дикарем», мало-мальски должен разбираться в делах. Но в то же время его преследовал страх: мол, чрезмерное образование вредно для человека. Из моих внуков один, согласен, должен иметь образование, но двое обязательно должны продолжать обрабатывать землю... Действительно, проблема покинутого села актуальна и сегодня, в нашей жизни, и, может быть, где-то и правильно рассуждал старик.

МАЛЕНЬКИЙ МИХАИЛ И ШКОЛА

Как я уже отмечал, еще с раннего детства Михаил выделялся цепким умом, хорошей памятью. В школе он легко усваивал предметы. В то же время ему была свойственна и безобидная шаловливость.

Приведу один пример. Однажды на смотрины к ним пришел молодой человек. Хозяева, как водится, приняли гостя с открытой душой, накрыли на стол. Будущий жених старшей сестры оказался очень стеснительным и скромным: он будто сидел на острие ножа, не знал, куда девать руки. В семье Лакербаев жила черная кошка, у которой, когда она была котенком, собаки откусили хвост. Кошка эта очень была привязана к людям и любила, когда ее ласкали. И вот устроилась эта кошка на коленях у гостя и потянулась в ожидании ласки. Гость будто бы только и ждал этого, стал с любовью гладить кошку по спине. Маленький Миша, увидев это, цыкнул

32

на кошку, она прыгнула с колен, а Миша закричал:

— А хвост? Куда делся хвост? Кто оторвал у нашей кошки хвост?

Гость побледнел, начал оправдываться: я, мол, даже не дотронулся до ее хвоста. Мина вывела Мишу из комнаты, при этом говоря, каким невыносимым стал этот мальчик...

А о его хорошей памяти говорит такой факт.

Когда кто-нибудь из членов семьи умирал, после сорока дней до годовщины смерти, еженедельно по четвергам вечерами зажигали свечу в память умершего. Мина тоже зажигала свечу, а на столе, рядом со свечой, лежали фрукты, сладости... И пока мулла не прочитает молитву, никто не имел права взять со стола хотя бы кусочек. Ни в коем случае нельзя было нарушать этот обычай, и Мина строго придерживалась его.

Маленький Михаил с интересом слушал муллу, хотя ничего не понимал в молитве.

Сложенную на непонятном языке молитву Миша сразу же выучил наизусть, и потом, спустя многие годы, эта молитва спасла его, когда он попал в плен во время Великой Отечественной войны...

Ахмат с самого начала заметил особые дарования сына и всячески старался дать ему соответствующее образование. Мальчик оправдал надежды родителей, учился усердно.

Школу братья Михаил и Вано закончили вместе. Михаил проявлял интерес к языкам. В этом отношении он был похож на мать.

Мерхеульское духовное училище было открыто благодаря активной деятельности Мины Эшба в девяностые годы прошлого столетия.

Когда дома заходил разговор о воспитании Михаила, Ахмат тревожился:

— Образование — богатство народа. И очень печально, что многие абхазцы пока еще не осознали значения образования. А мы ничем не помогаем нашим малочисленным учителям, которые трудятся не покладая рук. Царское правительство не уделяет никакого внимания малым народам.

Ахмат был умным человеком. Он чувствовал, сердце подсказывало ему, что настанут новые времена. Он хо-

33

рошо понимал, что невозможно на протяжении столетий держать нацию в темноте и рабстве. Его предчувствие сбылось: в начале XX века против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов прокатилась мощная волна народных восстаний.

Да, сбылось предчувствие Ахмата, но, к сожалению, сам он не дожил до тех счастливых дней, когда стало обязательным всеобщее образование. В мерхеульской школе обучение велось на абхазском языке, учили грузинский, но изучение абхазского языка как самостоятельной дисциплины вообще не было предусмотрено. Можно было по пальцам пересчитать абхазских писателей, но мать Миши знала, что несколько книг уже было напечатано на абхазском языке. Она приобрела абхазскую азбуку, составленную Д. Гулиа и К. Мачавариани, а также книгу А. М. Чочуа.

Иван Лакербай вспоминает: «Как только мы начали ходить в школу, мама научила нас читать и писать по-абхазски. Однажды Миша спросил у матери, существует ли кроме азбуки еще какая-нибудь книга на абхазском языке?

На что мать ответила:

— Скоро я тебя пошлю учиться в Сухуми, и там тебя будут учить по абхазским книгам».

СУХУМСКАЯ ГОРСКАЯ ШКОЛА

То лето Михаил провел в блаженном ожидании, потому что осенью он должен был продолжить учебу в Сухумской школе для горцев.

В этой школе со дня ее основания до установления Советской власти в Абхазии работали педагоги, воспитанные на демократических идеях передовой русской интеллигенции. Они с должным вниманием относились к местным жителям. Знатоки своего дела, опытные педагоги глубоко верили в силу образования и хорошо понимали, какое огромное значение имело всеобщее народное образование для местных школ.

В то время в школе, за обучение в которой большинство абхазцев платили деньги, директором был Попов. Это был прогрессивно мыслящий человек, заинтересованный дать правильное воспитание и соответствующее образование своим воспитанникам, считающий свое дело священным долгом.

34

Надо сказать, что в годы реакции, до начала первой империалистической войны политические и экономические кризисы России имели отрицательное влияние на национальные школы. И так незначительное материальное обеспечение школы горцев в эти годы еще более уменьшилось. Вот какое было положение, когда в этой школе учился герой нашей повести.

Учась в этой школе, Михаил Лакербай отличался примерным поведением, способностями, любовью к приобретению знаний. Эта школа вывела на светлую дорогу жизни не только Михаила, но и многих абхазских детей. Потом, когда Михаил Лакербай стал писателем, он посвятил своей школе две прекрасные новеллы «Первая книга» и «Авторитет».

В годы реакции было очень трудно учиться, дети голодали, у них не во что было одеться, не во что обуться. В каких условиях жили учащиеся в те далекие времена, свидетельствует заявление Владимира Соколова (временно исполняющего обязанности попечителя), обращенное к председателю общества по распространению культуры и просвещения среди абхазцев: «От государства мы никакой помощи не ждем, по моему убеждению, школе для горцев должны помочь сами абхазцы, ибо это единственная просветительная школа для их детей. Повернуться спиной к школе, не помочь голодным и жаждущим, голым детям, закрыть глаза на все, что приносит им радость, — значит не любить свой народ. Не думаю, чтобы общество по распространению культуры и знания среди абхазцев допустило закрыть школу-училище для горцев, которое за пятьдесят лет с моего существования подготовило около семисот абхазцев,

дало им образование и знания» (1).

Несмотря на то, что в это время Мина была уже вдовой и семья еле сводила концы с концами, Миха не впал в уныние и прилежно учился. Он был высокий, здоровый парень.

Когда Михаил учился в школе, там работал Ф. Х. Эшба, которого справедливо называли дедушкой абхазской школы. Как известно, он очень был заинтересован в подготовке абхазских национальных кадров, в воспитании и обогащении знаниями абхазских детей,

1 Тарба Б. Г. «Кузница молодежи», Сухуми, 1966.

35

которые впоследствии могли бы отстаивать интересы и стремления родного народа.

Большую просветительскую деятельность вели известные педагоги, такие, например, как Д. И. Гулиа, Ф. Х. Эшба, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, С. П. Басария и другие. Их светлые имена и дела золотыми буквами вписаны в историю Абхазии.

Ф. Х. Эшба, бывший воспитанник этой школы, был назначен в нее на должность преподавателя 11 мая 1909 года и успешно учил абхазских детей абхазскому языку и арифметике. Ф. Х. Эшба пользовался большим уважением как среди преподавателей, так и среди школьников (особенно любили его абхазские дети, которым он преподавал родной язык).

В 1910 году Ф. Х. Эшба взял учеников-абхазцев школы горцев с собой в город Одессу на экскурсию. Интересно вспомнить, что пишет об этой экскурсии близкий друг Ф. Х. Эшбы, старейший грузинский педагог Маркоз Антонович Каландия, пятьдесят лет своей жизни посвятивший делу народного образования.

«Фома Христофорович показал детям города: Новороссийск, Феодосию, Ялту, Севастополь и Одессу» (1).

Пройдет время, и эту экскурсию с благодарностью вспомнит И. А. Лакербай: «До этого мы не пересекали границ Абхазии. Михаил был очарован красотой Крыма, в Ялте мы посетили дом А. П. Чехова».

...Перенесясь на много лет вперед, мне хочется привести здесь выступление на юбилее писателя в 1954 году известного Андро Жваниа.

«Когда однажды в Ткварчели мне передали дружеское приветствие из Сухуми от Михаила Лакербая, я прежде всего подумал об интеллигентности этого замечательного мастера абхазского художественного слова, потому что ведь он приветствовал человека, с которым не был лично знаком, с которым его сближала лишь принадлежность к литературному цеху. Интеллигентность — творческая черта.

Говоря об интеллигентности Михаила Лакербая, подразумеваются присущее ему благородство, гражданская смелость, сознание моральной ответственности перед родной литературой. Любую новеллу Михаила

1 Каландия М. А. Ф. Х. Эшба —дедушка абхазской школы. Сухуми, 1964, с. 10—11.

Лакербая абхазский читатель может считать выражением преданности родному народу, гордости за постоянство народного характера. Вот почему, кстати сказать, спектакли по произведениям Михаила Лакербая на абхазской сцене столь колоритны, народны.

Художественная литература интернациональна, всечеловечна. А поскольку каждый настоящий художник всечеловечен, совсем неважно, какой народ он представляет: малый или великий. Понимая это, Михаил Лакербай творил, ревностно оберегая достоинство своего народа, и углублял это достоинство всеми своими личными качествами: и сдержанной манерой в общении с людьми, и элегантностью, и доброжелательной готовностью быть полезным даже незнакомым людям.

Да, один из лучших новеллистов абхазской литературы Михаил Лакербай несомненно был достойным подражания, высококультурным, благородным служителем пера...»

...С юных лет наблюдал Миха за жизнью и бытом своего народа, изучал обычаи и обряды. Он рано понял, как узок был кругозор абхазцев, каким малым было число истинных патриотов, сумевших вывести страну на светлый путь. Все это помогло ему понять, что главное — еще с большей самоотверженностью взяться за приобретение знаний. Он видел забитость народа и выход из этого положения искал в знании и просвещении. Школу горцев Михаил Лакербай окончил в 1913 году. В удостоверении, выданном ему 16 августа 1913 года, под которым стоит подпись Попова, мы читаем: «...выдано это удостоверение бывшему воспитаннику школы горцев для поступления в сухумское реальное училище. В период учебы ни в чем плохом он не был замечен — отличался образцовым поведением и учился правильно».

Вот еще один документ об окончании школы: «Предъявитель сего — житель Сухумского округа, дворянин Михаил Лакербай, мусульманского вероисповедания, рожденный 6 января 1901 года, с 1909 года учился в Сухумской школе для горцев и закончил ее полный курс.

При примерном поведении обнаружил следующие знания: закон божий, русский язык, арифметика, гео-

37

метрия, естествознание — по всем этим предметам четверки, помимо прочего изучал практическое садоводство, огородничество, шелководство. М. Лакербай годен для военной службы.

Г. Сухум-кале. 29 мая 1913 года, председатель учебного совета полковник Кропон. Попечитель школы Попов».

Эти документы ясно говорят, что М. Лакербай был примерным учеником, и точно указывают, когда он поступил в школу для горцев и когда ее закончил.

В СУХУМСКОМ РЕАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ

Сухумское реальное училище в то время считалось одним из лучших в городе. Удостоверение об окончании горской школы давало право продолжать учение в высшем техническом училище. В нескольких словах коснемся этого учебного заведения, во-первых, потому, что с ним связано творчество Лакербая, во-вторых, здесь преподавали известные абхазские воспитатели-педагоги, в-третьих, и по сей день мало что известно о роли и значении этого училища в жизни общества.

Кроме школы для горцев, пока не изучена история дореволюционных учебных заведений. Школе для горцев посвятил свой труд профессор Б. Г. Тарба. А о сухумском реальном училище мы знаем мало, потому что архив упомянутых учреждений пока что значитесь пропавшим.

Сухумское реальное училище открылось в начале века. Абхазцы и живущие здесь другие народности не раз просили правительство дать разрешение на открытие в Сухуми реального училища, и наконец в 1900 году министерство народного просвещения пришло к заключению, что «этнография и география, конечно, оправдывают открытие в городе реального училища. Открытие такого учреждения на Черноморском побережье, в Сухуми, действительно обслужит контингент большой территории. Сюда поедут учиться из Новороссийска, Батуми, потому что в этих городах реальных училищ — нет...».

По решению Совета государственного департамента промышленности, науки, торговли и экономики в декабре 1912 года в городе Сухуми открылось реальное

38

училище, функционировавшее до 1921 года. Когда Михаил Лакербай поступил в реальное училище, директором училища бил Ф. Д. Авилов — человек весьма просвещенный (владел несколькими языками), высококультурный, воспринявший передовые демократические идеи русской интеллигенции.

К мк мы уже отмечали, удостоверение об окончании реального училища давало право сдачи экзаменов в высшее техническое учебное заведение. Я просмотрел список учащихся этого училища и нашел в нем много фамилий абхазских детей: Эмхаа, Дзяпшипа, Маршан, Маан, Авидзба и многих других. Напротив каждой из фамилий — дата поступления в училище и оценки их знаний. Между прочим, большинство из них привлекают внимание как своим образцовым поведением, так и своей высокой успеваемостью.

О строгости правил, введенных в училище, говорят следующие документы.

Заявление Мины Лакербай:

«В связи с зачислением в сухумское реальное училище моего сына 10 августа 1913 года к моему заявлению прилагаю следующие обязательства: 1. По поводу того, что мой сын, Михаил Лакербай, был зачислен н вверенное Вам училище, обязуюсь: систематически стирать ему форменную одежду, обеспечить его учебниками, учебными пособиями и своевременно вносить плату за обучение. 2. Беру на себя ответственность, что мой сын будет выполнять все требования и обязательства, порученные ему руководством реального училища; если он не выполнит возложенные на него поручения, я согласна на его исключение из училища. 3. Мой сын будет жить у Левана Карцивадзе по следующему адресу: ул. Воронцова, д. № 43, и если он переменит свое местопребывание, я обязуюсь без замедления сообщить Вам об этом».

На втором документе расписывается Леван Карцивадзе, в чьем доме проживал Михаил Лакербай в период учебы в училище:

«Я, нижеподписавшийся Леван Карцивадзе, обязуюсь с вниманием относиться к моему жильцу Михаилу Лакербаю и не допустить обзаведения им огнестрельным или холодным оружием. Но если он в этом деле не подчинится мне, не возражаю, чтобы он был исключен из училища, согласно приказу № 5704 Кавказского

39

учебного округа от 19 марта 1908 года. В чем расписываюсь. Леван Карцивадзе» (1).

Совершенно ясно, что нарушивший это обязательство исключался из училища. Эти строгие меры с самого начала приучали учащихся к честности, порядочности, опрятности, прививали им чувство ответственности, приучали к дисциплине, повышали авторитет училища.

И Мина была спокойна за своего сына.

1912 год — дата рождения абхазского художественного слова. За ним пришел 1913— год выхода второй книги Д. Гулиа. Все это радовало, волновало тех, кто задумывался о будущем Абхазии. Ими постепенно овладевала мысль о светлом будущем народа, у которого есть собственная письменность. Так думал и Михаил Лакербай.

Михаил в пору пребывания в реальном училище начал писать, хотя о литературном будущем мечтал еще в школе для горцев. В сухумском реальном училище Михаила Лакербая учили известные учителя-просветители: В. И. Стражев, А. М. Добровольский, И. И. Запорожский, А. М. Чочуа.

В. И. Стражев, например, с 1916 года в сухумском реальном училище преподавал русский язык и литературу. Ближе познакомиться с этим учебным заведением нам помогут воспоминания Андрея Максимовича Чочуа: «Как известно, революция 1905 года вынудила российское самодержавие во всей Российской империи, во всех национальных школах начать преподавание на национальном языке, после этого и я начал работать в сухумском реальном училище преподавателем абхазского языка и природоведения, но, как известно, для этого не имелось ни соответствующих учебников, ни программы и по этим предметам не существовало каких-нибудь методических пособий. Вскоре я сам взялся за это дело и, нужно сказать, достаточно успешно. Кавказский учебный округ одобрил составленную мною программу краеведения и предложил по этим программам создать учебники. За два учебных года я составил азбуку и учебник краеведения, который Самсон Яковлевич Чанба (2) перевел на абхазский язык. Азбука, которую я составил на основании алфавита, составлен-

1 ЦСАА, ф. 18, д. № 104.

2 Чанба С. Я. — выдающийся абхазский писатель.

ного генералом Бартоломеем, языковедом Усларом, К. Мачавариани и Д. Гулиа, была одобрена и рекомендована для издания специальной комиссией, в этой работе принимал участие и инспектор народных училищ Сухумского округа. А до этого дети пользовались моим рукописным учебником.

И сухумском реальном училище абхазскому языку было отведено четыре часа в неделю. А желающих изучить абхазский язык было довольно много, в особенности в младших классах. В связи с этим в младших классах я организовал две группы. В первой группе находились I—IV классы, она в свою очередь делилась на две подгруппы: состоящие из знающих и не знающих абхазский язык. Во второй группе объединились учащиеся старших классов, владеющие абхазским языком. Нужно сказать, что члены обеих групп проявляли особое усердие и занимались с интересом. Согласно программе, старшеклассники на основе местных материалов для абхазской национальной школы должны были составить учебник для чтения. Учащиеся с интересом и особым усердием взялись за дело. В процессе работы они проявляли большое творческое умение. На протяжении двух лет они создали и записали 150 стихотворений и рассказов. Книга была составлена быстро, но из-за отсутствия абхазского шрифта мы не сумели ее напечатать. В это время интерес к абхазскому языку еще больше вырос не только среди учащихся сухумского реального училища, но и среди учителей. Зная об этом, я сделал доклад на

тему «К истории абхазского алфавита или азбуки» (1).

Этот отрывок из воспоминаний свидетельствует, что во многом благодаря А. М. Чочуа в сухумском реальном училище с уважением относились к абхазскому языку. В тот период не так-то легко было получить разрешение обучаться на родном языке, в этом были заинтересованы не только абхазцы, но и учащиеся других национальностей, о чем свидетельствуют вышеприведенные слова А. М. Чочуа.

Михаил Лакербай, в будущем видный писатель, особенно увлекся художественной литературой, много читал, писал стихи. Главным образом его увлекала иностранная приключенческая литература: сочинения

1 Чочуа А. М. Сочинения. Сухуми, 1976, с. 54—55.

41

Майн Рида, Марка Твена, О. Генри; из русских писателей особенно любил Льва Толстого, Ивана Тургенева, Антона Павловича Чехова и Максима Горького. До самозабвения увлекался лирикой Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Позже увлекается также Рабиндранатом Тагором и сочинениями Грина. Первыми, кто пробудил в нем любовь к художественной литературе, были Д. Гулиа, С. Чанба, А. М. Чочуа и учителя — поэт-литератор Виктор Стражев и Иван Запорожский.

Вот что пишет о Дмитрие Гулиа Михаил Лакербай в своем рассказе «Наш Прометей» («Алашара», 1964, № 2):

«Дмитрий Гулиа был высокообразованный поэт. Он всегда призывал углублять, расширять наши знания. Учил, как направить эти знания на благо народа. Удивительным был его метод учения. Он заставлял любить литературу, творчество, давал нам свободные темы. Переводил на абхазский язык образцы классической литературы. По его инициативе и под его руководством устраивали мы инсценировки абхазских сказок и потом представляли их в им же самим организованных драматических кружках. Так, например, под его руководством С. М. Ашхацава по мотивам романа Мордовцева «Потомки Прометея» подготовил две инсценировки — «Келишбей» и «Сафарбей». Эти инсценировки мы поставили на сцене кинотеатра «Апсны» (1). Постановка принадлежала самому Гулиа, где он проявил и режиссерские способности. В инсценировке участвовали: Б. Ладариа, З. Ладариа, Д. Хачба, А. Нинуа, А. Маршания и другие».

Михаил Лакербай уважал и высоко ценил великодушного человека, прекрасного воспитателя и учителя литературы И. И. Запорожского, который на протяжении многих лет вел плодотворную просветительную работу в Абхазии. Уважение и любовь к этому блестящему педагогу Михаил Лакербай выражает в одном своем личном письме, посланном любимому педагогу вместе со своей книгой «Абхазские новеллы», вышедшей в издательстве «Советский писатель»:

«Мой любимый, глубокоуважаемый учитель и доро-

1 Ныне театр грузинской драмы им. К. Гамсахурдиа.

42

гой друг Иван Иванович. Высылаю Вам один из первых экземпляров моей новой книги

<http://apsnyteka.org/>

«Абхазские новеллы» в знак глубокого уважения. Это Вы еще со школьной скамьи привили мне неугасимую любовь к литературе, разбудили ее навсегда в моем сердце...

Я часто с теплотой вспоминаю наши ученические вечера, выступления на темы о высоких человеческих идеалах, жаркие диспуты. Все это организовывалось по Вашей инициативе и под Вашим руководством. Именно Вы проводили их под своим руководством — и больше никто!

Эту книгу Вашего ученика дарю от всей души, будьте судьей.

Михаил Лакербай, Москва, 1957 г.»

И. Запорожский гордился своими учениками, приносившими своей деятельностью пользу народу. Об этом свидетельствует поздравительное письмо уже старого учителя, которое он послал Михаилу Лакербаю в связи с 60-летием писателя. Это поздравительное письмо, помимо своего основного назначения, рассказывает нам, в каких условиях учился М. Лакербай в сухумском реальном училище, каким он был учеником, дополняет его биографию новыми данными. Поэтому письмо приводим полностью.

«Дорогой Михаил Александрович, в этот вечер, посвященный Вашему 60-летию и 40-летию творческой деятельности, хочу Вам сказать теплые, от всего сердца идущие слова!

Я помню, каким Вы были способным, вдумчивым учеником сухумского реального училища.

Ваш образ, как сегодня, предстает в моей памяти — высокий, стройный, со смеющимися синими глазами симпатичный абхазский мальчик. Вы были активным членом литературного кружка и долгое время руководили им.

Члены этого кружка писали и выступали с докладами о бесстрашных борцах за народное счастье, за светлое будущее его!

Ваши доклады были всегда интересны, отличались глубиной. Вы эти доклады тщательно готовили.

Наш литературный кружок много внимания уделял сбору народных песен, сказок, преданий, загадок. Примером для нас служил А. М. Горький, проявлявший

43

большой интерес к фольклору, изучавший его, использовавший в своем творчестве...»

Михаил Лакербай по характеру был мягкий, общительный. Скромность и душевность снискали ему уважение и любовь со стороны товарищей по учебе и со стороны преподавателей. В его характере не было ни одной неприятной черточки. Он любил делать людям добро. С большим уважением относился к своей матери, на долю которой выпало воспитывать одной шестерых детей.

Мать очень радовалась, когда слышала похвалы сыну от его учителей. Они придавали ей духовные силы, наполняли энергией. Михаил знал это и поэтому проявлял большое усердие в учебе.

Любовь к литературе, как мы уже отмечали, Михаил проявлял еще в реальном училище. Писал собственные произведения, принимал участие в литературных вечерах. Как вспоминает И. И. Запорожский, здесь он выступал с докладами о жизни и творчестве отдельных поэтов и писателей, писал о них. В сущности, это были первые литературные опыты будущего писателя.

В реальное училище Михаил Лакербай поступил, как мы знаем, в сентябре 1913 года, окончил его в марте 1918 года, о чем свидетельствует следующее удостоверение: «В сухумском реальном училище Михаил Лакербай, рожденный 6 января 1901 года, дворянин, по вероисповеданию мусульманин, учился с 1 сентября 1913 года по март 1918 года. Окончил полный курс, отличался примерным поведением. Русский язык — 5, история — 5, закон божий — 5... Лакербай может и имеет право продолжать учебу в высшем учебном заведении.

Директор сухумского реального училища
Ф. Д. Авилов» (1).

Согласно этому документу, класс, в котором учился М. Лакербай, учебный год закончил в марте. Может быть, досрочное окончание было вызвано тем, что после победы революции в России здесь власть взяло в свои руки меньшевистское правительство. Или, может быть, потому, что администрация испугалась усиления революционного движения в Абхазии и решила досрочно

1 ЦСАА, ф. № 18, д. № 104.

44

распустить учеников. В автобиографии, которая написана после окончания Великой Отечественной войны в 1946 году, М. Лакербай пишет: «1915—1920 годы учился в сухумском реальном училище».

Но, как убедили нас архивные документы, Михаил Лакербай в реальное училище поступил в 1913 году и окончил его в 1918 году. Все остальные даты автобиографии точно соответствуют архивным документам.

ПОСЛЕ РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА

Чрезвычайно тяжелы были годы меньшевизма. Особенно в невыносимом положении оказалось абхазское крестьянство и малочисленная абхазская интеллигенция. Прикрывавшиеся демократическими лозунгами меньшевики попирали, топтали права местных жителей.

Одной из самых ярких страниц биографии писателя являются годы его работы в абхазской печати. Здесь он проявил себя как страстный борец за светлое будущее, за пробуждение национального самосознания народа, как пропагандист творчества Д. И. Гулиа. Таковы мотивы и содержание ранних произведений писателя.

В те годы Михаил Лакербай оказался среди верных сынов Абхазии, которые защищали ее словом и оружием, он стал одним из соратников Д. И. Гулиа и С. Я. Чанба.

В это тяжелое время абхазская интеллигенция заявила меньшевистскому правительству, что хочет иметь газету на родном языке.

Меньшевики, как об этом говорит профессор Ш. Инал-ипа, проводили рационалистическую политику, они защищали только свои интересы. Но когда встал вопрос об абхазской газете, решили не восстанавливать против себя абхазцев, а потому не стали препятствовать.

Абхазская интеллигенция понимала, какое огромное значение имеет для народа выход газеты на родном языке. В одном из номеров газеты «Апсны» было написано: «Народ, который не имеет своей газеты, не имеет своей твердой письменности, не считается самостоятельным народом, способным иметь свою государственность, не может рассчитывать на самостоятельность.

Поэтому мы и решили добиться издания своей газеты» («Апсны», 1920, 12 июня).

45

Конечно, в те годы многие объективные и субъективные причины мешали изданию собственной газеты, но абхазская интеллигенция ни перед какими препятствиями не останавливалась.

Первый номер абхазской газеты «Апсны» вышел 27 февраля 1919 года. Эта дата имеет огромное значение, она навечно вписана в летопись историко-культурной жизни абхазского народа. В одном из посланий газете Д. И. Гулиа писал: «Этот день — день большого торжества. Сегодня впервые выходит газета на абхазском языке под названием «Апсны». Абхазцы говорят: «День прибавился на один олений прыжок». Так и этот день. Мы, абхазцы, сделали один прыжок вперед к светлому будущему. С этих пор, с божьей помощью, уже не будем сметены с лица земли, не будем смяты, если, конечно, используем газету разумно и на наше благо. Теперь под этим знаменем должны объединиться все абхазцы. Газета — наше знамя. В чем нуждаемся, что пойдет нам на пользу, чему радуемся и к чему стремимся — обо всем этом мы должны говорить друг другу через нашу газету. Мы должны делиться между собой своим опытом и рука об руку идти вперед, к светлому будущему. Народ, у которого нет собственной литературы, собственной прессы, не может считаться полноправным народом, такой народ беспомощен, у него нет смелости, он лишен собственного лица, у него нет настоящего будущего. Правда, он сегодня еще может как-то просуществовать, но завтра он может быть поработен другим народом, имеющим свою литературу и прессу. Тогда, в состоянии порабощения, мы забудем родной язык, свои нравы и обычаи, главным тот будет язык и те обычаи народа, которые нас поработят, и так постепенно мы исчезнем как нация... Поэтому, абхазцы, если не хотите вы слиться с другим народом и исчезнуть, если хотите самостоятельно существовать, развиваться и идти вперед, вы обязаны создать все условия для развития знания и просвещения».

Эти слова, если образно говорить, были подобны зову с вершины Эрцаху (Эльбруса): «Время ударило, пора проснуться!» Думается, что и сегодня трудно представить абхазца, который без волнения прочтет эти огненные слова призыва. Этот призыв спланивал силы для сохранения завоеваний и для дальнейшего разви-

46

тия печатного слова. Периодический орган притягивал интеллигенцию.

На страницах газеты «Апсны» мы ясно видим, какие были заботы у Абхазии в конце прошлого столетия и в начале нынешнего, какие проблемы волновали абхазскую интеллигенцию, с чем она не могла примириться и чего ожидала с радостью, к чему стремилась, о чем мечтала!

Михаил Лакербай был представителем вышеупомянутого поколения интеллигенции. Он был одним из тех, кто сотрудничал в этой газете. Газета печатала его стихи и публицистические статьи, пронизанные горячей любовью к Абхазии. Он призывал к объединению сил для борьбы за светлое будущее родины.

Редактор газеты «Апсны» Д. И. Гулиа имел большое влияние на творчество М. Лакербая, на формирование его мировоззрения, высоко ценил его талант, поддерживал морально, давал добрые советы.

Внимание Д. Гулиа окрыляло писателя, укрепляло веру в себя, давало правильные ориентиры. И Михаил полюбил, как родного отца, своего духовного учителя. Любовь к этому удивительному человеку, как маяк, освещала путь автору «Аламыса». Это видно из статьи М. Лакербая «Наш Прометей», которую он написал за два месяца до своей смерти.

М. Хашба так пишет о трудностях работы в газете: «Редакция газеты «Апсны» не только не

имела своего помещения, но даже не имела своего стола. В типографии, где печаталась газета, стоял маленький столик печатника, где днем принимались заказы, а вечером редактор садился писать и редактировать» (1).

Редактор газеты «Апсны» Д. И. Гулиа направлял ее по пути просветительства. Он ставил себе целью привлечь всех, кто писал на абхазском языке, объединить их усилия, выявить способных авторов. И газета постепенно выявляла таких деятелей, писателей, подающих надежды, патриотов, заинтересованных в развитии национальной литературы. На ее страницах печатались стихи, рассказы, отрывки из оригинальных или переведенных пьес, письма. Все это способствовало просвещению народа, ликвидации неграмотности среди

1 Хашба М. Весенние дни. Сухуми, 1977, с. 75.

47

абхазцев. Газета разоблачала чужие и вредные для абхазского народа тенденции, традиции и нравы.

Михаил Лакербай еще в юности сблизился с корифеями абхазской литературы — Д. Гулиа и С. Чанба, активно сотрудничал с ними, а также с видными общественными деятелями: Симоном Басариа, Симоном Ашхацава, Кондратом Дзидзариа. Для него, молодого литератора, их слово, их мнение имело огромное значение.

Для Лакербая это был период острых переживаний которые находили свое воплощение в ярких образах, созданных им. К этому периоду относятся его революционно-романтические шедевры «Дмитрий Гулиа» «В тюрьме», «Родина».

Опубликованными в газете «Апсны» произведениями Михаил Лакербай быстро завоевал любовь и уважение своего народа и приобрел популярность. Ввиду того что при меньшевиках невозможно было ясно выражать свои взгляды и мысли, М. Лакербай, так же как и его друзья, прибегал к аллегории, к эзопову языку, и таким способом боролся с меньшевистским засильем в Абхазии. Свои статьи, притчи, басни и т. п. он публиковал под псевдонимом «Апсуа». Под этим псевдонимом в 1920 году были напечатаны басня «Аист, рыба и человек» и другие произведения.

РЕДАКТОР ПЕРВОЙ АБХАЗСКОЙ ГАЗЕТЫ

Не случайно, что редактором первой абхазской советской газеты «Апсны капш» стал Михаил Лакербай. Его уже знали как способного, умелого газетчика: М. Лакербай получил хороший опыт в пору сотрудничества в «Апсны».

Для Абхазии началась новая жизнь, и поэтому на редактора газеты «Апсны капш» ложилась большая ответственность: газета должна была отвечать духу времени, отражать и защищать волю и интересы возрожденного Апсны.

Михаилу Лакербаю тогда было только двадцать лет. У него не было еще жизненного опыта. Нужно было искать людей, пишущих на абхазском языке. В такой обстановке редактировать газету было весьма сложно. Но молодой литератор принадлежал к тем людям, которые не отступали перед трудностями и не искали

48

легких путей в жизни. М. Лакербай никогда не сомневался в возможностях своего народа, верил в его светлое будущее, в то, что родной народ пойдет по правильному, надежному пути и никто и ничто не заставит его с этого пути свернуть.

Под руководством большевиков трудящиеся Абхазии единодушно взялись за строительство новой жизни. Они самоотверженно боролись за осуществление, претворение в жизнь директив вышестоящих органов, героически преодолевали трудности и препятствия. Но известно, что новое всегда наталкивается на острое сопротивление. Не избежала этого и Абхазия. Классовый враг в лице тех, кого Советская власть лишила возможности эксплуатировать чужой труд, кто вел паразитический образ жизни, жестокую борьбу с молодой Абхазской республикой не на жизнь, а на смерть, — пока не был сломлен. Немалую опасность представляли и те, кто не понял сути нового строя, кто стоял в стороне, приняв позу хладнокровных наблюдателей.

В такой политической обстановке работа в газете была весьма трудной. Печатное слово, основное орудие идеологии, призвано было повысить, направить в правильное русло сознательность масс. Оно должно было разъяснить народным массам партийную позицию, донести до их сознания партийное слово. Первый редактор абхазской газеты прекрасно понимал все это. Именно он, Михаил Лакербай, дал название газете — «Апсны капш», название, которое и по сей день носит областная абхазская газета. Михаил Лакербай работал в этой газете до 1925 года. За это время много было сделано для развития и утверждения печатного слова. Достояна высокой оценки и роль Михаила Лакербая в превращении газеты в истинно партийный орган.

Здесь, мне кажется, не будет лишним небольшой исторический экскурс в прошлое для того, чтобы яснее представить, как формировалась в Абхазии большевистская печать.

Первая абхазская большевистская газета «Сухумская правда» вышла 16 апреля 1918 года и выходила до 17 мая этого года. Это было в тот период, когда в Абхазии на короткое время победила Советская власть (она просуществовала тогда сорок дней). «Сухумская правда» провела большую работу среди трудящихся Абхазии в деле пропаганды большевистских идей, в деле

49

воспитания народных масс в духе пролетарского интернационализма. «Сухумская правда» печатала статьи В. И. Ленина, постановления и декреты Совета Народных комиссаров РСФСР. На ее страницах были опубликованы законы о национализации земель, восьмичасовом рабочем дне, ликвидации безработицы, были опубликованы также «Декларация русского народа», «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока» и многие другие документы. В дни начавшейся борьбы за восстановление Советской власти в Абхазии 22 февраля 1921 года в Сочи родилась газета «Голос трудящейся Абхазии». В Сухуми первый номер этой газеты вышел 4 марта 1921 года, в день окончательного установления Советской власти в Абхазии.

21 апреля 1921 года в Сухуми вышла в свет первая абхазская большевистская газета «Апсны капш», вторая по счету в истории Абхазии газета на абхазском языке. Первая же газета «Апсны» вышла впервые 27 февраля 1919 года, в период господства меньшевиков, и просуществовала два года.

Со страниц «Апсны капш» абхазцы получали богатую информацию по интересовавшим их вопросам: о принципах новой жизни, вопросам связанным с пробуждением национального самосознания, о том, чем вызваны социальные преобразования, почему необходимо построить социализм.

Газета на родном языке была одним из предметов национальной гордости абхазского народа, одним из атрибутов государственности Абхазии.

Обратим внимание на то, что первое время читатель получал газету бесплатно. Тираж ее на первых порах был не более 500 экз., но затем увеличился: расширился круг читателей газеты, особенно среди интеллигенции. «Апсны капш» выходила тогда один раз в неделю.

Авторитет газеты сильно возрос уже за первые пять (1921 — 1925 годы) лет, она проникла в гущу абхазского народа, ее полюбили за демократичность, доступность материалов, в которых излагались актуальные вопросы, волнующие абхазского читателя. Газета привлекала не только читателей, но и начинающих писателей. Первый редактор «Апсны капш» — М. Лакербай пишет в своей автобиографии: «Очень трудно было выпускать газету в первые дни, месяцы и недели. Очень много было трудностей. А главная трудность

50

заключалась в отсутствии материалов. Помимо того, что мало поступало материалов, наши корреспонденты в основном, к удивлению, писали стихами. К примеру, возьмем такой факт.

В каком-то из сел, кажется в Патрахуце, случайно загорелась крыша сельмага, и сельмаг весь сгорел. Этот случай корреспондент описал в стихотворной форме. Что и говорить, это не было стихотворением, и автор, конечно, не задавался целью создать на этом материале литературное произведение, но, бесспорно, он считал, что из такой корреспонденции стихи получаются лучше. Я написал этому корреспонденту письмо, в котором постарался разъяснить, чем отличается статья от стихотворения, какую функцию несет каждая из них, и затем попросил его писать в газету о том, какие изменения наблюдаются в жизни села, что мешает проникновению в жизнь села новых порядков. И он стал нам присылать хорошие материалы, которые мы, подправив, печатали в газете.

Так, постепенно, помимо абхазской интеллигенции, у газеты появились свои селькоры, которые сообщали о новостях жизни на селе».

«Проходило время. Новая жизнь вступала в свои права. В ногу с ней шли газеты «Трудовая Абхазия», «Апсны капш», рос их авторитет среди широких читательских масс. Эти газеты полюбили труженики городов и сел Абхазии. На их страницах с самого начала публиковались материалы, всесторонне освещавшие жизнь трудящихся Абхазской республики, газеты широко пропагандировали идеи Великой Октябрьской социалистической революции.

Большое внимание газета уделяла пропаганде ленинского плана кооперации. Публиковались руководства по проведению агрокультурных мероприятий для широкого их применения в крестьянских хозяйствах и т. п. В центре внимания газеты всегда находились вопросы интернационального воспитания, укрепления дружбы народов.

Газеты на конкретном материале давали понять крестьянам, что в республике происходят большие перемены, что жизнь становится лучше, что она широкими шагами идет вперед по пути социализма. Все это воспитывало трудящихся, раскрывало им глаза, показывало, как наяву идеи коммунизма способствуют строительству

51

светлой жизни», — так пишет о значении этих двух газет доктор исторических наук, профессор А. Е. Куправа в работе «Из истории культурного строительства в Абхазии» (Сухуми, 1961, с. 73—74).

МИХАИЛ ЛАКЕРБАЙ В ТБИЛИСИ

В 1925 году М. Лакербай поступил в Тбилисский политехнический институт на экономический факультет. Затем он поступает на юридический факультет.

<http://apsnyteka.org/>

Общительный, интересный собеседник, Михаил Лакербай быстро сошелся с однокурсниками, стал пользоваться уважением, обрел друзей.

При институте он организовал «землячество», членами которого являлись студенты из Абхазии, обучавшиеся в различных вузах Тбилиси. Они организованно отмечали праздники, делали доклады... При землячестве был организован литературный кружок. М. Лакербай читал членам кружка свои стихи, свои первые пьесы...

В годы учебы в Тбилиси в числе близких его друзей были Иосиф Адзинба (1), Петре Учанейшвили, Георгий Ткемелашвили. Особенно он сдружился с Георгием Ткемелашвили. В шутку его фамилию Михаил переименовал на абхазский лад — Ткешенба. Георгию импонировало, что с легкой руки друга он стал «абхазцем», после этого он еще больше полюбил его.

Интерес к грузинской художественной литературе М. Лакербай проявлял еще до приезда в Тбилиси. Произведения грузинских классиков он свободно читал на грузинском языке. Как и следовало ожидать, после того, как он проучился четыре года в Тбилиси и у него появились среди грузин близкие друзья, когда он поближе познакомился с их прекрасными традициями и обычаями, возраст которых исчисляется тысячелетиями, грузинская классическая литература стала ему еще дороже и ближе.

Этот народ под живительными лучами гения Ленина, как и другие народы нашей страны, шел уверенной поступью вперед, мужал, креп, ширились его связи. Под знаменем ленинизма здесь, как и повсюду в нашей стране, ковалось единое социалистическое общество.

Студент из Абхазии заинтересовался историей одно-

1 Известный абхазский этнограф.

52

го из древнейших городов мира, перечитал множество книг о нем. Чем больше он узнавал о городе, раскинувшемся по обоим берегам Куры, тем больше привязывался к нему. Самым любимым его местом в Тбилиси был пантеон на Мтацминда, где погребены останки выдающихся сынов Грузии. С этой горы он часто любовался Тбилиси. Можно ли не любить землю, место, где погребены И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Бараташвили, В. Пшавела!.. Землю, где покоится выдающийся сын русского народа, связавший свою судьбу с Грузией, — Александр Сергеевич Грибоедов.

Все это будило неподдельный интерес к грузинской литературе. История грузинского народа к тому же была во многом схожа с историей его родного абхазского народа. Не раз эти два народа проливали кровь в совместной борьбе против иноземных захватчиков. Стрелы и сабли абхазских воинов защищали как Абхазию, так и Грузию. Он видел, понимал, что корни исторических судеб абхазов и грузин тесно переплетены.

Михаил Лакербай прочел поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Сильное впечатление на него произвела также поэзия Бараташвили. Стихотворение Н. Бараташвили «Мерани» он рассматривал как творение, призывающее не бояться трудностей, призывающее к победе. Его волновали герои произведений отважных горцев, готовых принять смерть в борьбе за свободу Отечества. Александр Казбеги, Важа Пшавела! Их герои, судьбы которых напоминали судьбы абхазов, также живущих в горах, трогали его и вызывали в нем высокие благородные чувства.

Еще будучи студентом, М. Лакербай лично знал многих известных деятелей грузинской культуры и литературы. Он увлекался поэзией Галактиона Табидзе, прозой Константина Гамсахурдиа и Михаила Джавахишвили.

Тбилиси много дал абхазскому студенту, обогатил его духовно. Он посещал театры, музеи, осматривал архитектурные памятники. Неоднократно задумывался над тем, что свой след в этом городе оставили корифеи русской литературы — А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой; над тем, что этот город, любовь к нему нашли свое воплощение в творчестве этих гигантов русской литературы.

Десятки лет отделяли молодого писателя и поэта от

53

великих писателей XIX столетия. И город, который он наблюдал, говорил ему совсем о другом — он строил новую жизнь, шел по пути созидания, строительства социализма. Народы Кавказа получили свободу, стали хозяевами своей судьбы. Но и великим писателям довелось многое наблюдать в свое время в этом городе: Куру, которая своим течением поделила город на две части, древние архитектурные памятники и сооружения. Все это напоминает о них, в его воображении встают их образы, они как бы призывают его, вводят в мир прекрасного. Он еще раз перечитывает произведения Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Толстого...

По словам жены Михаила, Евгении Исидоровны, в годы учебы в Тбилиси М. Лакербай прочел дважды все произведения Пушкина и Лермонтова, «Хаджи Мурат» — один из шедевров мировой литературы.

М. Лакербай в республиканской библиотеке находил и читал произведения, статьи, касающиеся Абхазии. Интересно прочитать одно из его писем этого периода домой:

«Дорогой Ваня! Как вы все там? Здорова ли мама, она стала хандрить, дают о себе знать перенесенные трудности. Скучаю, хочу видеть всех. Но приехать смогу только после зимней сессии. Я здоров. Есть у меня хорошие друзья. Насчет моей учебы можете не беспокоиться. Мне все удастся, не подведу вас. Бог даст, закончу два факультета — экономический и юридический. Вот только одно обстоятельство мне «мешает». А именно: я посещаю центральную республиканскую библиотеку. Там я ищу и нахожу интересные книги и статьи, касающиеся Абхазии. Недавно прочел роман Мордовцева «Прометеево потомство». Зла не хватает на отцеубийцу Асланбая. В газетах «Кавказ», «Дроеба» (1), «Квали» (2), «Иверия» есть очень много материалов об Абхазии, о которых мы не знаем, а знать бы надо. Для их прочтения урываю время от занятий, хотя и опасаясь, что это повлияет на учебу, поскольку мы проходим трудные предметы.

Абхазы — коренное население Кавказа, об этом свидетельствуют материалы ученых и писателей, которые я читаю.

1 «Дроеба» — *время (груз.)*.

2 «Квали» — *след (груз.)*.

54

Передай привет родным и близким, всем, кто знает меня. Поцелуй мамины глаза.

До доброй встречи. Миша Лакербай. Тбилиси, 1926 г., декабря 13 дня».

Письмо ясно говорит о том, насколько глубоко интересовался Михаил Лакербай историей Абхазии и абхазов. А то, что он был большим патриотом Абхазии, что он хорошо знал ее прошлое и настоящее, мечтал о ее светлом будущем, подтверждают и мои беседы и переписка с его современниками, с теми, кто близко знал его.

Михаил Лакербай в годы учебы в Тбилиси пользовался авторитетом среди абхазской молодежи и абхазской интеллигенции. На него смотрели как на молодого человека, подающего большие надежды, как на одного из тех, кого искренне волнует будущее родного народа. Вот как о нем писал народный писатель Абхазии Иван Георгиевич Папаскири:

«Это был воскресный день. После завтрака группа семинаристов пошла на причал, туда, где сейчас ресторан «Амра». (Тогда был только один причал.) Немного прошли по пристани, а затем направились гулять на набережную. У гостиницы «Империял» (ныне гостиница «Ткварчели») мы повстречали еще двух семинаристов — Кязыма Багапш и Леуа Шамба.

— Мы в гостиницу, если хотите, пойдете с нами, — предложил Кязым.

— А что нам там делать, кого мы там знаем и кто знает нас? — возразили мы.

— Там нас ждет Михаил Лакербай, он учится в вузе в Тбилиси. Пойдете, и вы познакомитесь с ним, — не отступал Кязым.

Тогда мы переглянулись. Михаила Лакербая мы не знали и не слышали до этого о нем, но то, что он учится в институте в Тбилиси, возбудило интерес. Я пожелал его увидеть, заинтересовался им и Иарза Гадлиа, тоже семинарист. Желаящих среди наших товарищей больше не оказалось. Поднялись в гостиницу, прошли в самый конец коридора. Кязым постучал в дверь. Она тут же открылась, и на пороге появился высокий, худощавый, хорошо одетый, симпатичный молодой человек.

55

— Добро пожаловать!—сказал он, приглашая жестом войти.

Комната, куда мы вошли, была довольна большая: четыре окна, две двери; посередине стоял стол с четырьмя стульями. Михаил рассадил нас на стульях, а сам уселся на край постели. Обменявшись с Кязым и Леуа приветствиями, окинул нас взглядом и спросил у них, кто мы. Кязым назвал нас по имени и фамилии, сказал, что мы семинаристы. Ему это понравилось. Он посоветовал нам хорошо учиться.

— У нас в Абхазии, кроме семинарии, нет другого учебного заведения, которое бы готовило в вуз. Надо поэтому серьезно относиться к занятиям, — сказал Миша.

Поскольку в то время абхазская интеллигенция была малочисленна, абхазских студентов, обучавшихся в Москве и Тбилиси и других городах, были единицы. Поэтому я особенно был рад знакомству с Михаилом Лакербаем, с этим обаятельным человеком.

До отъезда в Тбилиси он, как и обещал нам, пришел в семинарию. В беседе с семинаристами он еще больше раскрылся как весьма образованный молодой человек».

...Михаил Лакербай поддерживал связи с абхазскими студентами, которые учились в разных городах, вообще с учащейся абхазской молодежью. Об этом говорит и приведенный выше факт.

В 1928/29 учебном году он одновременно заканчивает юридический и экономический факультеты Тбилисского политехнического института.

В 1930 году он переезжает из Тбилиси, где работал в Коллегии адвокатов, в Сухуми, здесь тоже начинает работать в Коллегии адвокатов. Но и здесь он оставался недолго.

М. Лакербая притягивала литературная деятельность. Он и в Тбилиси не переставал интересоваться публицистикой, художественной литературой. А в период работы в редакции, как уже говорилось, он больше был связан с литературной деятельностью, нередко сам выступал с публицистическими статьями.

В Тбилиси он реже брался за перо. Напряженные занятия почти не оставляли времени для этого. Я тша-

56

тельно пересмотрел тбилисские газеты того периода, но публикаций М. Лакербая нашел очень мало.

Михаил Лакербай, прежде чем стать профессиональным писателем, очень много работал: читал, совершенствовал свое мастерство. Забегая вперед, скажу, что абхазские новеллы, принесшие ему славу, были изданы лишь в конце 50-х годов, а собирать и обрабатывать их он начал еще в 30-е годы. Тому подтверждений много. Возьмем хотя бы такой факт. Михаил Александрович был членом научной экспедиции, занимавшейся сбором и записями народных песен, музыкального фольклора. Еще совсем молодым собирал, записывал он народные сказания. Еще один факт. В «Материалах абхазского фольклора» (из архива академика Н. Я. Марра; Сухуми, 1967, с. 158; составление, предисловие кандидата филологических наук С. Зухба) есть сказки «Великан и Адгъагу». Вот что пишет об этой сказке Сергей Зухба:

«Великан и Адгъагу» записал Михаил Лакербай в 1915 году в селе Мерхеули Гульрипшского участка, Сухумского округа. В то время он учился в 4-м классе сухумского реального училища. Сказку в записи М. Лакербая прочитал Д. И. Гулиа и внес поправки. Под текстом и стоит подпись: «Исправил Д. Гулиа».

Ниже Сергей Зухба указывает, что оригинал этого текста хранится в Ленинградском архиве Отделения Академии наук СССР в фонде Н. Я. Марра.

Как мы видим, М. Лакербай интересовался устным народным творчеством своего народа с ранних лет, а любовь к фольклору мальчику привили родители — мать, отец, дедушка, а также сказители, которые посещали их дом.

Но вернемся ко времени его недолгого адвокатства. Мать и братья хотели, чтобы он остался работать в Сухуми, но сам он мечтал уехать в Москву — учиться дальше. И родственники не стали возражать.

НА КИНОФАБРИКЕ «ВОСТОК-ФИЛЬМ»

В Москве М. Лакербай поступил на курсы киносценаристов при кинофабрике «Восток-фильм», где и проучился более года. Учеба на этих курсах пригодилась позже, когда он взялся за драматургию, а также, что не менее важно, позволила, сблизиться с известными

советскими киносценаристами, драматургами, писателями.

Исследователь творческой биографии М. Лакербая не может не заметить, как благотворно сказалась учеба на «Восток-фильме». В этот период М. Лакербай написал четыре киносценария: «Цветок жизни» (1933), «Ткварчели» (1934), «Два родника» и «Девушка в зелени» (1938).

Для Лакербая Тбилиси и Москва были близки и дороги, так же как и столица родной Абхазии — Сухуми. В этих городах он провел лучшие годы своей жизни, с ними было связано очень много ярких воспоминаний. Помимо того, что в этих городах он получил глубокие знания, они оказали огромное влияние на становление его как писателя, здесь он обрел и близких друзей — людей высокообразованных, людей огромного духовного богатства.

В годы учебы на «Восток-фильме» он сблизился, подружился не только с теми, кто там учился, но и с писателями и киносценаристами, часто туда приезжавшими. Среди них были Николай Санишвили, Николай Бестаев, Сергей Ермолинский, Михаил Чиаурели, Виктор Шкловский, Аршалус Аршаруни, Хаджи-Мурат Мугуев, Николай Абрамов, Климентий Минц, Виктор Винников, Геннадий Фиш, Перец Маркиш, Георгий Мдивани, Рюрик Ивнев и другие.

Общение с этими людьми, сделавшими к тому времени уже очень многое, внесшими значительный вклад в советскую литературу и драматургию, многое дало М. Лакербаю. Он принимал участие в совещаниях и диспутах, которые они проводили по вопросам дальнейшего развития советской литературы и искусства. Эрудиция, писательский талант, глубокие знания в области искусства, тонкий вкус, личное обаяние давали возможность М. Лакербаю участвовать в этих диспутах и совещаниях на равных.

Забегая вперед, хочу сказать, что перечисленные выше люди с большим уважением относились к М. Лакербаю, почти все они дарили ему свои книги с автографами. Я имел возможность пересмотреть их во время посещения квартиры М. Лакербая в Москве.

Классик советской литературы Михаил Александрович Шолохов хорошо знал М. Лакербая.

М. А. Шолохов в те годы был уже широко известным

писателем, с его мнением считались, слово, сказанное им о коллегах по перу, значило многое. М. А. Шолохов с большим интересом следил за развитием советских национальных литератур.

Именно с его помощью после окончания курсов по кинодраматургии М. Лакербай, как и некоторые его сокурсники, стал работать в «Восток-фильме». Что и говорить, для молодого абхазского драматурга это было замечательной школой!

Не все в творчестве, как и в жизни, складывается гладко, приходится испытывать и радость успеха, и огорчения. Отдельные случаи, эпизоды запоминаются на всю жизнь.

Самым ярким, впечатляющим событием для М. Лакербая стал 1-й съезд советских писателей, проходивший в Москве в 1934 году. На этом съезде он имел счастливую возможность видеть и слышать М. Горького — основоположника социалистического реализма, основоположника советской литературы, который не только своими произведениями, но и своими советами воспитывал и обогащал молодых литераторов — представителей многонациональной советской

литературы.

На съезд он попал по приглашению, он не был делегатом, так как не являлся еще членом СП СССР. Приглашение организовал ему через Горького известный писатель и ученый Виктор Шкловский. Из абхазцев на этом съезде присутствовали С. Я. Чанба и М. А. Лакербай.

На всю жизнь сохранил М. Лакербай яркие воспоминания об этом съезде, он считал, что съезд дал ему многое в смысле творческой направленности, вдохновил его. Позже он писал брату:

«Ваня, вчера я слушал доклад того, чье имя, чьи произведения давно стали легендарными; он и сам походит на своих героев. Если даже я не назову его имени, ты все равно, конечно, догадаешься, что речь идет о человеке, пользующемся в Советском Союзе всеобщей любовью. Это великий русский писатель А. М. ГОРЬКИЙ. (На съезд я попал благодаря моему хорошему и уважаемому другу ВИКТОРУ ШКЛОВСКОМУ.)

Ваня, я никогда не забуду его дельное и умное выступление.

59

Когда увидимся, расскажу подробности. Занят, много езжу по Советскому Союзу...»

В письме после слов «по Советскому Союзу...» разобрать текст нельзя, письмо чем-то залито. Только в конце едва можно было прочитать подпись: «Миша Лакербай».

Есть много материалов, документов, говорящих о том, что среди московских писателей М. Лакербай был своим человеком, что они считались с его дарованием. Именно здесь, в Москве, он был принят в члены Союза писателей СССР в 1936 году; рекомендации ему дали Виктор Шкловский, Георгий Мдивани и Мате Залка (генерал Лукач).

В Москве Михаил Лакербай встречался и беседовал с абхазским революционером, верным ленинцем, большевиком, до последних дней своей жизни служившим партии и родине, Ефремом Эшба (Дзидзария Г. А. Ефрем Эшба: биографический очерк. Сухуми, 1967, с. 116). Они состояли в родстве. Мать М. Лакербая, как уже об этом говорилось, была дочерью Белала Эшба. Михаил Лакербай еще в юности, до установления Советской власти в Абхазии, часто видел его. В период революционной борьбы, когда царские власти преследовали Е. Эшба, его не раз укрывала в своем доме Мина Эшба (мать М. Лакербая), так как дворянская семья была вне подозрений.

4 марта 1926 года в Москве на торжественном вечере, посвященном 5-летию установления Советской власти в Абхазии, который организовали абхазские студенты, с речью выступил Е. Эшба. Он, в частности, отметил: «...то, что в столице международного пролетариата учатся более 100 студентов из такой маленькой страны (Абхазии.— Р. К.), является историческим фактом...» (Дзидзария Г. А. Е. Эшба, Сухуми, с. 7).

М. Лакербай хорошо понимал и любил одного из славных сынов Абхазии — Е. Эшба. Позже образы бесстрашных борцов и выдающихся революционеров Ефрема Эшба, Нестора Лакоба нашли достойное отражение в литературе.

...Михаил Лакербай всегда был рад встрече с народными сказителями. Его с ними многое сближало: он был певцом абхазского аламыса — свода законов чести, они же стояли у истоков этого аламыса. Те, кто хорошо знал писателя, встречался и беседовал с ним,

60

знают и помнят, с каким уважением и любовью он говорил об абхазских стариках, как высоко

ценил их мудрость. Он знал всех абхазских сказителей, лично с ними встречался и беседовал неоднократно. Да и сами его произведения говорят об этом.

В биографии М. Лакербая читаем: «Учился на кино-фабрике «Восток-фильм», затем работал вначале помощником режиссера, потом ассистентом режиссера и наконец — сценаристом».

Писателя связывала тесная дружба с кинорежиссером Климентом Минцем. Они неоднократно вместе приезжали в Абхазию. В результате их совместной работы родился киносценарий «Земля и рай».

Абхазский писатель, будущий певец аламыса, — любил привозить с собой в Абхазию и принимать здесь друзей и знакомых по всем правилам абхазского гостеприимства в доме своих братьев, друзей, близких родственников. Он не собирался извлекать для себя из этого какую-нибудь выгоду. Он хотел только одного — показать душу своего народа.

М. Лакербай был влюблен в красоту, богатство родной природы, он гордился своим краем и восхвалял его и за пределами Аpsны, где бы ни бывал. Но это не мешало ему быть подлинным интернационалистом.

Его близкими друзьями были еврейские писатели — Перец Маркиш и Геннадий Фиш. Дружил он с композитором Михаилом Осокиным, писателями Петром Слетовым, Цезарем Солодарем, Владимиром Крахтом и другими.

Михаил Лакербай навсегда сдружился в Тбилиси с Г. Бухникашвили, Г. Ткешелашвили, Д. Шведовым, В. Куртиди. Для него были дороги все, кто проявлял интерес к Абхазии и абхазскому народу.

МИХАИЛ ЛАКЕРБАЙ — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

В автобиографии, написанной 6 октября 1946 года, М. Лакербай пишет:

«С 1937 года я — профессиональный писатель; создавал художественные произведения в основном на родном языке и потом сам переводил их на русский».

Для Михаила Александровича не существовало высшего звания, чем звание писателя. Но судьба не всегда была милостива к нему, не всегда он мог заниматься любимым делом спокойно.

61

Жизненная и творческая биографии неразделимы. М. Лакербай, как уже неоднократно отмечалось, красив и внешне и внутренне. Но говорят, что красивым и хорошим людям в жизни часто не везет.

Во время учебы в Тбилиси М. Лакербай познакомился с армянской девушкой Марго Аваковой, студенткой Политехнического института.

Они полюбили друг друга. Обвенчались. Но их семейная жизнь продолжалась только два года. Они расстались.

Лакербай переехал жить в Москву, а Марго осталась в Тбилиси. Детей у них не было. Позже, в Москве, Михаил женился на еврейской девушке, родившей ему дочь.

Но вторая жена болела туберкулезом, и, когда Михаил находился на фронте, она умерла. Малолетнюю дочь забрали к себе родственники жены.

Но дочка тоже болела туберкулезом и вскоре умерла. Писатель остро переживал свою семейную трагедию. Эта боль сопровождала его до самой смерти.

Брат Михаила, Иван Лакербай, рассказывал о семейных делах брата следующее:

«Как подобает истинному абхазцу, внешне он ничем не проявлял своего горя, но, когда мы оставались одни, часто говорил о несчастной судьбе своей безвременной погибшей дочери: «Сердце содрогается при мысли о том, что погибла она потому, что была сирота. не было у нее родных. Видно, на все надо иметь счастье. У нашего отца вон сколько было сыновей, а ни у одного из них нет продолжателя рода, только от дочерей остается потомство, продолжатели нашей семьи». Передохнёт немного и опять горестно повторит строки Баграта Шинкуба: «О мир, как ты коварен. Кому даришь радость, а кому мукой наполняешь душу».

В 1956 году М. Лакербай женился на Евгении Исидоровне. Она проявила большую заботу в деле собирания произведений М. Лакербая, в спасении и сохранении его личного архива. Она не знала абхазского языка, но печатала на абхазском языке произведения своего мужа. Она не знала, что печатает, но была уверена, что это были произведения ее мужа, и таким образом общалась с ним духовно.

В 1940 году Михаил Лакербай закончил пьесу «Потомок Гячей». Через год появилась новая пьеса «В овраге Сабиды». Поставленные на сцене абхазского

62

театра в Сухуми Шарахом Пачалиа, эти пьесы принесли широкую известность и славу как автору, так и абхазскому театру.

ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

К началу Великой Отечественной войны творчество М. Лакербая достигло истинной зрелости. О многом мечтал писатель, хотел дать жизнь многим интересным замыслам, но вспыхнул пожар войны, и всем этим мечтам не суждено было сбыться. Михаил Лакербай одним из первых пошел на фронт на защиту своей Родины. Ему ведь всегда были свойственны самоотверженность, высокая гражданственность. Родина была для него святыней, поэтому он добровольно пошел на фронт. Вот как он сам об этом пишет:

«В конце июня 1941 года я написал заявление и просил добровольно направить меня на фронт. Мою просьбу удовлетворили. Меня назначили корреспондентом газеты «На штурм врага». Потом меня назначили ответственным секретарем трибунала дивизии. В 1941 — 42 годах участвовал в боях за Севастополь. На десятый день после падения Севастополя, 17 июля, я попал в плен и оказался в днепропетровском лагере для военнопленных. В лагере заболел тифом, и меня перевели в лазарет. Как только я стал поправляться, договорился с тремя такими же пленными, как я, Бражниковым, Васильевым и Веселовским, о побеге, и мы четверо бежали из плена.

Первую неделю скрывались в городе, там нас подстерегало много опасностей. Как только нам удалось покинуть город, мы скрылись в деревне Широкое, оттуда попали в деревню Апостолово. Несколько месяцев мы провели в Апостолово, Куте и Грушевке.

Мы искали солдат, которые так же, как и мы, бежали из плена и старались присоединиться к частям действующей армии. Под начальством капитана Левченко мы объявились в части Красной Армии в селе Каменки Днепропетровской области. В качестве редактора армейской газеты «К победе» участвовал в боях от Каменки до Тирасполя. При одном из очередных медицинских обследований меня признали негодным для участия в боях на передовой и командировали в Харьков, откуда направили в распоряжение военного комис-

сариата Абхазской автономной республики. Это было уже в июле 1944 года».

Вот так коротко описывает свою ратную биографию М. Лакербай. Эта биография, написанная им самим, хранится в Союзе писателей Абхазии, в его личном деле. Можно легко представить себе, сколько пережил и перенес писатель в годы войны. Лучше всего это поймет тот, кто сам участвовал в боях.

Евгения Исидоровна рассказывала мне, что Михаил Александрович очень переживал, что не сумел сохранить написанные на фронте публицистические произведения. Но, попав в плен, сохранить их, конечно, не было возможности.

А как бы дополнили эти материалы страницы биографии писателя периода Великой Отечественной войны! Мы бы еще раз убедились в силе советского патриотизма, в непобедимости советских людей. Трудно говорить о советском солдате, чье мужество и отвага привели нас к Дню Победы — 9 мая 1945 года. В этой победе есть и лепта писателя Михаила Лакербая. Перенесший все ужасы фашистского плена, с расшатанным здоровьем, но сильный духом вернулся домой Михаил Лакербай. Но не собственное здоровье, а творческие планы стали предметом его дум и переживаний. Как гражданин и как писатель он был чист перед своей страной. Его мысли о Родине, о патриотизме хорошо изложены в письме к одному из друзей, и поэтому я не могу не привести его целиком.

«...«Патриот тот, кто трудится на благо своего Отечества. А Отечество — это прежде всего народ!» — так писал Н. Г. Чернышевский, и сколько истины в этих словах! Вся жизнь этих революционеров-демократов была борьбой.

Это было новое поколение, и сегодня не редки такие люди со светлым разумом и пламенным сердцем.

Что касается меня, то долг перед Родиной я выполнил тем, что в пору опасности добровольцем вступил в ряды ее защитников. Я мог остаться в тылу и только на словах быть патриотом. Но я не мог спокойно сидеть в своем кабинете и служить только художественной литературе в то время, когда моя Родина была в опасности, когда мой народ, вставший на защиту своей страны, проливал кровь, когда в пламени пожаров рушились города, деревни и села, когда гибли ни в чем

не повинные люди. Но я вовсе не хочу этим сказать, что все писатели до единого должны были идти на фронт, но еще раз повторяю, что то, что я видел на полях сражений во время войны, еще больше заставило меня полюбить свой народ; я лишний раз убедился в том, что невозможно поработить страну, которая воспитала таких мужественных и стойких людей. Когда я думаю об этой войне, о героической отваге советских людей, я вспоминаю слова Н. В. Гоголя: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!»

Годы Великой Отечественной войны были для писателя самым ответственным периодом в его жизни, ибо он с оружием в руках защищал свою Родину.

После войны наступило время мирного строительства.

Необходимо было восстановить разрушенные врагом города, села, школы, заводы, фабрики, больницы, мосты! Как велики были разрушения! До всего должны были дойти крепкие руки советского человека! Коммунистическая партия и Советское государство уделяли большое внимание периоду восстановления разрушенного народного хозяйства. Огромное значение в это

время имело слово писателя, художественная литература.

Приведу воспоминания об этом периоде Нури Акаба.

«Осень. 1946 год, первый мирный, счастливый год в жизни нашего народа. Тогда мне было суждено лично познакомиться с талантливым абхазским писателем Михаилом Александровичем Лакрба.

Знакомство состоялось у меня на службе: в то время я работал непосредственно в аппарате тогдашнего министра внешней торговли СССР Анастаса Ивановича Микояна. Попал я туда с Третьего Белорусского фронта после продолжительного нахождения в госпитале на излечении и увольнения из армии по инвалидности.

Министерство внешней торговли находилось тогда на углу улицы Куйбышева и Старой площади. Теперь в этих домах размещается аппарат ЦК КПСС.

Однажды раздался звонок из комендатуры, дежурный сообщил: «Какой-то гражданин с Кавказа хочет пройти к вам». По моему указанию дежурный передал телефонную трубку посетителю. Не успел закончить

65

разговор с дежурным, как раздался резкий голос, отчеканивший: «Уа мшыбзиа, Нури Акаба, сара изхэоу Лакрбоуп, Миха сыхьцуп» (1). Конечно, я его знал как писателя, но лично не был знаком.

Я был рад услышать голос земляка, ведь в те времена в Москве это было редкое явление. Другое дело теперь!

Чтобы попасть ко мне, нужно было подняться на лифте, потом пройти по длинному коридору. Не мог удержаться на месте, схватил костыль, проковылял навстречу.

Издалека заметил размашисто шагавшего мужчину, сомнения не было — шел Михаил. Мы встретились, обнялись и расцеловались как старые знакомые. Михаил Александрович был в сером плаще и кепи, которое он носил наискось, то есть правый его край был опущен ниже; он был среднего роста, крепкого телосложения, с правильными чертами лица. Крупные красивые глаза, орлиный нос. Таким, во всяком случае, показался он мне.

Зашли в кабинет. Беседа затянулась допоздна. Темы для разговоров были неисчерпаемы. Только что закончилась жестокая битва народов против фашизма. Мы оба испытали ее ужасы. Особенно Михаил, который поведал мне о своей, я бы сказал, героической и трагической судьбе в годы Великой Отечественной войны.

С начала войны, рассказал он, добровольно ушел в действующую армию, был военным журналистом. В составе отдельной стрелковой бригады участвовал в героической обороне Севастополя. «Я был счастлив, — сказал он мне, — встретив в бригаде председателя Военного трибунала Ахуба Константина Бозозовича и красноармейца Ахуба Джавдета Кутовича — оба они были из села Члоу Очамчирского района. С ними был неразлучен до последних трагических дней обороны города».

Джавдета я хорошо знал, он был отважным парнем, любимцем села. Константин был моим двоюродным братом. Он, его брат Леварсин, сестра Уша были сиротами, выросли без родителей. Их заменили мои родители, которые, сколько могли, помогали им. Оба брата были незаурядные люди. С начала войны ушли на

фронт. Конечно же, мне очень хотелось узнать об их судьбе. Однако Лакрба после падения Черноморской цитадели больше их не видел.

Михаил Лакрба волей судьбы был увенчан бессмертной боевой славой. О Севастополе написано много. Оборона города продолжалась 250 огненных дней и ночей, она вошла навеки в летопись Великой Отечественной войны как страница, повествующая о массовом героизме и мужестве Красной Армии и трудящихся города, в их числе и наших земляков — Ахуба Константина и Джавдета, М. Лакрба.

Город лежал в руинах, был полностью блокирован врагом. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования от 4 июля 1942 года он был оставлен. Часть его защитников удалось эвакуировать морем.

Воины, оставшиеся в блокированном городе, героически сражались. Неизвестные солдаты совершали подвиги. Но все имеет свои границы, пределы, боеприпасы, продовольствие кончились, помощи извне не могло быть даже обещано. Наступила критическая ситуация. Произошло порой неизбежное на войне: защитникам города, оставшимся в живых, таким, как Михаил Лакрба, невольно было суждено испытать на себе унижение и ужасы плена у безжалостного врага.

«Под палящим июльским южным солнцем, — рассказывал Михаил, — без пищи, воды фашисты гнали пленных, отстающих от колонны, обессиленных, раненых били прикладами, пристреливали.

Наконец, в районе Днепропетровска нас загнали в лагерь: это была открытая территория, огражденная в несколько рядов колючей проволокой. По признакам партийно-политической и расовой принадлежности начались проверки. Всех коммунистов считали комиссарами, с которыми особенно жестоко обращались.

К моему несчастью, меня приняли за еврея, подолгу допрашивали, угрожали расстрелом. Когда назвал себя абхазом, мои палачи не поняли, очевидно, не знали, что есть такая нация. Тогда я пояснил: мол, это Сухуми, Кавказ, Грузия. Очевидно, приняли меня за грузина и начали между собой переговариваться: Шталин, Шталин, т. е. Сталин.

На заданный вопрос, какую веру исповедую, я ответил — христианскую. В подтверждение тому заставили перекреститься. Но проверка продолжалась, пока меня

не подвергли унижительному медицинскому обследованию.

Лишь после этого закончилась проверка моей расовой принадлежности», — заключил Михаил.

Он рассказал о тяжелых условиях жизни в лагере. Из-за плохого питания, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи в лагере началась эпидемия тифа. Сам он перенес болезнь в тяжелой форме, чудом выжил и начал готовиться к побегу. Это ему удалось осуществить с группой товарищей. После побега из лагеря сперва скрывались в городе, в лесу, а потом в деревнях у местного населения.

Началось освобождение Днепропетровской области, фронт приближался. Наконец вышли к

своим. После прохождения специальной проверки Михаил продолжал службу в действующей армии в качестве военного журналиста и редактора армейской газеты.

Нечеловеческие условия жизни в плену, перенесенная тяжелая болезнь, скитания на оккупированной врагом территории подорвали его здоровье, поэтому по заключению военно-врачебной комиссии он был демобилизован из Красной Армии, вернулся на родину в Абхазию.

Как участник войны с первых дней, побывавший во вражеском окружении, в боевых рейдах по тылам врага, по служебным встречам с бывшими военнопленными, прошедшими через фашистские лагеря смерти, я был хорошо осведомлен о зверствах фашистов. Узники концлагерей надолго сохраняли глубокие следы полученной физической и психической травмы.

В то же время из долгих часов беседы, прошедших незаметно, другим показался мне Михаил — также бывший узник концлагеря. Видимо, он был скроен из очень прочного человеческого материала: ему были присущи сильный дух и воля, любовь и вера в жизнь, оптимизм.

Мне кажется, что он не признавал безвыходных положений в жизни, искал выход из них в борьбе, а не в примирении с ними.

Он был интересным собеседником, даже самое тяжелое он умел представить художественно, с тонким юмором психологически верно. Даже сцену расстрела его самого, инсценированную фашистами, рассказывал как юмористический рассказ.

68

Нахождение в плену для того времени было немалым препятствием в выборе жизненного пути, плохое состояние здоровья, как мне кажется, неустроенность жизни, быта, положение, в котором он находился в то время, другому на его месте показалось бы безвыходным. Но и здесь Михаил остался верен себе. Проблема выбора пути была им решена. Программа творческого, созидательного труда составлена. Ею он поделился со мной.

Михаил Александрович сказал, что подготовил к изданию на русском языке сборник новелл из абхазского фольклора под общим заглавием «Аламыс». Рукопись в подстрочном переводе передана секции фольклора Союза писателей, которая поручила комиссии ученых-фольклористов дать заключение о возможности рекомендации ее в печать.

Комиссия просила автора рекомендовать для участия в обсуждении рукописи одного коренного абхаза. Это даже тогда было проблемой.

Война разбросала в разные стороны небольшую группу абхазов-москвичей: многие навсегда остались на полях сражений, другие были еще в армии. В общем, выбор пал на меня. Михаил просил согласия на рекомендацию моей кандидатуры для участия в обсуждении его рукописи. Разумеется, я охотно согласился ради того, и чтобы хоть в этом поддержать товарища.

На этом мы расстались.

Михаил оставил мне экземпляр рукописи. Я тут же, на работе, хотя уже было позднее время, прочел новеллы и пришел от них в восторг: сразу оказался в мире сказок и легенд своего детства. Вспомнил, как у очага нашей пацхи в селении Члоу, сидя вокруг костра в длинное, темные, зимние ночи, затаив дыхание, слушали мы рассказы наших мудрых старцев.

Вскоре от комиссии получил официальное приглашение. Местом встречи участников обсуждения рукописи указывалось помещение Политехнического музея, на Старой площади, как раз напротив моей службы.

В условленное время у одного из подъездов музея мы встретились. Поднялись по крутой, узкой неубранной лестнице. Заседание комиссии проходило в небольшой комнатухе. Его участники были в сборе.

Дискуссию по сборнику открыл очень полный рыжебородый немолодой мужчина. С его слов, вопросов, вернее восклицаний и реплик присутствующих я понял:

69

участники как-то удивлены представившимся вдруг совершенно незнакомым для них, новым, интересным народным творчеством абхазов, а также встречей с талантливым, самобытным писателем, автором новелл. Я понял, чего хотят от меня, короче говоря, понял свою роль.

Мне дали слово. Здесь, конечно, воспроизвожу лишь то, что сберегла память спустя 40 лет.

Я сказал: «В основе новелл не художественный вымысел автора, а подлинный фольклорный материал, исключительно популярный не только среди абхазцев, но и у соседних народов. Это произведения устного народного творчества, отражающие древние обычаи и традиции абхазского народа, его моральный кодекс».

Сборник новелл тогда автор предполагал издать под общим заглавием «Аламыс». В этой связи мне пришлось пояснить значение этого слова примерно так: «Аламыс» у абхазов и некоторых народов Востока — слово емкое. Оно означает и честь, и славу, и мужество, и гостеприимство, и др. Короче говоря, Аламыс — это своего рода моральный кодекс абхазов...»

Наконец, я подтвердил полное соответствие подстрочного перевода с подлинником рукописи, исключительно бережное отношение автора новелл к народному творчеству.

Комиссия и все участники обсуждения дали весьма положительную оценку сборнику. Они нашли новеллы высокохудожественными, совершенными по форме и глубокими по содержанию. Поэтому единогласно рекомендовали его к изданию. Автора поздравили, горячо аплодировали.

Мы вышли, прошли по площади Дзержинского. На спуске, на углу ул. Жданова, зашли в подвал, там находился маленький ресторанчик «Иртыш».

Мы были очень рады результатам обсуждения сборника. После скромного послевоенного ужина Михаил Александрович проводил меня до места работы.

Расставаясь, условились по возможности чаще встречаться, но, к сожалению, это осталось обещанием.

Время шло. Он не давал о себе знать.

Позже от сухумских друзей получил печальную весть: Михаил Александрович репрессирован. Случилось то, чего я больше всего опасался.

Советская мораль и гуманизм никогда не отождест-

70

вляли пленение по любым обстоятельствам с изменой Родине.

Наши законы и воинские уставы четко различают эти понятия. Измена — это добровольный переход на сторону врага и оказание ему помощи во вред Родине.

Недопустимо, аморально требовать от каждого воина беречь «последнюю пулю для себя», чтобы не попасть в руки врага. Например, можно ли этого требовать от защитников Севастополя, Бреста, Одессы и т. д., которые до последней возможности сражались с врагом? Конечно же, нет.

В этой связи хочется напомнить слова большого писателя современности, дорогого мне Константина Михайловича Симонова:

«Нельзя представлять себе дело так, как будто вся война состояла только из подвигов Гастелло и 28 панфиловцев! Гастелло был герой, панфиловцы тоже, но война состояла не только из этих подвигов, а и из миллионов незаметных подвигов...

И сегодня, как и раньше, Зоя значит для нас бесстрашие. Матросов — самопожертвование, панфиловцы — стойкость, но как бы ни были бесконечно дороги нам эти имена, есть еще одно не менее всех их славное имя — имя Неизвестного солдата».

Эти слова с полным основанием относятся к Михаилу Лакрба — защитнику города-героя Севастополя.

К счастью, и в отношении М. Лакербая восторжествовала правда. Он был реабилитирован.

Я встретился с ним в Сухуми, спустя почти девять лет после нашей встречи в Москве — это было примерно в 1955 году.

Мы шли по бульвару перед гостиницей «Абхазия». Я приготовился слушать рассказ Михаила Александровича о его злоключениях, но ничего подобного не произошло, видимо, то, что было с ним, он посчитал чересчур личным, интимным.

Было бы наивным сказать: травмы телесные и моральные легко им излечивались и быстро забывались — он был чувствителен, раним, но личное горе, завалы на жизненном пути умел преодолевать сам. «Монахи спасались от минут ропота молитвами», — писал Герцен. «У нас нет молитвы, у нас труд, труд — наша молитва». Мне кажется, эти слова были девизом жизни М. Лакербая.

71

Конечно, со времени первой встречи мы оба изменились: морщинок на его лице прибавилось, но рядом со мной шагал тот же Михаил — мужественный, деятельный, которого не мог бы сломить и последний удар судьбы.

Он был так же подтянут, аккуратен, собран, но главное — та же кепка и та же манера ее носить. От него и на этот раз не услышал я жалоб, претензий, хотя их было много. Но это не было покорностью судьбе, непотивлением злу, а было мужеством, устремленностью вперед, в будущее.

Все его помыслы, неиссякаемая энергия, большой талант были нацелены на дело служения своему народу, родной литературе, к истоку которой он был близок, будучи учеником и помощником родоначальников современной абхазской литературы — Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа и т. д.

Мне думается, в своем творчестве Михаил Александрович был особенно близок родному народу, в глубоких корнях его мудрости и в его гуще находил сюжеты и героев своих замечательных произведений, которые остаются долго в памяти народной.

Михаил Александрович Лакербай ушел из жизни рано, в расцвете творческих сил и дарования, победив стойко и мужественно все удары судьбы, но главное не в этом, а в том, что он оставил свои глубокие следы не на зыбкой почве, а на граните родной абхазской и многонациональной советской литературы».

БОЕВАЯ ЗАКАЛКА МУЖЧИНЫ

Как и многие другие советские писатели, Михаил Лакербай сразу вернулся к творческому труду. Начинает писать пьесу «Данакей». Продолжает собирать фольклорные материалы. Путешествует по родной стране. Собирает народные сказания. Создает новеллы. Изучает историю театрального искусства Абхазии. Работает не покладая рук. И не видно конца его творческим планам.

Война на четыре года оторвала его от своего любимого дела. А время не терпит. Тысячи замыслов ждут своего воплощения. Не считаясь ни с болезнью, ни с усталостью, он полон творческого вдохновения.

Но в разгар работы на него сваливается новое

72

несчастье: 5 июля 1947 года Михаила Лакербая арестовывают.

Это было как гром среди ясного неба. Писателя сослали в Воркуту. Когда Родина была в опасности, не задумываясь ни на минуту он ушел добровольцем на фронт. Мужественно воевал с врагом, находился в плену... и вот новое потрясение: несправедливое обвинение его в измене Родине, ссылка.

Но как гласит абхазская пословица, рана — это испытание для мужчины. Писатель сумел сохранить твердость духа и силу для отказа от фальшивых обвинений. Не сомневался в том, что не сегодня завтра правда восторжествует.

Любимым образом в литературе для Михаила Лакербая был образ Павла Корчагина. Этот образ был для него символом мужества и самоотверженности.

В статье «Сильнее смерти» о Николае Островском М. Лакербай пишет: «Какая титаническая сила! Тысячу раз был прав А. М. Горький, сказав о нем: «Николай Островский — наглядный пример того, что духовные силы крепче физических».

Да здравствуют оптимисты! Пусть победят сильные! Пусть к черту катятся никчемные!»

Михаил Лакербай всегда был готов помочь ближнему. В ссылке он бескорыстно писал по просьбе заключенных, находящихся в таком же положении, как и он, жалобы, которые убедительно доказывали их невиновность.

Юрист по образованию, он очень хорошо знал, как надо защищать невиновных. Благодаря М. Лакербая дела многих из них были пересмотрены, для многих восторжествовала правда. И здесь М. Лакербай проповедывал добро, человеколюбие, доверие друг к другу.

Когда начальник колонии понял, с кем имеет дело, то постарался облегчить тяжелый удел узника: перевел М. Лакербая работать в библиотеку лагеря. Но все равно многое пришлось ему испытать.

Много раз его жизнь висела на волоске. Но он не падал духом, не терял веры в человека, никогда не сомневался в победе справедливости, не предавался отчаянию. Он писал жене:

«Дорогая! Мы вместе отправимся на самый синий, самый очаровательный берег моря».

И этот желанный день наступил. 5 февраля 1955 года

73

М. Лакербай был освобожден. Больше, чем освобождению, он радовался реабилитации: «Писатель М. А. Лакербай из-за неустановления виновности полностью оправдан».

В личном архиве М. Лакербая мы наткнулись на пожелтевшую бумагу, на которой отчетливо видно написанное: «Когда мне объявили: писатель М. Лакербай полностью оправдан и с сегодняшнего дня освобожден, — я, конечно, обрадовался, но не очень удивился, потому что ждал этого дня на протяжении многих лет, ждал, когда придёт вест. Не хватает сил выразить, чего только я не пережил в лагере, какую душевную тревогу не испытал!

В конце-то концов за что?! Ни за что! Разве легко ни в чем не повинному человеку провести восемь лет в лагере?!

Но счастье мое в том, что реабилитация исцелила мою душевную рану. Когда писатель теряет доверие родины и народа, тогда его дело пропащее. Находясь в Сибири, я больше всего переживал, что меня обвинили в измене моему народу, моей родине. Но величайшее счастье — в подтверждении того, что я оказался совершенно невиновным. Мне больше ничего и не нужно! Что касается литературного творчества, то без него я не представляю своего существования, — это — моя жизнь. Я еще скажу свое слово, если не подведет здоровье!»

СЧАСТЬЕ И ТВОРЧЕСТВО

В. Г. Белинский говорил, что «творчество может сделать человека счастливым, гармоничным, чистым». Эти слова можно полностью отнести к Михаилу Лакербаю. Несмотря на то, что он столько пережил: и войну прошел, и после войны столько трудностей перенес, и возраст у него уже был солидный, — духом он не пал, потому что занимался творчеством. И считал это великим счастьем.

Профессор Ш. Д. Инал-ипа пишет: «М. Лакербай в 1955 году как будто заново родился на свет. Писатель, у которого до этого была беспокойная жизнь, которому пришлось перенести столько трудностей, теперь получил возможность заняться основательно творчеством. Это благотворно отразилось на его работе.

74

Произведениями, созданными именно в последние десятилетия своей жизни, М. Лакербай вписал навсегда свое имя в историю абхазской литературы, именно они принесли ему известность во всей стране и за рубежом» (1).

Я и мои товарищи знали о М. Лакербае понаслышке, читали лишь отдельные его произведения. Но вот мы узнали, что его освободили, и очень обрадовались, стали с нетерпением ждать его новых произведений. Так, в 1955 году, в том самом году, когда стал издаваться журнал «Алашара», в третьем номере появилась историческая драма М. Лакербая «Чудесный сплав». На небосклоне абхазской литературы вновь появился, радуя своим талантом, М. Лакербай.

В 1956 году на сцене Абхазского государственного драматического театра им С. Я. Чанба была поставлена эта историческая пьеса. Создать такое произведение после еще не заживших душевных ран мог только настоящий патриот и интернационалист.

Пьесы Михаила Лакербая стали значительным явлением в драматургии, в национальной

театральной жизни. Народный артист Грузинской ССР и Абхазской АССР Азиз Агрба по этому поводу пишет: «Это было в 1936 году, когда я учился в Тбилиси в театральном училище, существовавшем при театре им. Ш. Руставели. Однажды наш учитель народный артист СССР А. Васадзе назвал среди пьес, в которых мы должны были играть, пьесу М. Лакербая. До этого я не слышал его имени. Очень скоро в Тбилиси меня с ним познакомила Евгения Лакербай. После этого я не раз встречался с ним в Тбилиси. Он хорошо одевался, всегда был элегантный, бодрый, изящный. Когда я вернулся в 1938 году в Сухуми, то стал чаще видеться с ним. С театром М. Лакербай был творчески постоянно связан. На абхазской сцене одна за другой были поставлены его пьесы: «Потомок Гячей», «Чудесный сплав», «Моя лучшая роль» (2).

В 1959 году по сценарию М. Лакербая был снят цветной фильм «Абхазия — цветущий край» (снимала студия «Грузия-фильм»).

1 Лакербай М. *Собр. соч., т. I. Сухуми, 1968, с. 10—11. Предисловие.*

2 Журнал «Алашара», 1971, № 11, с. 71 — 72.

75

В 1957, 1959, 1961 годах выходят его новеллы, над которыми он работал многие годы. В письмах и киносценариях М. Лакербая изображена жизнь Абхазии, ее прошлое и настоящее. Немецкий философ Кант пишет: «Никто так не может показать родную страну и народ, как писатель».

М. Лакербай, как трудно ему это ни было, не жалел себя, чтобы как можно правдивее изобразить свой народ, познакомить советских людей со своими соотечественниками.

В 1961 году на сцене Абхазской Государственной филармонии была поставлена оперетта А. Баланчивадзе «Счастье», либретто к которой было написано М. Лакербаем.

В 1957 году впервые была издана его «История абхазского театрального искусства», которая была переиздана в 1962 году с дополнениями и в переработанном виде.

На протяжении определенного периода эта книга представляла своего рода визитную карточку нашего театра.

М Лакербай всегда был в гуще народа. У него были близкие, дружеские отношения с рабочими колхозниками, молодыми, начинающими писателями, педагогами, журналистами.

Творчество М. Лакербая, особенно его новеллы, было известно в Советском Союзе и за рубежом. Но он никогда не кичился своей известностью.

Братская дружба и любовь связывали М. Лакербая и доктора филологических наук, литературоведа, критика Хухута Бгажба. Он любил споры и беседы с друзьями о литературе. Устраивал диспуты, дискуссии по злободневным литературным вопросам, внимательно слушал других товарищей.

В одном из его писем мы читаем:

«Уважаемый Хухут Соломонович!

Мне стало известно, что на совещании работников литературы и искусства Абхазии мои новеллы получили хорошую оценку. Я премного благодарен за это. Хочу прислать Вам прекрасную рецензию Геронтия Кикодзе (1)

на мои новеллы. Думаю, что Вам небезынтересно будет почитать ее. Очень болит сердце.

С уважением, Михаил Лакербай.

Москва, 9. XI. 57 г.»

Михаил Лакербай работал не покладая рук. Он прислушивался к мнению друзей: никогда не уставал вносить поправки в свои новые произведения.

Так, 17 апреля 1959 года из Москвы он писал Бгажба:

«Уважаемый друг мой, Хухут!.. Пьесу свою закончил, печатаю. Все перестроил. Привезу почитать — если снова не побьете. Хотя я не очень-то на сей раз боюсь. Надеюсь, понравится. Вот только одна беда. У меня, как в той песне, что Жана Ачба пел про Чапиака, который, когда море превратилось в кашу, ложку не захватил с собой. Здоровье у меня неважное. Если будет улучшение, приеду — свидимся. Посылаю тебе копию заявки, которую я послал в Тбилиси на киностудию. Если моя заявка им понравится, надо будет писать сценарий, там у вас обговорим, как написать его.

Москва, 4—204, Тверской бульвар, 14, кв. 1. Лакербай М. А.».

Уже из этого короткого письма мы видим, что Михаил Лакербай прислушивался к мнениям и замечаниям друзей. Это лишний раз подчеркивает, что писатель, испытавший множество жизненных невзгод, несмотря на шаткое здоровье, весь отдавался творчеству, без которого не мыслил существования.

«Многоуважаемый Хухут! Заклинаю тебя нашей дружбой. Вот эту новеллу «Поминки» озаботься напечатать в «Советской Абхазии». Если ты попросишь, напечатают. Если же я сам пошлю, знаю, не напечатают. Есть у них там такой все знающий П. Я с ним в разладе. А редактор считается только с его мнением.

Прошу, уговори их напечатать!

Любящий тебя Миша Лакербай.

Р. S. Болею. Если буду себя чувствовать лучше, возможно, приеду.

Москва, 8. 9. 59».

Не всегда нашему, новеллисту удавалось беспрепятственно печатать свои новеллы. Порой мешали зависть, высокоглядство. Сам Михаил Лакербай был чело-

век деликатный, внимательный к людям. Прочтем еще несколько строк из другого письма:

«Уважаемый Хухут Соломонович!

Искренне поздравляю Вас, Вашу семью, а также друзей моих из АБНИИ (1) с Новым Годом!

Желаю Вам крепкого здоровья и больших творческих успехов! Особый привет Андрею Максимовичу!

Михаил Лакербай».

Как выше уже отмечалось, новеллы Лакербая обрели известность и в зарубежных странах. Особенно в странах Востока, где живут абхазские переселенцы. Автор, конечно, был этому беспрельдно рад, понимая, что эту радость с ним разделяет и его народ. Так оно и было.

Приведу еще одно письмо.

«Многоуважаемый Хухут Соломонович!

Посылаю Вам книгу, изданную в Бейруте (Ливан), — «Сборник рассказов советских писателей». В нем четыре наших абхазских рассказа.

С января или февраля начнут в Бейруте подписывать на нашу газету «Апсны капш».

Всегда преданный Вам Михаил Лакербай.

Москва, 1962 г., 22 декабря».

Михаил Лакербай был безгранично рад тому, что «Апсны капш» (абхазская областная газета) нашла читателей за рубежом. В письме шла речь о его четырех новеллах, но он назвал их абхазскими рассказами. Это говорит о том, что для него не столь важна была личная слава.

В последнем письме к Хухуту Соломоновичу он писал:

«Уважаемый Хухут!

Пересылаю тебе письмо, которое я получил недавно из Бейрута. Написал его некто по фамилии Акаба. При встрече расскажу кое-что интересное (2). Передай привет нашим золотым парням, твоим сотрудникам.

Миша Лакербай, Москва, 1965 г., 17 января».

1 АБНИИ — Абхазский научно-исследовательский институт.

2 Незадолго до смерти М. Лакербай получил месячную командировку в Турцию, но поездка не состоялась — он умер.

Новеллы Лакербая приобретали все большую популярность, известность.

Заместитель главного редактора журнала «Советская литература», который издается на пяти иностранных языках, Т. Моисеенко-Великая в 1958 году писала М. Лакербаю:

«В номере пятом за 1957 год нашего журнала было напечатано несколько Ваших новелл («Советы деда», «Кто отходит как можно дальше от дома», «Антица», «Две двери», «Хабиба»). Вероятно, Вам небезынтересно будет узнать, что две из них — «Антица» и «Советы деда» — были переведены на арабский язык и опубликованы в ливанской прессе. «Антица» — в бейрутском журнале «Аль-Адаб» (от 2 февраля 1958 г.), а также в газете «Телеграф», «Советы

деда» — в другом номере той же газеты «Телеграф». Нам писал об этом автор вышеупомянутых переводов на арабский язык, наш читатель Никола Тавиль».

Сообщение это было радостно не только для Михаила Лакербая. Это была большая радость для всей абхазской литературы. Во-первых, обрел известность талантливый абхазский писатель, во-вторых, абхазские новеллы оказались близки по духу читателям, потомкам махаджиров — абхазов, оказавшихся волею судьбы за пределами своей родины, но всей душой привязанных к ней.

Вот еще один факт, подтверждающий прекрасное будущее абхазской литературы.

«Уважаемая госпожа Моисеенко!

Я получил недавно Ваше письмо и книжку Михаила Лакербая. Сердечно благодарю Вас и автора за внимание. На днях я напишу ему письмо. Посылаю Вам одновременно бандероль, в которой Вы найдете:

1) 2 экземпляра ливанского журнала «Аль-Адаб». В январском номере этого журнала на стр. 79 напечатан рассказ советского писателя Леонида Ленча «Исповедь».

Я прошу Вас передать один экземпляр автору, так как я не знаю его адреса, а второй экземпляр я посылаю для французского издания «Советская литература», откуда я и взял этот рассказ для перевода.

2) 2 экземпляра газеты «Телеграф». В этом номере Вы также найдете перевод народной абхазской новеллы «Кто отходит как можно дальше от дома» Михаила

79

Лакербая. По-арабски этот рассказ называется «Условия для брака».

Я также прошу Вас один экземпляр передать автору, а другой оставить для редакции «Советской литературы». В заключении я хочу просить Вас о следующем:

1. Нельзя ли получить от Вас несколько рассказов и народных сказок советских писателей на французском языке?
2. Я хочу обратить Ваше внимание на то, что абхазские новеллы Михаила Лакербая, переведенные на арабский язык, были восторженно встречены читателями и владельцами журнала «Аль-Адаб» и газеты «Телеграф». Поэтому я прошу Вас, если это возможно, прислать мне переводы других рассказов этого же автора, так как они напоминают восточные сказки нашей страны.
3. Мне хотелось бы получить несколько небольших рассказов народов Советского Союза на французском языке, чтобы опубликовать их в арабской прессе.
4. И наконец, я прошу Вас, если это возможно, прислать мне несколько советских марок.

Примечание: маленькие рассказы легче опубликовать в наших газетах и журналах.

Я бесконечно Вам благодарен. В ожидании ответа примите мои сердечные приветствия.

До свидания, дорогой друг.

Никола Тавиль (1), квартал Зариф, ул. Зенни Бехиже Ятоиз, Бейрут, Ливан».

<http://apsnyteka.org/>

Это письмо лишний раз свидетельствует о том, что советской литературой интересуются в арабских странах, что они хотят получать ее в переводе на свой язык, что особенно пользуются успехом новеллы М. Лакербая.

Прочтем еще одно письмо Т. Моисеенко-Великой Михаилу Лакербаю.

«Уважаемый Михаил Александрович!

Только я повесила трубку после разговора с Вами, как мне принесли письмо от Тавиля из Бейрута. Он благодарит за книгу и сообщает, что выслал для Вас

1 Никола Тавиль — ливанский писатель и журналист. В настоящее время эмигрант, живет с семьей в Москве.

80

номер «Телеграфа», в котором опубликован перевод Вашей новеллы «Кто отходит как можно дальше от дома» (мы его еще не получили).

Письмо Тавиля представляет для Вас интерес, я не буду пересказывать его содержания, Вы его прочтете, когда будет готов перевод.

М А., найдите время зайти к нам в понедельник 2 марта или другой день, лучше, если Вы, для верности, предварительно созвонитесь по телефону.

С дружеским приветом Т. Моисеенко-Великая, Москва, ул. Кирова, 17.

27 февраля 1959 года».

Из этих писем видно, что Тавиль любил советскую литературу и пропагандировал ее у себя на родине.

Н. Тавиль в 1962 году прислал М. Лакербаю поздравление:

«Уважаемый М. А. Лакербай!

От всей души поздравляю Вас с величайшим праздником Октября, желаю Вам наилучшего здоровья, счастья, огромнейших успехов на литературном поприще.

Глубокоуважающий Вас Никола Тавиль из Ливана

4. XI. 62 г.».

Новеллы М. Лакербая были переведены также на английский, французский, немецкий, испанский, польский, венгерский, чешский, корейский, арабский и другие языки.

Это был успех не только Михаила Лакербая, но и всей нашей абхазской литературы.

«АЛАМЫС» ПРИОБРЕТАЕТ ВСЕ НОВЫХ И НОВЫХ ПОКЛОННИКОВ

Популярностью пользовались не только новеллы М Лакербая, но и сам автор. У него было много друзей, он имел знакомых среди ученых, писателей, работников искусства.

Многие из них написали даже воспоминания о нем. Грузинский драматург Г. Бухникашвили пишет: «С Михаилом Лакербаем познакомился в 1934 году. Благодаря его необычному характеру мы быстро сблизились,

81

полюбили друг друга, как братья, ничего не скрывали друг от друга. Тогда мы работали вместе над пьесой «В овраге Сабиды», которую я перевел на грузинский язык, и театр им. Руставели принял ее к постановке. Автору заплатили гонорар, но потом, по каким-то не понятным для нас причинам, пьесу на сцене не поставили. Это, конечно, очень больно отразилось на нас обоих, но не отразилось на наших дружеских взаимоотношениях, наоборот, мы еще больше сблизились.

До войны мы часто встречались в Москве и Тбилиси. Это был высокоэрудированный, всесторонне образованный, высококультурный, дальновидный человек. Он часто говорил: «Для развития абхазской литературы необходима ее широкая пропаганда. В этом деле нас должны поддержать грузинские и русские писатели. Я, не жалея сил и возможностей, всячески постараюсь помочь этому делу».

Он действительно все делал в этом направлении. Это и не удивительно, ибо Михаил Лакербай был истинным абхазцем.

Потом он ушел на фронт. Вернувшись с фронта, мы часто встречались в Тбилиси...»

«Гули! (Так звал он меня.— Г. Б.) Это не может долго продолжаться. Национальный вопрос — серьезный вопрос. Его решение так, как хотят того один-два человека, никак невозможно. Из этого ничего хорошего не выйдет». Я полностью с ним соглашался, но беда в том, что это не от нас зависело.

У Михаила была какая-то волшебная сила, заставляющая всех его знакомых влюбляться в Абхазию. Он был блестящим примером интернационалиста, борца за дружбу народов. Жизненные невзгоды не сломили его как гражданина, он до конца остался честным, надежным, смелым человеком. После его возвращения из Воркуты, в 1955 году, я пригласил его домой. Внешне Михаила трудно было узнать: война и ссылка сильно изменили его. А раньше какой мужчина не завидовал его внешности!»

Из воспоминаний профессора Гр. Чхиквадзе: «С Михаилом Лакербаем меня познакомил его брат Иван в Тбилиси. Иван тогда работал директором Дома народного творчества. Мы его ввели в состав нашей экспедиции, которую организовали для записи абхазских народных песен в 1940 году. До этого я даже

82

толком и не знал Абхазию. Братья Иван и Михаил, которые прекрасно знали прошлое и настоящее своей страны, познакомили нас с историей Абхазии, с ее жизнью, с ее преданиями, обычаями. Я и Иван записывали песни, Михаил собирал сказания.

Тогдашняя экспедиция убедила меня, насколько богата абхазская устная словесность песнями, героическими сказаниями. Она действительно, неисчерпаема».

Среди близких друзей Михаила Лакербая из числа грузинских писателей надо упомянуть и Григола Чиковани, который писал о нем:

«Я и Михаил Лакербай были хорошими друзьями. Это был веселый, сердечный человек. Он обладал способностью искренне разделять и боль, и радость друга. Безмерно любил родной

народ, писал для народа, и портреты его персонажей исходили из глубины народа. Не думаю, чтобы какой-нибудь другой писатель так близко стоял бы к народу. Когда читаю его произведения, невольно вспоминаю Давида Клдиашвили, Андрея Платонова, Михаила Зощенко. У них много общего.

М. Лакербай хорошо знал Абхазию, всю Грузию, особенно Одиши. Прекрасно разговаривал по-мегрельски, и это еще больше сближало нас, при встрече мы начинали говорить по-мегрельски. Одишцы и абхазцы очень схожи между собой характерами, обычаями и нравами; персонажи новелл Лакербая мне напоминают одишцев. Может быть, поэтому так близко мне творчество М. Лакербая; очень рад тому, что его книга выходит на грузинском языке в нашем издательстве. Один из его рассказов я сам перевел на грузинский язык. В грузинской литературной газете была опубликована очень интересная статья об этих новеллах, автор статьи — известный эрудит, человек большого вкуса, критик Геронтий Кикодзе.

Вот эта статья.

«В первом номере журнала «Дружба народов» за 1957 год Михаил Лакербай опубликовал около десяти новелл под названием «Абхазские новеллы».

История происхождения этих новелл мне в некоторой степени знакома. Во время дружеской беседы автор рассказал мне, что он не всегда придумывает сюжеты для своих рассказов, а берет их из сокровищ-

83

ницы народного творчества. С этой целью он часто ездит по своей стране, особенно по глухим деревням, затерянным где-то в горах, знакомится со стариками, слушает их рассказы и, вернувшись домой, претворяет эти рассказы в новеллы, сказки. Таким образом, произведения Лакербая — счастливое сочетание народного устного творчества с индивидуальным творчеством просвещенного литератора.

Надо сказать, что Михаил Лакербай работает в благоприятных условиях. Об абхазском фольклоре опубликовано несколько интересных этнографических трудов, но в качестве материала для художественного творчества мало кто его использовал. Своей гениальной поэмой «Воспитатель» А. Церетели дал нам возможность глубоко заглянуть в душу абхазцев и черкесов, мы убедились, как замечательно знал Акакий быт и жизнь наших соседей, их обычаи, нравственные идеалы. Но поэма А. Церетели стоит обособленно, если не принять во внимание два художественных очерка Ильи Хонели «Отверженному князю» и «Рамхот», напечатанные в его «Русских эскизах». Поэтому новеллы М. Лакербая имеют тот аромат, который исходит от только что дождем орошенной земли на пороге весны.

Счастье Михаила Лакербая в том, что с ним, наверное, не один и не два столетних старца встречались во время его путешествий: как известно, Абхазия богата стариками, перемахнувшими за порог столетнего возраста. Счастье его еще в том, что в Абхазии родовой строй, по-видимому, должен был иметь особенно долгую и богатую историю. Так же, как и среди грузин, у абхазцев до сих пор не иссякают источники народного поэтического творчества. Такая армия длиннобородых патриархов и народных сказителей — богатый резерв для современного писателя.

На основании вышесказанного ни в коем случае нельзя делать заключения, что М. Лакербай — убежденный пассеист, обращенный лицом к памятникам кладбищ, экспонатам музеев, он пытается установить живую связь между прошлым и настоящим: его «Чанага» — об эпохе гражданской войны и его «Говорят — ты стар» — об Отечественной войне.

Предисловие автора дает хороший ключ к пониманию «Абхазских новелл». У каждой нации

кербай, абхазцы говорят: «Если совсем еще молодому фазану привязать силу нашего маленького народа, он его легко понесет, но если в сердце абхазца поселился аламыс, его с места не сдвинут и двести буйволов». Что такое аламыс? Как видно, передать это понятие на другом языке нелегко. У кого аламыс сохранен незапятнанным, тот бесстрашно встретит всякую опасность и победит даже в схватке со смертью. Так думают абхазцы. Так думает и грузинский народ. В одном нашем народном стихе сказано:

«Смерть, для жизни
Я не всегда отдам тебе себя.
Не сдамся тебе,
Если даже под головой у меня будет лежать камень».

Если у писателя нет тонкого вкуса или чувства меры, его морализаторство может стать навязчивым. В этом случае такой опасности нет. М. Лакербай рисует нам типичных абхазцев на фоне колоритной абхазской природы. Читатель верит тому, что он хорошо знает людей и мир. Правда, автор подчеркивает героические черты своих героев, но он не избегает порою показывать их и в повседневных, прозаических, даже смешных обстоятельствах. Его «Антица» написана с истинным чувством юмора. Абхазский обычай требует, чтобы невестка молчала в присутствии свекра, и прекрасная Антица пять лет твердо придерживалась этого правила. Свекор представил себе, что голос невестки должен быть таким же прекрасным, как ее глаза, и по тому же абхазскому обычаю зарезал бычка и устроил пир, чтобы в условиях праздника освободить невестку от обета молчания. Но выяснилось, что у нее грубый, некрасивый голос и что она мастерица ругаться, а не произносить ласковые речи. Бедняга свекор вынужден был зарезать второго бычка и вторично устроить кутеж, чтобы вернуть свою невестку в положение молчаливого ангела.

Комична и новелла «Советы деда». Суть ее выражена в двух сентенциях: одна женщина говорит другой с тем, чтобы заставить ту сказать тайну, которую поведал ей муж: «Тайна сушит душу человека. Легче во рту держать горящий уголек, чем скрывать тайну»; другая сентенция выражена словами старика Лагустана:

«Никто не может сохранить тайну так хорошо, как тот, кто ее не знает».

Одна глубоко поэтичная новелла «Мизинец» представляет собой апологию дружбы абхазца и грузина — Адзин Темура и Элисбара Кварацхелия. Новелла эта переносит читателя в эпоху крестьянского восстания в Мегрелии. Соратник Уту Микава Элисбар Кварацхелия после поражения восстания скрывается от царской полиции и черной сотни Дадияни в глухих деревнях Абхазии, в доме своего друга Адзин Темура. Хотя голова его оценена правительством в пять тысяч рублей, ему не угрожает опасность быть пойманным, поскольку симпатии и сочувствие абхазцев-крестьян целиком на стороне восставших мегрельцев. Но Элисбар влюбляется в прекрасную абхазку Аду, и, поскольку эта любовь безответна, он теряет душевное спокойствие. Элисбар решает вернуться в Мегрелию: вся полиция и все черные сотни ему менее страшны, чем безответная любовь. Адзин Темур, узнав о чувстве друга, устремляется вдогонку за бежавшим Элисбаром и, когда их кони поравнялись, просит его: «Пожалей прекрасную Аду, она так тебя любит, что не переживет разлуки с тобой». Обрадованный Элисбар возвращается обратно. Через несколько дней во дворе Адзин Темура накрывают свадебную Ашапу, т. е. стол. Когда через три дня (все три дня продолжается пиршество) Элисбар входит в комнату своей невесты и по абхазскому обычаю мизинцем касается ее девического пояса, девушка останавливает его и говорит, что она любит его побратима Адзин Темура и тот тоже любит ее.

Элисбар тотчас же возвращается за стол, подходит к своему побратиму и просит его жениться на Аде, которая так же чиста и непорочна, как и была, ибо он ее коснулся лишь только мизинцем.

В наказание за свой невольный грех Элисбар достает кинжал и вмиг отсекает себе мизинец.

Вы можете мне сказать, что эти образы не типичны, что они стоят на каких-то ходулях. Соглашусь, что они действительно облачены в романтические одежды — их бурки, их кинжалы напоминают нам испанских рыцарей в плащах и при шпагах — бесстрашных и беспримерных. Но разве правильно понимаемый реализм исключает романтизм?

Поскольку я самой плохой рецензией считаю ту, в которой передается содержание разбираемого произве-

86

дения, то не останавлиюсь на содержании других новелл М. Лакербая. Только посоветую нашим журналам и газетам перевести их и ознакомить с ними грузинских читателей. Эти последние убедятся, что в абхазских традициях много знакомого и близкого, а также много необычного для Грузии, и, наконец, — поскольку сейчас для доказательства чувства дружбы уже не в моде резание мизинцев, я просто пожму руку Михаилу Лакербаю, тем более что между нами, к счастью, никакие абхазские красавицы не стоят».

«Геронтия Кикодзе, — продолжает свой рассказ Г. Чиковани, — М. Лакербай считал своим ближайшим другом. Вообще у М. Лакербая было очень много хороших друзей среди русских и грузинских писателей. Это и неудивительно, ведь таким редким характером обладал этот милый (иначе не скажешь!) человек.

В последнее время здоровье подводило его, но нытиком он никогда не был.

Помню, однажды встретился с ним в Москве, он показался мне бодрым, веселым, таким, каким был в годы молодости. Рассказал, что отдыхал в Марфино, закалял, как он выразился, свой организм, агитировал меня, чтобы я обязательно поехал туда отдыхать. Это была наша последняя встреча...»

Мне, автору книги, хочется привести как можно больше писем, документов, воспоминаний, касающихся его жизни, так как в такого рода материалах раскрывается полнее образ нашего писателя, его характер, его взгляды на человека и его творчество, его чаяния и многое другое. Все это дополняет его творческую и жизненную биографию.

М. Лакербай особенно интересовался абхазцами, которые учились в вузах и аспирантуре. Где бы он с ними ни встречался — в Москве или Тбилиси, — постоянно с ними беседовал, вдохновлял, одобрял их выбор, внушал, что от них зависит в будущем развитие абхазской культуры. Приведу два факта.

Вот что вспоминает известный абхазский писатель Джума Ахуба, бывший в то время студентом Литературного института им. А. М. Горького:

«С М. Лакербаем я познакомился в Москве. Нашей дружбе, которая завязалась с первых дней знакомства

87

и прошла через всю жизнь (вплоть до его смерти), не мешали ни разница в возрасте, ни его литературная слава. Напротив, дружба между нами крепла.

Вместе с Мушни Ласуриа (1) мы несколько раз были в его московской квартире. Время от времени он нам звонил, интересовался, как у нас идет учеба. С ним было очень интересно говорить. У него открытое лицо. В широко раскрытых голубых глазах угадывается чистая душа. Высокий, стройный, с удивительно красивыми пальцами рук — они были белые, тонкие, длинные. М. Лакербай был человеком много повидавшим, у него была великолепная память. Блестяще владел русским языком. Его абхазский язык был чист, как у абхазского старика, который никогда ни на каком другом языке не говорил. Речь его изобиловала пословицами, мудрыми высказываниями, сравнениями.

Величину дерева осознаешь, когда оно упадет. Так случилось и с М. Лакербаем. Насколько он истинный писатель, я понял после его смерти. Все познается с опозданием. Чем дальше, тем больше чувствуешь, какое место занимает он в нашей литературе. В нашей литературе он несравненный новеллист. Такого второго новеллиста у нас нет. Большую часть новелл он написал в последние годы жизни, еще далеко не все они увидели свет. (Много новелл он просто не успел подготовить к печати.)»

А вот еще одно воспоминание:

«Это был 1962 год. Учился я в Московском государственном театральном институте им. А. В. Луначарского. В тот день вместе с товарищами сидел в институтском парке. Один из моих товарищей был латыш, второй — киргиз. Они гостили уже у меня в Абхазии и были знакомы с абхазской деревней.

В это время из людской толпы выделился и направился к нам высокий, отличного сложения, мужчина, одетый в серый макинтош. У одного из моих товарищей он спросил: «У вас на втором курсе учится Аргун, не поможете ли вы мне найти его?»

Я тут же сидел. Товарищ показал на меня. Но до того как товарищ успел представить меня, незнакомец посмотрел на меня так, будто понял, что Аргун это я.

1 Известный абхазский поэт, переводчик и ученый (род. в 1938 г.).

88

«Аргун это ты, юноша? — спросил он и протянул руку. — Я — Михаил Лакербай», — сказал он.

Так, беседуя, мы вышли на Арбат. Он купил букет цветов и дал мне со следующими словами: «Тот, кто любит искусство и увлечен творчеством, обязательно должен любить цветы. Ваню Коркия сказал мне, что ты учишься здесь. Ты понимаешь, какую миссию ты взял на себя? Я написал о нашем театре небольшую книгу. Это только первая ласточка. Твой долг — в будущем развить эту тему. Люблю бродить по Московским улицам», — вдруг добавил он.

Так, беседуя, мы неожиданно вышли к памятнику Пушкину, и цветы, которые мне преподнес Лакербай, я положил к подножью памятника.

— Хорошо знаешь Пушкина? Ты читал его «Маленькие трагедии»? Великолепны, не правда ли? — сказал Лакербай.

Мы повернули обратно.

— Когда получишь высшее образование, я дам тебе много интересных материалов, — сказал

он, а потом передумал: — Нет, лучше ты сам собери этот материал. Я дам тебе только то, что тебе трудно будет, пожалуй, достать. Так будет лучше для научной работы.

В тот вечер в Академическом Малом театре мы смотрели «Царство тьмы» Л. Толстого. Когда спектакль закончился, он долго молчал, ни слова не говорил. Я тоже был в подавленном состоянии.

— Вот, понимаешь, что такое мастерство?! Как передают жизнь! Какую овацию устроили зрители! Конечно, наши актеры еще не достигли такого совершенства, но они должны к этому стремиться. Я верю, что наступит такое время, когда абхазский театр покажет свое искусство москвичам (1) и они, взыскательные зрители, хорошо примут его, — сказал М. Лакербай.

Мы поехали на такси домой к М. Лакербаю. Он просил меня остаться у него ночевать, но я отказался. Тогда он пошел провожать меня до общежития.

А на другой день я обнаружил у себя в кармане семьдесят рублей. Когда он успел положить их мне?! Я сразу же позвонил ему. Он догадался в чем дело и

1 Через 15 лет в Москве впервые прошли гастроли Абхазского театра, и, действительно, с большим успехом, но М. Лакербая уже не было в живых.

89

сказал: «Купи себе теплый свитер на память от меня». Что я мог, кроме благодарности, сказать ему?!»

Вот так вспоминает о Михаиле Лакербае доктор искусствоведения и писатель А. Х. Аргун.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

28 декабря 1961 года в Абхазском государственном драматическом театре им. С. Я. Чанба отмечался юбилей М. Лакербая — 60-летие со дня рождения. Театр был полон. На этой сцене не раз ставились его пьесы, но сегодня зрители должны были встретиться с самим писателем. Поблагодарить его.

И вот подняли занавес; раздались дружные аплодисменты. За столом президиума, в центре сидит юбиляр, с озаренным счастьем лицом.

Юбилейный вечер открыл главный редактор журнала «Амцабз» Мушни Хашба. О жизни и творчестве говорил писатель Шота Чкадуа. Он следующими словами завершил свой доклад: «Вот уже сорок лет своей литературной и общественной деятельностью Михаил Лакербай служит абхазскому народу, развитию абхазской культуры. С установлением в Абхазии Советской власти совпали его первые литературные шаги...»

После доклада от имени писателей Абхазии юбиляра приветствовал секретарь правления Союза писателей Абхазии Кумф Ломиа:

«Дорогой Михаил Александрович!

Абхазские писатели сердечно поздравляют тебя — известного писателя — с 60-летием со дня рождения.

Ты один из тех, чьим именем гордится сегодня Абхазия, в течение сорока лет ты неустанно трудился на ниве нашей литературы, обогащая ее все лучшими и лучшими произведениями.

Продолжая славные традиции основоположника абхазской драматургии С. Чанба, ты создал целый ряд драматургических произведений, которые украсили нашу сцену.

Велико значение твоего творчества. Оно нашло справедливое признание во многих странах мира; как в нашей стране, так и за ее пределами все узнали человеколюбие абхазцев, познакомились со сводом их моральных законов — аламысом. Ты обогатил нашу лите-

90

ратуру новеллами, пьесами, либретто, глубоко и полно отражающими быт и жизнь абхазского народа.

Желаю тебе абхазского долголетия! Неустанного литературного горения! Еще больших творческих успехов!»

С приветственными словами выступили заместитель министра культуры Абхазской АССР Ш. Габескерия, ректор Института субтропического хозяйства Грузии И. Георгберидзе, декан филологического факультета Педагогического института им. Горького А. Адлейба...

Далее выступил зав. отделом языка и литературы абхазского отделения Академии наук Грузии — Ш. Инал-ипа, от имени Союза писателей Аджарии выступил Амиран Шервашидзе, от имени областных газет «Апсны капш», «Сабчота абхазети» и «Советской Абхазии» выступили Ш. Басариа, Е. Акубардиа, Г. Семенов, от имени музыкального училища и детской музыкальной школы с приветствием выступил С. Кецба, от имени Абхазского государственного театра и филармонии выступил заслуженный артист Грузинской ССР и Абхазской АССР Шарах Пачалиа, от имени журнала «Алашара» — писатель Алексей Гогуа, от имени журнала «Амцабз» поэт Б. Гургулия, от имени сухумской средней школы им. Н. А. Лакоба произнес слово Г. Жанаа. Юбиляру преподнесли цветы.

Он получил огромное количество поздравлений от различных творческих организаций, издательств, работников науки и культуры из всех концов нашей страны, и в частности от правления Союза писателей Грузии, Союза писателей Кабардино-Балкарии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии. Славную дату личными посланиями приветствовали писатели: Л. Никулин, К. Гамсахурдиа, Г. Г. Фиш, С. Клдиашвили; художник Г. Горделадзе, композиторы: Д. Шведов, А. Баланчивадзе...

Хочу вас познакомить с текстом послания грузинского драматурга Гено Келбакиани:

«Здравствуй, многоуважаемый Миша! До меня дошли слухи, более того, я наверняка узнал через прессу, что тебе оказывается исполнилось 60 лет!

Удивляюсь, как ты согласился на это. Ты хоть раз задумался — что означают твои 60 лет? Это же возраст старика! Неужели, ты такой пожилой? Мы ведь познакомились с тобой двадцать лет тому назад, и

91

тогда, если ты помнишь, я дал тебе 28 лет! $28+20=48$. Ни больше — ни меньше. Теперь тебе 48 лет. Ну хорошо, из уважения к тебе прибавлю еще два года, в общем и целом выходит 50. Да и кто тебе даст 60 лет? Ясно, дадут те, кто тебя не знает и никогда не видел. Но твои близкие друзья, твои знакомые, твои читатели — никогда не поверят, что тебе 60 лет!

Скажи, почему захотелось тебе, Миша, быть стариком? Никак себе этого не могу объяснить. Может быть, потому, что «стариков» больше ценят? Но ты, наверно, забываешь, Миша, что существует песня: «молодым везде у нас дорога».

И все же тебе захотелось пребывать в почтенном возрасте. Захотелось, чтобы ценили тебя, а ты бы и возгордился этим: «Дорогу, дорогу, идет старец Михаил Лакербай, разрешите ему входить через переднюю дверь автобуса, уступите место старику Лакербаю». Нет, брат, так не выйдет. Ты у нас еще юноша. На человека твоей внешности кто возведет напраслину, что он стар! Почтенный возраст не подходит тебе.

А теперь поговорим о деле: хочу поздравить не с 60-летием (существуют и более почтенные возрасты), а с тем уважением, с той любовью, которыми ты окружен. Творческих успехов, Миша!.. Но все же смилуйся, спустись немного, не вынуждай ты нас выискивать лестницу, чтобы добраться до тебя!

Любящий тебя Гено Келбакиани».

В связи с 60-летием Михаил Лакербай получил много таких шуточных, полных искренней дружбы поздравлений.

Но вернемся к юбилейному вечеру. Он еще не завершился. После приветствий просит слово сам юбиляр.

Он коротко отмечает, что этот вечер абхазской литературы является итогом неустанной заботы коммунистической партии и Советского правительства о ее развитии. Он так же отметил, что в результате ленинской национальной политики мужает и непрерывно развивается абхазская литература, представителям которой открыто широкое поприще для творческой деятельности.

Информация о проведении юбилейного вечера была опубликована во всех трех абхазских газетах: «Апсны капш», «Сабчота абхазети» и «Советской Абхазии», а

92

еще раньше, 17 декабря в «Советской Абхазии» была напечатана статья критика Х. Бгажбы «Талантливый абхазский писатель». В этой статье критик детально коснулся вопроса о том, какое место в развитии абхазской литературы занимает М. Лакербай, отметил, что его сочинения являются гордостью абхазской литературы. Х. Бгажба писал, что 60-летие Михаила Лакербая прошло в Абхазии как народный праздник.

ДВЕ ЗАБОТЫ

Михаил Лакербай был кристально чистый человек, полный не только внешней, но и внутренней красоты, щедрый, восторженный и почтительный. Его истинными призваниями были театр и литература. Приведу лишь два примера.

Первый относится к 1940 году. На аукционе Михаил Лакербай купил две очень дорогие китайские фарфоровые вазы, которые потом передал в дар абхазскому театру. Эти вазы с дарственными надписями и сегодня украшают фойе театра. Будем откровенны, не каждый мог отважиться на это: купить две огромные, антикварные вазы специально для театра! Какая щедрость, какая любовь к искусству!

Об этих вазах вот что он писал своему брату Вану: «Ты думаешь, оттого я купил эти вазы, что некуда девать свои богатства? Многого не хватает мне, и цена ваз во много раз превышает мои возможности, но эти проклятые деньги все равно будут израсходованы и исчезнут, вазы же — замечательные образцы искусства. Почему-то захотелось мне, чтобы они украшали наш театр.

Домашние говорили мне: зачем ты так безрассудно истратил деньги? А для меня поступать так — истинное удовольствие».

Уже значительно позже, в 60-е годы, стало беспокоить Михаила Лакербая то обстоятельство, что абхазские новеллы до сих пор отражают не все стороны жизни его народа. Он хотел познакомиться с потомками махаджиров в Турции, изучить их быт, жизнь, обычаи, привычки. И потом превратить эти впечатления в художественные образы.

«Эта мысль не дает мне покоя, одно нетерпеливое желание у меня — ехать туда. А до этого мои абхаз-

93

ские новеллы считаю незаконченными», — говорил он.

Как известно, в 60-е годы улучшились взаимоотношения между Советским Союзом и Турцией, наметились новые литературные и культурные связи, стало возможным совершить путешествие в Турцию.

Когда между работниками культуры и искусства этих двух стран начали возобновляться контакты, Михаил Лакербай попытался осуществить свою мечту.

В июне 1965 года он обратился к министру культуры Абхазии В. Д. Кварчелиа с просьбой о поддержке его заявления о творческой командировке в Турцию. С просьбой подобного рода он обратился и к председателю Президиума Верховного Совета Абхазской АССР товарищу Б. В. Шинкуба, а также к заместителю председателя Совета Министров Абхазской АССР А. Т. Отырба. Вот, что он писал в своих заявлениях: «Уважаемые Аслан Тамшугович! Баграт Васильевич! Вместе с этим письмом посылаю вам официальные заявления каждому из Вас и прошу мою просьбу не считать капризом. Обращаюсь к вам обоим одновременно, чтобы вместе решить и обсудить следующий вопрос. Как вам, конечно, известно, открылся путь к нашему южному соседу, улучшились взаимоотношения между Советским Союзом и Турцией, наметились культурные мероприятия (туристские путешествия, командировки и т. д.). На эту тему говорил я с председателем комиссии по культурным связям с писателями за границей тов. Чернявским, а также с побывавшими в Измире, Анкаре и Стамбуле некоторыми московскими писателями. Обратился с просьбой к Союзу писателей устроить мне командировку в Константинополь, чтобы познакомиться с живущими в Стамбульском и Измирском районах потомками абхазских махаджиров. Союз писателей СССР, а также Чернявский согласны дать мне месячную командировку в Турцию, но с тем условием, что и Министерство культуры Абхазской АССР согласится с моей просьбой, будет ходатайствовать и подтвердит, что я работаю над новой книгой, где будут описаны жизнь и обычаи абхазского народа.

Вчера я обратился с письмом к министру культуры Абхазии В. Д. Кварчелиа. С нетерпением жду ответа.

Моя мечта — познакомиться с абхазцами, живущими в Турции, и написать о них книгу, внести свою

94

скромную лепту в дружбу между советским и турецким народами, проложить еще один мост между ними.

Еще раз прошу посоветоваться с тов. В. Д. Кварчелиа, чтобы оказать мне помощь в этом деле. Заранее вам благодарен, с искренним уважением Мих. Лакербай».

В августе 1965 года Министерство культуры Абхазской АССР направило ходатайство следующего характера председателю иностранной комиссии Союза писателей СССР:

<http://apsnyteka.org/>

«Уважаемый Константин Васильевич! Министерство культуры Абхазской АССР просит Вас удовлетворить просьбу нашего писателя М. Лакербая и дать ему месячную командировку в Турцию. Эта командировка ему нужна, как вам это уже известно, для изучения жизни и быта абхазцев, живущих в Турции. М. Лакербай автор целого ряда художественных произведений, он является также исследователем нашего театрального искусства; его новеллы переведены на языки арабских стран Ближнего Востока. Писатель решил еще больше дополнить и расширить, сделать более полноценным сборник новелл. Написать новую книгу новелл, отражающую жизнь абхазцев, живущих в Турции. Мы с нашей стороны заинтересованы, чтобы на турецком языке были напечатаны сочинения уважаемого автора.

По нашему убеждению, этот шаг действительно окажется полезным и он еще более укрепит культурный союз между Советским Союзом и Турцией».

В конце концов М. Лакербай получил творческую командировку в Турцию и был безгранично рад этому. Как рассказывает его вдова Евгения Исидоровна, он ликовал, и не хватало только крыльев, чтобы взлететь.

Но этой мечте писателя не суждено было сбыться.

НЕ ПОДАВАЙСЯ БОЛЕЗНИ

Миха Лакербай по природе был оптимистом. Он никогда не боялся трудностей. Смерть много раз глядела ему в глаза, но он ни разу не дрогнул, не подчинился ей. В последние годы его одолевала болезнь. Но он не сдавался. Это видно из письма, написанного им своему другу Шамилю.

«21 февраля 1965 года:

95

«Здравствуй, Шамиль! Меня очень обрадовало твое доброе письмо, но в то же время и опечалило. Опечалило потому, что, оказывается, ты болеешь. Смотри за собой, брат, следи за здоровьем. Слушай врачей. Ты же знаешь, какая сырость в Гаграх. Лично мне в самый что ни на есть жаркий мартовский месяц становится хуже, поэтому мою любимую Абхазию навещаю только во второй половине апреля. Как говорят черкесы, если «кисмат» не подведет и не изменит здоровье, во второй половине апреля приеду в Сухуми — на морское побережье, в обитель цветов, в страну ласкающего солнца — мой край Апсны; приеду, конечно, и в Гагры и навещу тебя».

У Михаила Александровича был рак. И хотя жена и врачи скрывали это от него, сам он догадывался, знал, что его дни сочтены, но не падал духом. Сопровитлялся болезни. Читал книги о болезнях, о правильном лечении и врачебной этике. Выписывал все крылатые выражения, касающиеся молодости и старости. Временами просматривал эти записи.

Я познакомился с некоторыми из них, сохранившимися в его архиве:

«Болезням числа нет» — Плиний-старший. «Самые худшие болезни не смертельные, а неизлечимые» — М. Эйбер-Эшейбах. «Наиболее деятельным союзником болезни является уныние больного» — М. Горький. «Молодость — великий чародей» — А. С. Пушкин. «Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее» — Н. В. Гоголь. «Пустая молодость — беда» — Абай Кунанбаев. «Старость начинается в тот день, когда умирает отвага» — А. Моруа. «Смерти можно бояться или не бояться — придет она неизбежно» — Гёте. «Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность» — И. Кант. «Жизнь длинна, а смерть коротка, так нечего ее бояться» — Ф. Э. Дзержинский. «Люди умирают для того, чтобы

жило человечество» — В. Г. Белинский. «В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые» — Н. В. Гоголь.

«Боюсь не смерти я, о нет!
Боюсь исчезнуть совершенно».

М. Ю. Лермонтов

«В тот момент, когда я уже не в состоянии буду вести борьбу, пусть дано мне будет умереть» — Ф. Энгельс.

96

Эти выписки лишний раз говорят о философском взгляде на жизнь уже обреченного Михаила Лакербая.

Он не боялся смерти, старался, пока есть силы, бороться с ней, чтобы сделать еще что-нибудь полезное. М. Лакербай до последней минуты и часто тайком от жены и врачей продолжал работать.

В эти тяжелые дни писателя посетил Джума Ахуба (тогда еще студент).

«Он лежал, — вспоминает Д. Ахуба, — и моему приходу обрадовался так, как будто пришел исцелитель. Я подумал: «Он, наверное, больше всего обрадовался тому, что пришел человек, с которым можно поговорить на родном абхазском языке. Ведь самое большое несчастье, когда ты лежишь на смертном одре и нет с тобой рядом никого, для кого можно в эти последние минуты на родном языке, на котором сказал свое первое слово, произнести последнее слово — завещание».

Потом он обратился ко мне:

— Спасибо тебе, что ты в такой холод пришел навестить меня. Дай бог тебе счастья!

— А есть ли вообще счастье? — спросил я, стараясь отвлечь его.

— Счастье... о, какой ты мне задал неразрешимый вопрос, — и, минуту помолчав, добавил: — А все-таки что такое счастье? Счастье, конечно, когда у тебя живы родные. Если у человека хороший сын — это счастье, хорошая жена — радость, и если эта жена к тому же здорова, что может сравниться с этим счастьем? А самое большое счастье, когда человек не знает, на какой срок он явился на этот свет, не знает, какой день для него последний. Вот это и есть счастье».

М. Лакербай лежал в одной из больниц Москвы. Его состояние постепенно ухудшалось. И больной, и врачи целый месяц боролись с тяжелейшим недугом. Он понимал, что его положение безнадежно. Но пока он дышал и, значит, не сдавался болезни, оружием борьбы он избрал перо. Разбирая архив писателя, нельзя было не обратить внимание на короткие рассказы, написанные на больничных листках. Написанное на этих страницах читается с горечью, ведь это тень смерти легла на страницу, а не тень дочери или сына...

Как только брат Миши Вано узнал о безнадежном

97

состоянии брата, он сразу прилетел в Москву. Дни умирающего были сочтены...

15 октября 1965 года в 9 часов утра в Москве умер большой писатель Михаил Александрович Лакербай, чей абхазский «Аламыс» заговорил на многих языках мира. Видный абхазский писатель, заслуженный деятель абхазского искусства Михаил Лакербай был похоронен на Сухумской горе, в пантеоне писателей, ученых и общественных деятелей. Огромное количество народа собралось проводить писателя в последний путь.

Гроб несли ближайшие друзья.

ВЕРНЫЙ ДРУГ ПИСАТЕЛЯ

С жизнью и творчеством писателя почти всегда связана его жена. У Михаила Лакербая и Евгении Исидоровны не было общих детей, но это отнюдь не помешало им прожить жизнь во взаимном уважении и согласии. Евгения Исидоровна с большим вниманием относилась к творческой работе мужа, всячески помогая ему. Как отмечает Джума Ахуба, каждую рукопись мужа она хранила как зеницу ока. Все это говорит как о ее высокой культуре, так и о том истинном понимании и уважении, которое она проявляла к делу жизни своего супруга.

Как нам известно, М. Лакербай жил и работал в Москве. Ну где же он здесь мог найти абхазскую машинистку? Все его сочинения напечатаны на ремингтоне Евгенией Исидоровной. Я, автор этих строк, навестил в Москве вдову писателя. Все, что связано с именем мужа, Евгения Исидоровна хранит бережно. Часть архива она переслала Литературно-мемориальному музею Д. И. Гулиа. Узнав о цели моего приезда, она с удовольствием предоставила мне архив писателя. С болью в душе думалось о том, что безжалостная смерть разъединила людей, которые в течение стольких лет жили в полном согласии, дружбе. И все же в душе Евгении Исидоровны не угасала горячая любовь к ушедшему навечно. И сейчас слышу ее голос, ее слова:

— Пока я жива, хочу, чтобы архив этот остался со мной. И не потому, что я его сохраню лучше, чем кто-либо другой, просто так мне легче нести тяжесть утраты и одиночества. У нас не было детей. Нашими детьми

98

были те сочинения, которые он создавал. Я же сколько могла помогала ему в творческой работе.

Он любил, когда в нашей квартире раздавался разговор на абхазском языке.

Часто приглашал к нам в дом абхазских студентов, аспирантов, просто приехавших в Москву земляков. Я всегда спрашивала себя: как выдержал этот человек, так дороживший всем абхазским, столь долгую разлуку с родным краем? — сказала прослезившись Евгения Исидоровна. Немного успокоившись, она ввела меня в маленькую комнату, где работал писатель.

Вот в этой комнате были написаны его новеллы. Здесь все осталось так, как при его жизни.

ДО СИХ ПОР...

До сих пор я знакомил вас с биографией писателя. Я не хочу сказать, что в первой части книги я исчерпывающе изложил события его жизни, что сумел собрать все, что относится к ней. Конечно, нет. Ясно, что исследователи, литературоведы, критики не раз коснутся жизни писателя и, наверное, дополнят биографические сведения, приведенные в этой книге.

А теперь коснемся творчества писателя. Как мы уже не раз говорили, имя Михаила Лакербая в абхазской литературе стало известно в период господства меньшевиков. Свои стихи, очерки и публицистические статьи он публиковал в газете «Апсны», а потом в первой советской газете

«Апсны капш», которой он сам дал это название. В период жизни в Тбилиси — 1926 — 1931 гг. — он печатался реже. Это были годы учебы, годы серьезного увлечения театром. И после переезда в Москву он больше увлекается театром: ставятся его пьесы, на написанные им либретто создаются оперы и музыкальные комедии. Книг же пока нет...

А потом жизнь писателя круто меняется: война, плен...

Читатель, безусловно, заметил, что только в конце пятидесятих годов стало известно имя Михаила Лакербая. Литературные исследователи именно с этого времени проявляют интерес к его творчеству.

После возвращения из ссылки писатель прожил только десять лет. А до этого его сочинения печатались в «Алашара», «Мнатоби», «Дружбе народов»; в газе-

99

тах: «Апсны капш», «Советская Абхазия», «Сабчота Абхазети», «Литератури Сакартвело», «Заря Востока», «Комунисти», «Литературной газеты», а также на страницах иностранных газет, в республиканской периодической прессе братских республик Советского Союза, особенно интенсивно публиковался на языках кавказских народов.

Первая книга М. Лакербая — «Пьесы и скетчи» — вышла в свет в 1956 году. В сборник вошли новеллы: «Чудесный сплав», «Потомок Гячей», «Всезнайка», «В одной закуской», «Камень в печени...» Но этот сборник не выходил за пределы Абхазии. Всесоюзную же известность автору принесла книга, вышедшая под названием «Аламыс». Изданная на абхазском языке, эта книга под названием «Аламыс» объединяла в себе 53 новеллы. Правда, книга, которую редактировал Ш. Акусба, была издана плохо, на бумаге низкого качества, и это в то время, когда книги гораздо меньших литературных достоинств издавались лучше и на бумаге высшего качества... Это был второй сборник, вышедший на абхазском языке при его жизни.

...Из-за резкого ухудшения здоровья ему не довелось увидеть другие издания на абхазском языке.

«Абхазские новеллы» в переводе способного писателя С. Трегуба были изданы в 1957 году издательством «Советский писатель».

Важно отметить, что наряду с литературой Михаил Лакербай занимался и искусствоведением. В 1957 году на русском языке в Сухуми были изданы его «Очерки из истории абхазского театра», которые в 1962 году были переизданы в дополненном и переработанном виде.

В 1961 году Абхазское государственное издательство под названием «Абхазские новеллы» вторично издает сборник писателя. В него вошло 63 новеллы. Указанная книга была издана на русском языке в самом полном объеме. Сюда вошли и новеллы, написанные в последний период жизни писателя. Редактировал книгу Фазиль Искандер, художественное оформление принадлежит Г. Белецкому и Т. Ершову.

Новеллы Михаила Лакербая дважды вышли на грузинском языке. Один сборник был издан издательством «Сабчота мцeralи» еще при жизни писателя, второй вышел в издательстве «Литература да хеловнеба» под названием «Аламис ашва» (Аламыс чести). Сборник

100

состоял из 52 новелл, переведенных П. Церетели, Г. Бухникашвили, М. Джапаридзе, Г. Паташвили, А. Гецадзе, Г. Двалишвили, М. Шаншиашвили и др. В 1972 году в Москве издательство «Художественная литература» издала сборник под названием «Горсть родной

земли». Нужно отметить, что этот сборник считается лучшим как по качеству перевода, так и по внешнему виду. Переводы здесь все авторизованные, что, безусловно, повысило качество книги.

После этого книга Михаила Лакербая не была издана ни на русском, ни на других языках.

Из намеченного трехтомного издания на сегодня опубликовано два тома.

До сих пор еще не увидел свет третий том, в котором должна быть напечатана монография об абхазском театре, а также статьи писателя, письма и другие связанные с его творчеством материалы. Все эти материалы еще предстоит собрать и привести в порядок.

На первые же литературные опыты М. Лакербая обратили внимание корифеи абхазской литературы Д. Гулиа и С. Я. Чанба. Было опубликовано много статей и рецензий, в которых по достоинству оценены его пьесы, стихи, проза. Их авторами были литературоведы и искусствоведы из разных уголков нашей страны. Среди них Л. Лебедева, А. Аршаруни, Г. Кикодзе, Р. Петрозашвили, Р. Ивнев, Хаджи-Мурат Мугуев, О. Чургулия, С. Келтман, П. Слетов, Ш. Акобия, М. Миндели, Г. Чиковани, Е. Ищенко и др. авторы этих статей и рецензий давали высокую оценку творчеству, особенно новеллам М. А. Лакербая.

Можно сказать, что после Д. И. Гулиа наши ведущие критики и литературоведы столько внимания не уделяли ни одному абхазскому писателю. Здесь мы должны также вспомнить Х. Бгажба, Ш. Инал-ипа, К. Ломиа, Ш. Чкадуа, М. Хашба, Ч. Джонуа, А. Аргуна, С. Зухба, Ш. Салакая, Дж. Ахуба, А. Гогуга, Н. Квициния, В. Цвинария, В. Агрба и других, писавших о М. А. Лакербае.

В 1968 году вышел в свет литературно-критический труд кандидата филологических наук, доцента, поэта В. П. Анкваба «Абхазская новелла», где разбираются новеллы Михаила Лакербая, а в 1979 году на русском языке вышла книга абхазских литературоведов —

101

А. Аншба и В. Дарсалиа «Творческий портрет М. Лакербая».

Но всего этого недостаточно — нет пока, к сожалению, книги, которая бы детально рассмотрела путь жизни и творчества писателя.

Автор этой книги, конечно, постарался хотя бы частично восполнить эти пробелы, постарался собрать и проанализировать все материалы, которые разбросаны в прессе или хранятся в архивах.

У ИСТОКОВ

Поскольку М. Лакербай принадлежит к первому поколению абхазских писателей, необходим короткий экскурс в тот исторический период. Как известно, в 1865 году была опубликована первая абхазская азбука. В 1892 году К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа составили уже вторую абхазскую азбуку, а в 1909 году А. М. Чочуга была составлена третья абхазская азбука.

Следом за ними вышли из печати евангелие, несколько школьных учебников и популярная брошюра.

До 1912 года художественной литературы у нас не было. Она родилась в 1912 году, когда были опубликованы «Стихи и импровизации» Д. И. Гулиа. В 1913 году был издан второй малоформатный сборник стихов Д. Гулиа, а потом, уже в 1920 году, вышла из печати драма С. Я. Чанба «Махаджиры».

В деле развития абхазской литературы, фундамент которой заложил Д. И. Гулиа, сыграла большую роль абхазская газета «Апсны», выходившая в Сухуми в 1919— 1920 годах.

В этой газете печатались произведения М. Хашба, М. Лакербая, Д. Дарсалиа и других (1).

Чтобы более ясно высветить начальные пути абхазской литературы и искусства, считаю нужным целиком привести художественный очерк Михаила Лакербая «Наш Прометей».

«Есть люди, о которых хочется знать решительно все. Хочется проследить их духовное развитие с первых же шагов сознательной жизни, узнать их окружение, проследить, как формировалось их мирозерцание, заглянуть в их внутренний мир.

1 Бгажба Х. Об абхазской литературе, 1960, с. 270— 271.

102

К таким людям относится Дмитрий Иосифович Гулиа. Прожив восемьдесят шесть лет, он сумел превратить всю свою большую и чрезвычайно интересную жизнь в сплошную цепь ярких подвигов. Перелистывая книги из серии «Жизнь замечательных людей», я ни разу не вычитал в них о человеке, сделавшем так много в столь различных областях для развития культуры своего родного народа, как это сделал Дмитрий Иосифович Гулиа. Не будет преувеличением сказать, что буквально во всех областях культуры родного ему абхазского народа: письменности (первый букварь, первые печатные книги, первые учебники), литературы (первые газеты, журнал, поэзия, проза, драматургия), науки (история, этнография, археология, фольклор), искусства (первые драмкружки, профессиональный театр, первая запись народных песен на ноты) и т. д.

Во всех этих областях зачинателем и основоположником был именно этот замечательный человек. Для его несокрушимой энергии и кипучей деятельности характерно то, что в каждой из всех этих областей он не был дилетантом, а, напротив, глубоко проникал в сущность творимого, взявшись за что-либо, отдавал ему весь свой, по выражению А. Луначарского, «любовно-тщательный труд». Недаром известный академик Н. Я. Марр писал: «Бесспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Д. Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый, ни в Европе, ни на Кавказе!»

По свидетельству доктора исторических наук Г. А. Дзидзария, Д. Гулиа выпустил в свет более сорока научных трудов.

Статей, рецензий, очерков и книг о творчестве народного поэта Д. Гулиа написано и опубликовано немало, но думается, что можно и нужно писать о нем еще и еще. И если бы у меня хватило умения, я счел бы такую работу — делом всей моей оставшейся жизни!

Здесь же я хочу рассказать нашей молодежи, хотя бы кратко, кое-что о нем как о человеке. Мне вспоминаются слова Белинского: «Хорошо быть ученым, поэтом, законодателем, воином и прочим, но худо не быть при этом человеком».

Д. Гулиа был подлинно человеком в самом высоком

103

значении этого слова. Человеком, как говорят, с большой буквы.

Его, всесторонне образованного, умного, высокоодаренного и кристально честного, прежде всего отличало одно изумительное качество — простота. Да, простота — ясная, солнечная. Не каждому дано быть таким простым.

Вот что пишет по этому поводу французская писательница Жорж Санд: «Простота — это то, что труднее всего на свете. Это — крайний предел опытности и последние усилия гения».

Д. Гулиа был полным воплощением такой гениальной простоты. И это было самым верным признаком его большого ума.

Известно ведь, что в каждом человеке столько тщеславия, сколько не хватает ума. Иному подчас даже кажется, что вместе с должностью ему отпустили дополнительный паек ума. Человеку тщеславному трудно не только быть простым, но даже притвориться им.

Итак, вслед за первым абхазским букварем, а затем и первыми печатными азбучными и другими книгами-учебниками Д. Гулиа создает и первую абхазскую газету, первый периодический печатный орган на родном абхазском языке. Это было крупнейшим и знаменательным событием в истории культуры абхазского народа.

Газета «Апсны», которую редактировал сам Д. Гулиа, по своему направлению была чисто культурно-просветительной. Ее основной целью было — объединение всех пишущих на своем родном абхазском языке и выявление наиболее одаренных литераторов. Постепенно в редакции газеты закипела большая работа, развиваясь все вглубь и вширь... В газете появились стихи, рассказы, отрывки из переводных, а то и оригинальных пьес и т. д.

Она в основном пропагандировала — просвещение, ликвидацию ужасавшей тогда неграмотности среди абхазского населения. Одновременно она своим содержанием давала отпор чуждым духу абхазского трудового народа различным общественным тенденциям — зоологическому шовинизму пришлых, насильно навязавших свою власть меньшевистских правителей, а также и вызванному их политикой ультранациональному у некоторой части местной абхазской интеллиген-

104

ции. Она проповедывала аламыс — призывала абхазов к братству, добру и интернациональной солидарности.

По всему этому наша абхазская интеллигенция — тогда еще очень малочисленная, а также и вся абхазская учащаяся молодежь единодушно называла Д. Гулиа «наш Дырмит», вкладывая в это «наш» все свое восхищение и свою любовь. А для нас, его учеников-школьников, Д. Гулиа был кумиром. И, благоговая перед ним, мы прозвали его «Х-Прометей», то есть «Наш Прометей».

И было за что: тогда как все другие народы, также населявшие Абхазию издавна, русские, украинцы, грузины, армяне, греки, турки, эстонцы, немцы и др., имели каждый на своем национальном языке письменность, свои книги и газеты, свою литературу, своих писателей, ученых, только один абхазский народ был лишен всего этого, являясь — волею судеб — самым отсталым среди других, плетясь за ними в хвосте, прозябая в темноте...

Так было сотни и тысячи лет...

И вот в начале нашего века вдруг, словно луч солнца среди мрака, засиял горящий факел, зажженный Д. Гулиа, и осветил мрачную жизнь абхазского народа... Совсем как огонь Прометея! С той только разницей, что это чудесное явление произошло не в легенде или сказке, а наяву, на глазах у всего народа. Даже и мне лично посчастливилось стать его живым свидетелем!

Плоть от плоти, родной сын трудового абхазского народа, Д. Гулиа, став сам «огнедобытчиком», принес, держа высоко и крепко в руках, горящий факел!.. Вот за что и прозвали его «нашим Прометеем».

Сколько недостатков и темных, отрицательных сторон нашего отсталого быта осветил и выставил на показ этот свет! Какими уродливыми и смешными они выглядели!.. С какими трудностями и опасностями и вместе с тем с каким несокрушимым энтузиазмом началась работа по выкорчевыванию этих уродливых сторон отсталого быта!.. Чтобы оценить все это, надо знать прошлое.

Недаром народная пословица гласит: «Чем горше прошлое, тем слаще настоящее». Будучи сам высокообразованным человеком, поэтом огромного таланта, Д. Гулиа всегда призывал нас учиться, приобретать знания, стать полезными своему родному народу. Его

105

уроки абхазского языка всегда были для нас самыми интересными из всех других предметов. Он развивал в нас любовь к чтению, к литературе, давал темы для сочинений. Мы делали переводы отрывков из классических произведений на абхазский язык, создавали инсценировки абхазских народных песен и разыгрывали их в организованном им драматическом кружке. По его же инициативе были написаны инсценировки из исторического романа Мордовцева «Прометеево потомство» — С. М. Ашхацава «Келишбей» и «Сафарбей». Обе эти инсценировки мы играли под его руководством в т. н. тогда «втором гостеатре» (ныне театре им. Гамсахурдиа). Участвовали в постановках его ученики: Б. Ладария, З. Ладария, Д. Хагба, А. Нинуа, А. Маршания, я и др.

Во всех культурных начинаниях Д. Гулиа то и дело встречались свои особые, специфические, подчас очень сложные трудности, которые нелегко было преодолевать. К примеру, «актеры» драматического кружка приносили с собой на сценические подмостки свой старый бытовой багаж — различные, мешающие продвижению вперед пережитки, в частности — обычай родовой кровной мести.

Так, например, в 1918 году на одном из любительских спектаклей драматического кружка по ходу пьесы один из исполнителей, выхватив пистолет, бросается на другого со словами: «А-а-а... наконец-то я осуществляю свою давнюю мечту!» Пистолет, как полагалось, должен был быть разряженным. Однако каков был ужас зрителей, когда раздался настоящий выстрел и юноша-артист, смертельно раненный, схватившись за сердце, грохнулся на пол.

Как выяснилось, роковой выстрел был очередным актом родовой кровной мести кружка...

Трагические случаи-сцены чередовались с комическими. Уже лет пять спустя, когда в одном горном селе шла другая пьеса, переведенная с грузинского, один из исполнителей поднял свой пистолет с угрозой по адресу своего партнера. Зрители, особенно женщины, вскочили с мест и разбежались, опасаясь новой беды... Сразу же зал опустел, и спектакль был сорван.

Были и другие характерные для того времени препятствия. Например: отец одной «актрисы» (а женщин в кружке было всего две), некий Каламат Арыдба,

106

категорически запретил своей дочери «бродить» по селам с мальчиками, хотя бы и под руководством всеми уважаемого Дырмита Гулиа, усматривая в этом посягательство на вековые устои морали. Д. Гулиа обратился к нему с просьбой разрешить ей поездку.

— Ты знаешь, Дырмит, не меньше меня, что такое женская честь, а девушки — тем более, — ответил Каламат. — Ты будешь разъезжать и колесить с мальчиками и девочками по селам. Хорошо, я разрешу тебе взять ее с собой. Но знай твердо: если где-нибудь, кто-нибудь проронит хоть одно лишнее слово, роняющее достоинство и честь моей дочери, то ты мне ответишь своей головой!

Хорошо зная, с кем имеют дело, все кружковцы, весь коллектив и я с ними стали упрашивать Д. Гулиа отказаться и от «актрисы», и от такой ответственности. Много было подобных и еще более сложных трудностей при становлении абхазского национального театра. Но он ни разу не отступил перед всеми этими трудностями, не расплескал своей кипучей энергии, не растерял по дороге к намеченной цели своей необычайной целеустремленности. И все же они стоили Д. Гулиа немалых огорчений, нервов и здоровья.

Помню, в 1922 году, зайдя ко мне однажды в редакцию абхазской газеты «Апсны капш», Д. Гулиа протянул мне последний номер русской газеты «Голос трудовой Абхазии» и произнес с горькой усмешкой:

— Когда-нибудь и летописец абхазского театра «горьким смехом моим посмеется». Прочти-ка вот это объявление!

Я прочел. В нем почти буквально говорилось следующее: «Доводится до сведения лиц и учреждений, что с 1-го августа 1922 года сдается в аренду 2-й гостеатр Абхазии под всякое зрелищное предприятие, исключая драму».

Инциденты вроде убийства на сцене, угрозы «ответить головой» приводили к тому, что многие неискушенные зрители и руководители стали относиться ко всякой пьесе как к «драме», в которой абхазы разрешают свои житейские конфликты при помощи оружия и переносят на сцену свои будничные раздоры и даже кровную месть.

Такие и подобные им «ценители» искусства, люди типа этих случайных незадачливых руководителей су-

107

хумскими зрелищными предприятиями вместо того, чтобы помочь делу нарождающегося абхазского искусства, вставляли молодежи палки в колеса. Но не таков был Д. Гулиа, чтобы смалодушничать, и он с необычайной стойкостью преодолевал стоящие на пути препятствия. Огорчений бывало чрезвычайно много. Чего стоила хотя бы одна борьба против введения явно нелепого аналитического алфавита! Буквы с кружочками и точками вокруг невероятно усложняли чтение, не говоря уже об огромном количестве, вмещающемся, как подшучивали мастера-механики, «разве только в клавиатуре пианино». Это — вместо удобного русского алфавита с очень незначительными изменениями. А вводили «аналитический» на основе латинского в смешении с другими — ученики Н. Я. Марра, «мудрствуя лукаво».

Этот неудобный алфавит все же был одобрен и принят все теми же «знатоками» вопреки здравому смыслу и против желания абсолютного большинства абхазских работников пера. Он, естественно, надолго затормозил развитие культуры во всех областях. К счастью, благодаря упорной и последовательной борьбе Д. Гулиа и других, в конце концов здравый смысл взял верх, и «аналитический» алфавит был отменен. Так «наш Прометей» снова выиграл борьбу против «богов».

Есть у Д. Гулиа маленькое, но весьма значимое стихотворение «Ацвюгбар» — о каплях воды из горного источника. Падая одна за другой на одну и ту же точку камня скалы, падая беспрерывно, упорно, эти капли в конце концов разрыхляют скалу!.. Так и Д. Гулиа — шаг за шагом своей поистине титанической настойчивостью прокладывал путь к абхазскому

национальному профессиональному театру...

Он ясно видел цель, которой посвятил всего себя — деятельности, направленной на развитие культуры и подъем революционного национального самосознания своего родного абхазского народа. Он поставил абхазский театр на ноги, выведя его на большую дорогу к подлинному искусству.

Творчество Д. Гулиа прежде всего тесно связано с абхазским фольклором. Его вдохновляли сказки и легенды, предания и героические песни, притчи и рассказы о героических подвигах и благородстве. Собранные им абхазские народные пословицы представляют исклю-

108

чительный интерес. Ведь именно в пословицах ярче всего выражены дух и характер нации, ее внутренняя культура и моральные начала.

Помню, как-то, говоря о народных абхазских пословицах и поговорках, Д. Гулиа выразил свое согласие с Т. Карлейлем, утверждающим, что «образование людей должно начинаться пословицами и кончаться мыслями». И он часто приводил цитату Анатоля Франса: «Будем бережно хранить прошлое. Без прошлого не создать настоящего». И тут же добавлял от себя: «А мы будем брать из нашего прошлого только то, что помогает строить по-новому жизнь — настоящее и будущее».

Он близко знал самых интересных сказителей, талантливых хранителей произведений устного народного творчества, народной мудрости абхазов и до конца своих дней не терял с ними связи. Поэтому если кому-нибудь из научных работников или писателей случалось выезжать в дальние горные села за фольклорными материалами, то очень часто советовались с Д. Гулиа — к кому именно им обратиться. Более полезного совета никто из них не получал никогда ни в районном центре, ни даже в селе, где проживал нужный по данному материалу сказитель.

Однажды я заинтересовался текстами песен популярнейшего народного певца-сатирика слепого Жана Ачба, который сам сочинял и пел сатирические частушки на князей и царских прислужников в конце прошлого века. Д. Гулиа назвал мне имена нескольких стариков — знатоков текстов этих песен и особенно рекомендовал бывшего поводыря Жана Ачба во время его пятилетней высылки за пределы Абхазии в Мегрелию — Татуаза Шоуа, проживавшего в горном селе Багада.

— Если умеешь лазить по горам и скалам, не поленись пробраться к нему: он интересней других знатоков Жаны Ачба.

И снабдил меня рядом советов, из которых весьма оригинален был последний.

— Запомни, — сказал он, — что без большой необходимости не следует записывать при нем на бумаге рассказываемый материал. Старайся удержать все в памяти. Они не любят, когда их слова записывают.

Он дал мне этот совет в дверях, когда я уже уходил, и мне было неудобно продолжать беспокоить его. Только

109

на месте я на конкретном примере убедился, как он был прав.

Решив «взять быка за рога», я направился к Татуазу Шоуа в один из самых отдаленных горных поселков Абхазии. Проехав вначале большую половину пути автобусом, я пересел на коня,

чтобы ехать дальше по Военно-Сухумской дороге. Проехав довольно значительное расстояние в горах и очутившись среди теснившихся скал, мне, однако, пришлось отказаться от коня и продолжить путь пешком. Дорога петляла вокруг исполинской горы, а затем врезалась в знаменитую так называемую «Коначхирскую» скалу, тянущуюся в длину более десяти километров — голую и отвесную, то и дело переходя на «козьи тропы», повисая над зияющей пропастью и теряясь в тумане... Наконец я у Татуаза Шоуа!

После первых приветствий, услышав, что к нему от Дырмита Гулиа, он просиял и тотчас же засыпал меня вопросами о нем, его большом названом друге, о его здоровье, семье, настроении... вспомнил о встречах.

«Высокий, стройный, все еще бодрый в свои девяносто лет, импозантный на вид, жизнерадостный старик жил, по его выражению, «на самой высокой горе в этих местах во всем Дале».

Интересно, что ему мало оказалось высоты горы — он и домик свой соорудил на высоких сваях. Благо здесь ветров не бывает. Облака клубятся ниже его жилища, и «ничто не мешает лицезреть с его веранды и снежные вершины гор, и красавицу Акву-Сухуми, и зеркальную гладь моря, как на ладони!».

Татуаз напоминает собой «бога», играющего на ачарпане — абхазской флейте. По своему характеру он несколько чудаковат. Гордый и обидчивый, он похож на «бога», изображенного на знаменитых рисунках Жана Эффеля, с той только разницей, что Татуаз Шоуа ходит не в длинной ночной рубахе до пят, а в старой, длинной абхазской черкеске с заплатами...

Д. Гулиа был, как всегда, прав: Татуаз Шоуа оказался одним из интереснейших сказителей и хранителей произведений устного народного творчества абхазов. Много острых и едких сатирических частушек записал я из уст этого бывшего поводыря Жаны Ачба, узнал много интересного о дружбе Жаны Ачба с Серго

110

Орджоникидзе в бытность его в Гудауте... Татуаз остроумен и словоохотлив.

Мне было известно, что он прекрасно играет на ачарпане, и я попросил его сыграть что-нибудь.

— Я бы с удовольствием исполнил твою просьбу, — ответил он мне печально, — да на беду мой ачарпан вчера съела вот эта проклятая коза! — И он указал на большую козу, стоявшую во дворе под чинарой и виновато глазевшую на своего хозяина.

— Козы очень любят этот горный тростник «ачарпан», — добавил он. — Особенно когда он «сухой».

И вслед за этим попросил свою внучку сыграть что-нибудь на ачангуре. Миловидная девочка лет 15—16 принесла из соседней комнаты этот женский инструмент «ачангур», села и, аккомпанируя себе, начала петь любовные частушки с давно знакомыми мне словами из лирической поэмы «Любовное письмо» Д. Гулиа. Когда я спросил девочку:

— Чьи это стихи? — девочка ответила:

— Не знаю.

— «Частушки» с этими словами уже давно поют повсюду, — объяснил Татуаз Шоуа. — Разве ты слышишь их в первый раз? — И добавил: — Народ безликий. Разве узнаешь и запомнишь, кто именно их сочинил!

Меня особенно поразило то, что строки стихов из поэмы Д. Гулиа девушка передавала совершенно точно, как у автора, т. е. без каких-либо изменений. Татуаз Шоуа сразу повеселел, когда я сказал ему, что слова эти принадлежат перу Дырмита Гулиа.

— Ах, вот оно что! — обрадованно произнес он. — Так, значит, это его слова?! А может быть, ты знаешь, чьи вот эти слова, которые тоже повсюду поют?

Он взял из рук девочки ачангур и запел, аккомпанируя себе сам... Это были получившие большую популярность частушки из остросатирического повествования Д. Гулиа о бездельнике-гуляке — странном и необычном пошляке-юноше, порождении социального строя того времени, в неудачном переводе Потаповой.

Приведем хоть несколько строчек этого перевода, хотя он и напоминает скорее обратную сторону вышивки на канве узор:

«Достоинство утратив, слоняется без толку... Черкеску истрепал он, коню набил он холку... Назойливый,

111

развязный, хвастливый по натуре, до седины дожил он, бесстыдно балагурия».

Долго пел Татуаз эти частушки. Слушая его, я лишний раз убедился в справедливости мысли А. Доде: «Стиль бальзамирует литературное произведение». Старый Татуаз Шоуа несказанно обрадовался, когда узнал, что и это сочинил Дырмит Гулиа. Он стал умолять меня уговорить и привезти к нему дорогого Дырмита в гости, да только не на день или два, а на «целое лето, отдохнуть от сухумской жары».

— После пребывания в обществе такого дорогого гостя мне и умереть будет не страшно! — Так сказал девяностолетний, известный во всем районе весельчак Татуаз Шоуа, выразив свою большую и искреннюю любовь к Дырмиту Гулиа. Это был, в сущности, голос самого абхазского народа.

Следуя совету Д. Гулиа, я все время старался удержать все рассказываемое Татуазом в памяти, и только урывками, когда случайно оставался один, я быстро доставал из кармана заранее припасенные листок бумаги и карандаш и тайком записывал кое-что...

На следующий вечер допоздна Татуаз рассказывал мне чрезвычайно увлекательные истории. Он много знал прекрасно сохранившихся в его памяти стихотворных текстов Жаны Ачба. Они были настолько интересны, что не давали мне ночью спать: все думал, как записать все с точностью.

На третий же день утром, когда, как мне показалось, между нами установилось полное «взаимопонимание», я пожаловался ему на «слабую память», в то время как тексты стихов и частушки мне нужно помнить точно. И я достал бумагу и приготовился писать. И мгновенно в моем собеседнике произошла резкая перемена. Он сразу очень потускнел, словно завял, и до сих пор все время сверкавшие глаза его вдруг померкли...

— Что с тобой? — спросил я у него в тревоге — у абхазов на «вы» говорят только во множественном числе.

— Я вспомнил нечто очень далекое, — ответил он, — но об этом не стоит говорить.

Крайне заинтересованный, я стал расспрашивать, что именно произошло с ним и когда. И он

рассказал мне следующее.

— В давние времена в Очамчире один городской

112

пристал ко мне и хотел отобрать у меня кинжал. «Не имеешь права носить кинжал!» Я был в черкеске. А кто носит черкеску без кинжала? Он хотел насильно отобрать у меня его. Я только слегка оттолкнул его от себя, а он оказался пьян и еле держался на ногах — и потому упал. По совету случайно присутствовавших людей я поспешно ушел в свое село. Тогда я жил в Тамыше. А на другой день ко мне прибыл этот самый городской и еще двое, чином постарше. Один из них сел за стол, достал из своего портфеля бумагу и, как ты сейчас, стал допрашивать: когда я родился? зачем родился?

Татуаз задумался и тихо, с печалью произнес:

— И вправду, зачем я родился так рано? при них?! Мне надо было появиться на свет теперь, в это светлое время!.. — Он помолчал в задумчивости и продолжал: — А вот в прошлом году приехал ко мне ученый юноша из Сухуми, разложил свой портфель на этом столе, достал какие-то бумаги, посадил меня перед собой и стал спрашивать, что я знаю о пастухе и дочери Айжвейпшьяа? Когда этот пастух родился? А кто такая дочь Ажвейпшьяа? И все такое... Я сразу вспомнил очамчирского городского и вдруг забыл все об Ажвейпшьяа, их сестре, об охотнике и т. п. Все выветрилось из головы.

Татуаз Шоуа рассказал про дрозда, который на вопрос птичек, почему он, раньше часто певший, вдруг умолк и ничего не поет, ответил: «После того, как ястреб, витая надо мной, коснулся краем своего крыла моей головы, я забыл все свои песни». И старик добавил:

— То же самое происходит и со мной, когда я вспоминаю этого очамчирского городского...

Действительно, чрезвычайно интересным оказался этот старик — Татуаз Шоуа! С феноменальной памятью, несмотря на свои годы, он умел говорить очень красноречиво, умно, почти все время пересыпал свою речь перлами народной мудрости... Слушать его доставляло мне огромное эстетическое удовольствие!..

Как прав оказался Д. Гулиа, рекомендуя мне его как «одного из очень интересных сказителей и хранителей произведений абхазского устного народного творчества»! Как мудр оказался и его совет о методе собирания и записи фольклорных материалов. Теперь я всегда слеую этому совету и всегда доволен результатами.

113

Так, Д. Гулиа пользовался абхазским народным фольклором, который и сам обогатился произведениями Д. Гулиа. Они внесли в веками сложившееся устное народное творчество новую, свежую струю.

Песни на его слова из лирических, героическо-романтических, сатирических произведений распеваются во всех концах Абхазии. В народе приняли свое гражданство и бытуют также его отдельные изречения и афоризмы. Кому не приходилось слышать в выступлениях ораторов, спорах ссылки на его высказывания: «Как сказал Гулиа», «Есть такой афоризм у Гулиа».

В литературной работе Д. Гулиа был всегда очень взыскателен, не допускал, по его выражению, «никакой скидки на дружбу». Но особенно сурова была его взыскательность к самому себе. Характерен такой случай: однажды — это было в первые годы после установления Советской власти — я попросил Д. Гулиа разрешить опубликовать прочитанное им его новое, очень

понравившееся мне стихотворение. Он уступил моим долгим уговорам. Но накануне выхода номера газеты с этим стихотворением, ночью, когда газета уже печаталась, вдруг в редакции газеты, где я и жил, появился Д. Гулиа с просьбой, звучавшей скорее как требование, — снять его стихотворение, снять во что бы то ни стало, потому что, мол, «оно еще недостаточно отделано для опубликования». Конечно, пришлось остановить машину и выполнить его желание. Однако стихотворение это мне так нравилось, что я часто напоминал о нем и просил дать напечатать его.

И только спустя больше чем полгода мне наконец удалось получить от него разрешение на публикацию. Новый вариант сильно отличался от первого, сократился почти наполовину и стал, конечно же, лучше! Он лишний раз напоминал мне внушаемое им еще в школе правило: «Искусство писать — это искусство сокращать». Совсем по-чеховски! А в стихотворении этом («Дождь») неподражаемо поэтически просто и образно описывается дождь. Сказать по-абхазски лучше — мне кажется невозможно. И когда я, придя в восторг от такого поэтического шедевра, назвал их пределом художественного мастерства, он сказал: «Пределов художественному мастерству нет!» И посоветовал не забывать и всегда помнить абхазскую народную посло-

114

вицу: «Быстро серьезные вопросы человек не решает. Быстро только заяц бегают».

Д. Гулиа интересовало решительно все, что способствовало движению культуры абхазского народа вперед. В двадцатых годах по его предложению в абхазский коллектив драмы был приглашен режиссер русской драмы В. Н. Кривцов, благодаря которому, как отмечала и пресса, в постановках абхазской драмы «стала чувствоваться опытная режиссерская рука».

А еще позднее, на совещании Института абхазского языка и литературы, который возглавлял Д. Гулиа, по его предложению было вынесено решение организовать при сухумском театре абхазскую драматическую студию.

Найденный и приглашенный лично им, Д. Гулиа, в качестве руководителя такой студии В. И. Домогаров подробнейшим образом познакомил собравшихся с составленным совместно с Д. Гулиа планом работ студии.

Четыре с лишним года работы студии доказали, что Домогаров был «счастливой находкой» Д. Гулиа. В. И. Домогаров работал с большой любовью, оказался чрезвычайно добросовестным и опытным педагогом: из собранных Д. Гулиа кружковцев он выпестовал весьма надежный, крепкий костяк, сыгравший решающую роль в становлении абхазского профессионального театра.

Следующей очередной «находкой» Д. Гулиа оказался тогда еще мало кому известный музыкант Константин Ковач — венгр по национальности. Как-то раз мы с моим большим другом Кондратием Федоровичем Дзидзариа пришли к директору Института языка и литературы Д. Гулиа. Зашел разговор о концертах абхазского народного хора.

Д. Гулиа задумался и сказал: «Обидно, что у нас вся музыкальная культура заключена в одном только этом хоре и народных песнях, которые сотни лет назад наши предки, я уверен, исполняли лучше, чем этот, так называемый «абхазский государственный хор». Обидно, очень обидно, что до сих пор у нас нет ни одного абхаза или абхазки — пианиста, скрипача, певца-исполнителя классической музыки. Кстати, где тот музыкант, с которым ты меня познакомил недавно? Удалось тебе устроить его у себя в школе преподавателем музыки?»

115

— Нет, не удалось, — ответил Дзидзариа. — Говорят, нет такой штатной единицы для нашей

школы.

Кондратий Дзидзария работал тогда директором Абхазской школы имени Лакоба.

— А знаешь что, Кондратий, — сказал, помолчав, Д. Гулиа. — Приведи-ка его сюда, к нам в академию. Поговорим с ним — может, удастся организовать сбор и нотную запись наших народных песен. Когда будут такие сборники, найдутся и композиторы, которые захотят написать музыкальные произведения.

Этот разговор оказался знаменательным для истории развития абхазской музыкальной культуры: дней через десять после этого я узнал, что Константин Ковач разъезжает по далеким абхазским селам с фонографом в сопровождении приставленного к нему в качестве консультанта К. Дзидзария и собирает абхазские народные песни непосредственно из уст самого народа. А вскоре, через год, вышли в свет впервые два сборника абхазских народных песен, переложенных на ноты. Издали их в Москве.

Вслед за этим Ковач развернул большую работу по развитию абхазской музыкальной культуры. Так он организовал с помощью того же Института абхазского языка и литературы Абхазский этнографический хор, Симфонический оркестр Абхазии, в котором участвовали модернизированные абхазские народные музыкальные инструменты. Ковач написал «абхазскую сюиту», обработал несколько абхазских народных песен. Затем открыл сперва музыкальную школу, а за ней и музучилище. Постепенно стали появляться абхазские мелодисты и композиторы, певцы. Были написаны музыкальные произведения — балет, оперетта, музыкальная комедия. В настоящее же время готовится и опера. Своей кипучей и целеустремленной деятельностью Д. Гулиа лишний раз доказал справедливость народной мудрости, гласящей: «Одна свеча может зажечь тысячи других свеч». Известно, что зажигает только тот, кто сам горит. Таким горевшим и зажигающим других был, как никто другой, — Д. Гулиа.

Многогранно и многообразно творчество народного поэта, основоположника литературы, искусства, науки и других отраслей культуры абхазского народа. Вместе с тем творчество его насквозь пронизано интернациональным духом, и это не случайно. Он сам с детства

116

рос среди людей самых различных национальностей, в постоянном общении с ними. Ведь Абхазию издревле, как известно, населяли не только абхазы, но еще и грузины, русские, украинцы, армяне, греки, персы, турки, эстонцы, негры. С ними со всеми абхазы всегда жили как добрые друзья. Благодаря такому постоянному общению почти все абхазы, за редким исключением, свободно говорят минимум на четырех, а то и пяти языках. Считая это весьма положительным явлением для абхазского народа и видя в нем «самый простой и самый верный путь к цивилизации», Д. Гулиа постоянно призывал молодых абхазских писателей крепить и развивать эту интернациональную дружбу.

Таким образом, Дмитрий Гулиа — первый абхазский писатель — с честью оправдал свое высокое назначение — подлинного просветителя своего народа.

Для нас, его бывших учеников, Д. Гулиа на всю жизнь оставался самым благородным наставником-другом, всегда помогал, когда это бывало нужно, в работе!

Уже сравнительно недавно, когда Д. Гулиа было около семидесяти лет, мы, несколько его бывших учеников, встретившись как-то случайно, решили поехать к нашему любимцу на дачу в Агудзера. Он, как всегда, принял нас очень радушно, расспрашивал подробно каждого из нас — чем занимаемся, как работаем, давал советы...

И вот один из нас, кажется Г. Долбая, зная, что наш учитель, сам являясь автором многих интересных афоризмов, бытующих в народе, любит мудрые изречения, спросил его перед нашим уходом: какое изречение нравится ему больше всех других последнее время. И Д. Гулиа ответил с мягкой, добродушной улыбкой: «В последнее время, говоришь? Учиться — все равно что грести против ветра: только перестанешь — понесет обратно»...

Мы поняли: это был все тот же призыв — «учиться и учиться, не переставая, потому что абхазский народ все еще нуждается в своих знающих, образованных людях».

И уже перед нашим уходом наш учитель процитировал напоследок изречение известного французского композитора Гуно: «Когда мне было двадцать лет, я говорил: «Только я!» Когда мне стало тридцать лет,

117

я говорил: «Я и Моцарт!» В сорок лет я говорил: «Моцарт и я!» А теперь в пятьдесят — я говорю: «Только Моцарт!»

Бывает, что легче иметь дело с небольшим количеством фактов и строить на них домыслы, оправдываемые своей логичностью и правдоподобием. Но хуже и значительно труднее, когда этих фактов много, слишком много, и все они, как и каждый в отдельности, интересны, весомы и очень значимы. Трудно привести их в какую-то гармоничную систему, в какой-то стройный порядок. Поэтому воспоминания о Д. Гулиа я завершу рассказом о последней встрече моей с ним в 1960 году весной у него на даче в Агудзере. Боясь утомить его, больного, я всячески старался не вызывать его на разговоры и говорил больше сам на разные, малозначимые, отвлеченные темы.

— Я хотел с тобой поговорить о твоей книге «Очерков из истории абхазского театрального искусства», — прервав меня, вдруг оживленно заговорил он и продолжал: — Ты напрасно в них так мало уделил внимания «акенджам» — куклам, с которыми выступали кечеки — народные шуты. Пишешь о них только вскользь. А между тем эти акенджи были в свое время очень значимыми и интересными.

Полиция царя их запрещала не без основания. Твой же односельчанин Чагу Пилия три года сидел в тюрьме за имитацию акенджами абхазских князей, княгинь и царских прислужников. Это — недостаток твоей книги, — отметил он. — Кечеков с этими куклами я знал очень много талантливых, это был в сущности народный театр одного актера. Ты живешь в Москве, повези одного такого кечека с акенджами к себе и покажи Ираклию Андроникову. Интересно бы послушать, что он скажет?

Затем он назвал мне несколько ранее неизвестных мне кечеков, дал много интереснейших материалов об акенджах и советов, что и как дальше делать...

И, как всегда и в прошлые встречи, я поражался — как все еще он целеустремлен. И снова возвращался от него освеженный творчески, с новыми замыслами, желанием работать «не покладая рук»...

Абхазцы говорят: «Никогда не спрашивают, как родился человек, но всегда спрашивают, как он умер». То есть достойно ли прожил свою жизнь? Д. Гулиа,

118

прожив большую и интереснейшую жизнь, умер в ореоле славы, всеобщего признания и любви к нему всего трудового абхазского народа. Не такую ли жизнь советовал прожить человеку мудрый древний поэт Саади в своих словах:

Не забывай, что ты, когда рождался,
Ты плакал, а кругом смех радости раздался...
Живи же так, чтоб в час твоей кончины —
Все плакали б кругом, а ты один — смеялся...

Нет! Наш Дмитрий Гулиа не умер! Он живет среди нас в делах — в нашей абхазской литературе, науке. И после смерти он остался нашей путеводной звездой. И его, действительно, можно сравнить с Прометеем. Нет абхаза, который прошел бы без чувства благоговения мимо гранитного памятника на его могиле в Сухуми, в самом центре Аквы. Ясные, добрые черты лица, высеченные на камне, и целеустремленный взгляд вдаль, запечатленный резцом скульптора, много говорят сердцу каждого абхаза!.. А ежедневно приносимые, всегда свежие цветы отовсюду говорят о большой любви благодарного ему народа. Нет! Дмитрий Гулиа не умер, он всегда с нами!..»

В архивах я нашел выступление на этом юбилее Д. И. Гулиа ответственного секретаря Союза писателей Абхазии Николая Микава и счел нужным целиком привести это выступление. Вот оно.

«Когда древняя Спарта, измученная в долгой войне, обратилась за помощью к Афинам, то из Афин вместо войск, вместо оружия в Спарту прислали одного внешне ничем не примечательного афинянина. Этого человека звали Тиртеем. Он был поэтом.

В Спарте были страшно разочарованы такой помощью и ждали неизбежного поражения в войне.

Но вот Тиртей запел свои пламенные, жгучие песни, и, воодушевленные этими песнями, спартанцы победили в войне. Так замечательные песни Тиртея стали знаменем победы.

Это — миф. Но он создан человеческой фантазией, он создан народом.

Невольно вспоминается этот прекрасный миф о Тиртее, когда сегодня я гляжу на Вас, дорогой Дмитрий Иосифович, на нашем берегу радости и счастья.

119

Подлинная песня всегда была и остается «бомбой и знаменем». Ваша песня, как мощный голос Инапхи Кягуа, раздалась протестом против гнета и насилия в ту мрачную пору царского произвола.

Абхазский народ полюбил Ваши песни и подхватил голос певца.

Более того, абхазский народ присвоил их, приютил, и сегодня, когда Вы, страстный любитель сокровищницы устного народного творчества, собираете фольклор, народ Ваши песни преподносит Вам как свои.

Да, Ваши песни стали собственностью народа.

Это самая высокая награда, какую может получить поэт, творец слова.

Ваши песни, запечатленные в умах и сердцах абхазского народа, не пропали, дорогой Дмитрий Иосифович.

И сегодня в нашей стране, в стране, где по-настоящему ценят труд и талант, где открыта

<http://apsnyteka.org/>

широкая дорога всем лучшим устремлениям человеческим, оценили и Ваш труд.

Для того чтобы другим приносить солнце, нужно самому носить его в себе.

Вы, дорогой Дмитрий Иосифович, выращивали в своем сердце это солнце и принесли нам в дар его.

И за это мы благодарны Вам.

Мы, молодые писатели Абхазии, воспитанные на примере Вашего трудолюбия, на примере Вашей любви к своему творчеству и своему отечеству, приветствуем Вас и желаем Вам еще долгой, радостной творческой жизни» (1).

Позже, при встрече с Н. Микава, я попросил, чтобы он рассказал о Д. Гулиа.

«Говорить об этом человеке, — сказал Николай Маркозович, — можно часами, днями. Основными его человеческими качествами я считаю доброту и простоту. Открытость, прямота без хитрости, духовность и любовь к своему народу характеризовали его. Он действительно, как Прометей, похитил огонь у богов и зажег его на холодном очаге своего народа. Это был негасимый огонь культуры.

Приведу пока только один пример его скромности

1 Выступление Н. Микава на 60-летнем юбилее Д. И. Гулиа в театре им. С. Я. Чанба.

120

и достоинства. В пятидесятые годы в «Литературной газете» были напечатаны переводы его стихов. Мне стихи понравились, и при встрече я поздравил его. Он не принял моего поздравления: «Не поздравляй, это не мои стихи, а переводчика. Я не хочу, чтобы меня переводили как попало». И он достал из письменного стола подлинник стихотворения, подстрочник, сделанный им самим.

Это были совсем другие стихи, огненные слова шли из глубины души. «Не надо меня уродовать, я землепашец в поэзии, и пусть меня переводят таким, какой я есть!»

Хотя я достаточно хорошо знал скромность и прямоту Д. Гулиа, но меня восхитили его слова, олова настоящего абхазца, носителя «аламыса».

Конечно, главой и зачинателем абхазской литературы мы могли бы считать абхазского поэта и общественного деятеля XIX века Георгия Чачба, если бы он писал на абхазском языке. Но абхазскому читателю он стал известен лишь после того, как переведенные на абхазский язык его произведения вышли отдельной книгой в Сухуми в 1964 году. Эту книгу составил и с некоторыми сокращениями издал в собственном переводе Б. Гургулиа.

«Всевидящий, прости, я не изменил своему народу, пою песню своих предков — «Уарада», и когда эту песню своим голосом я пою, улыбка исчезает с моего лица и меня охватывает песня. Это же слезный стон моей души! Уарада!»

Если бы эти строки с самого начала были созданы на абхазском языке...

Абхазской литературе пока еще нет и ста лет, но с гордостью можно отметить, что она дала миру многих талантливых мастеров, и это в первую очередь благодаря Октябрю и Ленину.

И второе: как вам известно, абхазский народ — древний народ. Он обладает богатым и разнообразным фольклором. Образное мышление, крылатое слово — характерные черты абхазцев.

Вот эти два фактора и определили развитие абхазской литературы. Д. И. Гулиа в предисловии к своей книге, вышедшей в 1912 году, писал:

«В 1910 году я составил первый сборник стихов на абхазском языке. Составить сборник было не трудно,

121

труднее было его издать. Никто не хотел его печатать. Но я твердо решил не отступать. В конце концов хоть и на собственные средства, но напечатал его. У нескольких абхазских интеллигентов занял деньги и издал на них книгу в Тбилиси. Но теперь надо было немало потрудиться, чтобы эту книгу распространить в народе. Я сам скупил весь тираж и привез домой. С помощью своих гостей, приезжавших из районов, книгу посылал для распространения в школы и деревни».

Уже по этой первой книге Д. И. Гулиа почувствовали абхазцы, что родилось что-то новое, что может вдохнуть в них силу, поможет сохранить свою жизнеспособность. И хотя книга была малого формата, ее лучи достигли глубины народной души, она зародила светлую надежду на будущее. А что надежда эта не была напрасной, подтвердила газета «Апсны», выходившая в 1919 — 1920 годах и благословившая в путь писателя М. Лакербая...

НЕ СВОРАЧИВАЙ С ПУТИ...

Хотя М. Лакербай в основном известен своими новеллами, первые литературные шаги он сделал как поэт. У него свое, особое место в абхазской поэзии.

Грузинский критик Бесо Жгенти писал об Акакии Церетели: «Если бы великий поэт ничего не написал кроме «Сулико», в нашей литературе его имя все равно не было бы предано забвению». Те же слова мы можем сказать о Михаиле Лакербае. Если бы он не написал ничего, кроме стихотворения, посвященного Д. Гулиа, его имя все равно навсегда осталось бы в абхазской литературе.

Почему? Чем сильно это стихотворение? Как завоевало оно такую любовь в сердцах народа? Ответ на эти вопросы мы получим, если от начала до конца прочитаем строки стихотворения в подстрочном переводе:

«Иди вперед, не сворачивая с однажды избранного пути, не страшись трудностей и доведи до конца начатое дело.

Ты достиг победы, слава тебе! Хотя многие пали на этом пути, но ты, у кого вера горит в душе, не дрогни, не отступи назад!

122

Блаженство умереть за святое дело!

Глуха и темна наша Апсны, ниоткуда не светит ей луч надежды... Ты проложил первую тропу, и вскоре яркими лучами осветится она...

Смотри, восходит солнце, вот-вот всей мощью взойдет оно!

Так пробуждается наша Апсны, главное — не дрогнуть, чтобы не испугалось сердце, главное — быть рядом с тобой. Ты — наш предводитель! Наш вождь, наша сверкающая звезда, надежда наша».

Это произведение говорит нам, как жаждал автор расцвета своей национальной культуры.

Слова М. Лакербая «Смотри, восходит солнце, оно скоро будет сверкать» раздалились как гром с небес. Здесь в первую очередь подразумевается рождение абхазской литературы, фундамент которой и он закладывал. «Отныне это дело будет жить вечно и будет долгоденствовать...»

И второе — свобода народа. Молодой поэт твердо уверовал, что без свободы не расцветет национальная литература.

Кроме актуальности поднятых проблем и верной идейной направленности, стихотворение отличают ясность мысли, доверительность интонации, чистота языка. В ту пору в абхазской литературе не было другого такого законченного стихотворения. Автор сумел своеобразными поэтическими приемами выразить то, что хотел сказать, что так волновало его, что хотелось донести до сердца народа. Потому-то стихотворение и сыграло такую большую роль в пробуждении национальных чувств абхазцев, подвигло их на борьбу за самоутверждение!

Михаил Лакербай считал поэзию наилучшим выразителем мысли. Как и для великого русского критика В. Г. Белинского, поэзия была для него совершенным ликом искусства. По мнению Михаила Лакербая, поэзия — это сила благодатная, возбуждающая сердца народа. Здесь стоит заметить, что стихи, которые писал Михаил Лакербай и поэты его времени, вообще весьма отличаются по форме, стилю, характеру и направленности от стихов сегодняшних поэтов. Но удивительно то, что большинство наших современных поэтов стремятся именно к тем формам, к которым стремился в дни своей молодости Лакербай. Одним из его патриоти-

123

ческих стихотворений является стихотворение «Родина». В нем поэт воспекает Апсны, его солнечное будущее; стихотворение кончается словами: «Пусть вечно светит наш Аламыс — достоинство и совесть народа». Особое место в творчестве поэта занимает образ В. И. Ленина. М. Лакербай одним из первых в Абхазии заговорил о нем на языке поэзии. В стихотворении «Ленин» Лакербай рассказывает о великих делах вождя.

Вот последние строки этого стихотворения:

Спи, Ленин, спокойно спи,
Мы следуем по твоему пути
И никогда не свернем с этого пути! (1)

Какие точные и емкие слова!

Стихотворение Лакербая «Ласточка» состоит всего лишь из четырех строф, но как глубоко его философское содержание! В этом стихотворении на первом плане проблема человека и родины.

Поэт находится далеко от родного села, и ему не дают покоя думы о любимой матери. Вдруг показалось, что ласточка заговорила с ним. Стихотворение написано в форме диалога между поэтом и ласточкой.

— Что, ласточка, что щебечешь?
Мне послышалось, ты что-то сказала мне!
— Мое гнездо в Мерхеулах, на кровле твоего дома!
Я оттуда прилетела...

— Ласточка, ласточка! Здоровы ли мои сестры и братья, мои товарищи?
— Они все хорошо себя чувствуют. Вот
Только беспокоят их думы о тебе.
— Ласточка, ласточка! Не видела ты
Могилу моей матери? Ухожена ли она?
— На могиле твоей матери цветет бессмертник!
— Ласточка! Ласточка! Моим соседям, моим
Односельчанам, кто только помнит меня, передай мой
сердечный поклон! (2)

Брат Михаила Лакербая, композитор Иван Лакербай, подобрал мотив к этому стихотворению.

Вот что пишет проживающий в Абхазии кандидат филологических наук Е. Ищенко:

«Один уходит из этого мира и после себя не остав-

1 *Подстрочный перевод.*

2 *Подстрочный перевод.*

124

ляет ничего. А жизненный путь второго так широк и значителен, что даже в десятках книг его нельзя описать, потому что наследство его с гордостью будет передаваться из поколения в поколение.

К числу таких людей принадлежит Михаил Лакербай. В абхазской литературе редко найдется второе такое имя, которое было бы так широко известно, как в пределах нашей страны, так и за ее пределами.

Лично я много раз встречался с ним, множество раз беседовали мы о наших национальных (украинской и абхазской) литературах.

В октябре 1945 года, после возвращения с войны, я приехал в Абхазию и начал работать учителем русского языка и литературы в Дурипшской средней школе. Абхазия приняла меня по-братски, по-дружески радушно, и с самого начала мне показалось, что нахожусь на моей собственной земле. Абхазских детей я учил языку великого Ленина. А сам я изучал культуру, литературу моей второй родины — Абхазии. Я полюбил абхазский язык, его многосторонние возможности и жадно бросился изучать его. Я читал все, что только находил в переводах с абхазского на русский язык, и к народу проникался все большим и большим уважением.

Это было осенью 1946 года. Однажды, когда я шел пешком из селения Дурипш в Гудауты, по дороге у деревни Джамчигра встретился с Михаилом Лакербаем, познакомился с ним. Шли разговаривая. Благодаря Михаилу Лакербаю я много чего узнал об абхазской литературе и о творчестве Д. И. Гулиа. Лакербай объяснил мне, что Д. И. Гулиа был основоположником абхазской литературы, ее душой и сердцем.

Второй раз с Михаилом Лакербаем встретился в 1965 году, в его любимом городе Сухуми. В тот период я полностью был поглощен работой, вопросами, касающимися взаимоотношений абхазской и украинской литератур. В связи с этим я обратился с несколькими вопросами к Лакербаю. Он хорошо был знаком со славным сыном украинского народа Александром Петровичем Довженко, они вместе работали на московской киностудии. Когда Лакербай услышал имя знаменитого советского кинорежиссера Александра Довженко, у него просияло лицо. Он тогда рассказал мне, что

Александр Довженко знал и очень любил вспоминать Нестора Лакоба. Он был в восторге от его ума, вежливости, скромности, характера и, что главное, от его патриотизма.

Меня удивляет глубина «абхазских новелл», их моральный кодекс. Я всегда с любовью знакомяю моих учеников с этими новеллами, прошу, чтобы они сдали мне письменные работы на тему этих новелл. И это я делаю потому, что философская задумка рассказов способствует воспитанию патриотического духа молодого поколения.

Когда читаешь одно из лучших произведения Михаила Лакербая «В тюрьме», чувствуешь, как тяжела участь узника. Глубокие думы вызывает это стихотворение, написанное М. Лакербаем в девятнадцатилетнем возрасте, в период учебы в Сухумском реальном училище. В нем мы слышим мольбу о свободе узника, закованного в кандалы; он смелый, бесстрашный боец, но враги сумели упрятать его в тюрьму.

«Ну что сказать, чем утешить обессиленного, изнуренного? На дворе весна, все цветет, а там, в тюрьме, царят горе и тьма.

Его сверстники празднуют воскресение (пасху). А он погибает в тюрьме. Он словно младенец, изголодавшийся по груди матери, ну что мне ему сказать, как утешить, в тюрьме ведь вечная тьма!»

Но животворные лучи «великого солнца», о которых и мечтал писатель, рассекали темноту, влили силу, вселили надежду в него.

Стихотворение написано с удивительной легкостью, цельно по форме и замечательно по мастерству. Оно создано в 1919 году, когда меньшевистское правительство бросило в тюрьму многих борцов за свободу. В стихотворении отражено политическое положение тогдашней Апсны. Кажется, будто не один узник, а вся Абхазия заключена в тюрьму. Поэт знает, что в России установлена Советская власть, народ получил свободу, и поэтому устами узника говорит:

«Страна просыпается. Весна. А я заперт в темнице, напрасно радуюсь весне».

Там, где установлена Советская власть, там весна! А в Абхазии еще далеко до свободы, но поэт надеется, что она придет. Здесь же хочу отметить, что это стихотворение по духу своему близко пушкинскому «Узнику»,

«С желанием» М. Лермонтова, чувствуется влияние великих поэтов, воспевавших Родину и свободу.

Через все творчество Михаила Лакербая красной нитью проходит любовь к Родине, любовь к отечеству, ради которых он готов пожертвовать собой. Его патриотизм оптимистичен; это патриотизм человека твердого, волевого, верящего во все лучшее.

Этой верой наполнено его стихотворение «Ложь матери», созданное по мотивам одного из произведений австрийского писателя XIX века Гартмана. Описанное здесь событие также имело место в пору Великой Отечественной войны на Северном Кавказе, где действовала группа абхазских партизан.

Фашисты схватили юношу-партизана и решили на страх другим партизанам публично казнить его. За несколько часов до казни матери юноши разрешили проститься с сыном.

Думаю, всем понятно отчаяние матери, которая знала, какая участь ждет ее сына, но она твердо говорит: «Смерть за Родину — это величие».

Мать успокаивает сына: не бойся, я попрошу — и они пожалеют меня. И если я добьюсь этого прощения — оденусь во все белое. Сын на месте казни ждет появления матери. И вот она появляется во всем белом, давая понять ему, что казнь отменена... Но палач одним взмахом топора отрубает ему голову.

Пусть же традицией станет белое одеяние для матери, находящейся в трауре. Кто, кроме матери, может придумать подобную ложь? Кому, кроме матери, можно такую ложь простить?

Это стихотворение было напечатано во время Великой Отечественной войны и прекрасно передает дух абхазской матери-героини, рассудившей так: если смерть неизбежна, пусть сын умрет как герой.

Таков поступок матери. Она показывает пример товарищам сына, защищающим родину, сын же увековечивает свое имя, имя бесстрашного, преданного отечеству человека. Последними его словами были: «Слава Советам! Да здравствует героическая борьба партизан!»

Озеро Рица — гордость Абхазии. Оно постоянный источник вдохновения абхазских поэтов: среди их произведений в первую очередь надо назвать «Рицу» Баграта Шинкуба.

127

Михаил Лакербай, большой знаток и любитель народных сказаний, конечно же знал легенду о Рице.

Он образным поэтическим языком рассказывает о том, что в этих райских местах жил род Пшицба, повествует о том, чем эти люди занимались, как жили, чем были знамениты.

Но вот в один из дней внезапно стало быстро темнеть, раздался гром, сверкнула молния. Сомкнулись грозовые тучи, налетел ураган, хлынул ливень! Сорвалась гора, раскололась земля и поглотила богатые виноградники пшицбеев, их цветущие поля... Все это погрузилось в пропасть, и там, где еще недавно жили люди, возникло сверкающее озеро...

Поэт так заканчивает свое стихотворение: ни один не остался в живых из этого рода, Рица затопила все...

И после этого никто больше не произносил имя пшицбеев...

Большое значение имеет в поэзии ясность звучания слов, новизна рифм, строгость цезур. Такие стихи делают идею автора легко воспринимаемой и запоминаются надолго.

В творчестве М. Лакербая особое место занимают произведения, посвященные Д. И. Гулиа. К сожалению, их немного. Однако все они, начиная с первого и кончая последним, «Еще одно слово о Д. Гулиа», весьма примечательны. Читая их, видим, что автор прекрасно понимал, как велико значение Д. Гулиа для Апсны и абхазского народа. Михаил Лакербай собирался написать монографию, посвященную народному поэту Абхазии, но не успел. О значении Д. И. Гулиа он говорил не только в своих художественных произведениях, но и в устных беседах со своими друзьями, товарищами, указывая на это значение всякий раз, когда поднимались вопросы, касающиеся абхазской литературы.

Очень правильно замечает писатель Джума Ахуба о Михаиле Лакербае: «Он был мастером рассказа. Изустный рассказ — это то, что стоит у истоков народного творчества, то, что так

бережно хранят и сегодня наши старики!

Да, он и устно творил, был у него яркий талант рассказчика. Это замечательное свойство М. Лакербая очень сближало его с абхазскими старцами».

128

Я, автор этой книги, также очень хорошо помню, как однажды М. Лакербай в нашей редакции (имеется в виду редакция газеты «Апсны капш») сказал: «Всякий раз, проходя мимо памятника Д. И. Гулиа, мы должны ему низко кланяться».

Михаил Лакербай, будучи профессиональным писателем, и к своему творчеству, и к творчеству других относился с большой ответственностью. Он не спешил и не ленился. По несколько раз переписывал, перерабатывал свои рукописи, пока не находил окончательный вариант.

Особенно придирчиво он относился к своим драматическим произведениям, создавал два-три варианта: показывал, читал товарищам по перу, прислушивался к их мнению, принимал во внимание замечания критиков и снова садился за рукопись.

О его требовательности, о том, как он работал, рассказывает стихотворение «Как я пишу», написанное в последние годы жизни.

Поэтическое слово должно быть чистым, теплым, оно должно отражать душевные волнения автора, его переживания. Этого нелегко добиться. Словом, рожденным в муках, дорожат как своим младенцем. Но если произведение получилось слабое, нельзя его жалеть, оно не украшает, а, напротив, унижает автора.

«Пусть я написал, но если мне не по душе, я не щажу его.
Я поступаю решительно в данном случае!
Скорее уничтожу, пусть клочки бумаги унесет река;
Чем они будут позорить меня, как некоторых позорят их слабые творения!» (1)

Таков девиз автора этого стихотворения. Он призывает к тому же и своих товарищей-писателей.

Проблемы, волновавшие М. Лакербая, не стареют, они вечны: Родина, народ, дружба.

Но самое дорогое для поэта — все-таки мир. Он прекрасно понимает, что значит защищать мир, ибо сам с винтовкой в руках защищал его. Он собственными глазами видел, ценой каких жертв удалось народу победить ненавистного врага. И если снова понадобится, советский народ с такой же самоотверженностью будет защищать границы своей родины.

1 Подстрочный перевод.

129

Стихи М. Лакербая «Вы, поджигатели войны!» — направлены против империалистов. Их поэт написал в 50-е годы, во время пребывания в Воркуте.

Хоть и немного стихов у Лакербая на тему мира, но то, что написано, попадает в цель. Поэт твердо верит, что, хотя агрессоры не унимаются, грозят, — они горько ошибаются в расчетах...

Пока в этом мире действуют две противоборствующие силы, защитники мира не могут выпустить из рук оружие. Советский народ вознес над нашей планетой знамя мира. Свободу,

которую нам принесли В. И. Ленин и Октябрь, мы никому не уступим.

Поэт знает цену труду. Труд — источник жизни. Этому посвящено стихотворение «Труд — это радость». Человек труда богат, красив. Его везде уважают...

В стихах Михаила Лакербая мы часто встречаем философские суждения о значении жизни. Он хорошо понимал призвание человека в этой жизни, знал, каким тот должен быть...

Михаил Лакербай не оставил большого поэтического наследия, но все же он сказал свое слово как поэт, создал собственный поэтический мир и занял свое место в нашей поэзии. Он хорошо знал грузинскую классическую литературу, русскую, мировую. Глубоко изучал наиболее значительные произведения этих литератур, старался подражать им.

У Михаила Лакербая есть стихотворение «Русалка», сюжет которого он взял у А. М. Горького. Но лишь сюжет, и ничего больше. В абхазском фольклоре образ русалки занимает большое место. Поэт частично использовал и его... Прекрасная Русалка жила в глубине большого голубого озера, лишь иногда выходила на берег. Однажды Русалка попала в сети. Рыбаки не смогли вынести ее красоты, испугались и разбежались. Только один юноша, по имени Марджич, не испугался красавицы, приблизился к ней и одарил горячими поцелуями.

Он не замечал, как шло время, как наступила ночь и как в этой ночи бесследно растаяла Русалка...

С той поры Марджич потерял покой, дневал и ночевал у берега, но ни разу не смог увидеть ее. В конце концов не выдержав мучений, он бросился в воду и был поглощен волнами. А прекрасная Русалка и сей-

130

час живет в этих местах. Временами видят ее на берегу. Марджич же исчез навсегда.

Авторская философская задумка раскрывается только в последних строчках: беда, если вы так же бесследно исчезнете и никто даже не вспомнит о вашем отчаянном самопожертвовании...

А еще в стихотворение органично вплетена мысль В. Г. Белинского о назначении, о цели жизни. Жить — значит чувствовать, думать, переживать, радоваться, бороться, без этого наступят смерть и тьма.

Абхазские поэты написали много прекрасных стихотворений о Сухуми, в этих стихах они воспевают светлое будущее абхазского народа, который вместе с другими советскими народами уверенно шагает под знаменем Октября.

Для Лакербая особенно дорог и близок был этот город, и поэт своеобразно воспел его. По мнению поэта, раскинутый на склонах гор этот прекрасный город является гордостью Апсны — источником вдохновения, радости, здесь всегда сверкает солнце! Вокруг благоухают цветники и радостью наполняют сердце. Если хотите испытать радость — приезжайте погостить в Сухуми! В этом стихотворении показаны любовь к родной природе и гостеприимство абхазцев.

Влияние поэзии Николоза Бараташвили заметно в лирическом стихотворении «Почему неповторима красота твоя...»

Поэт потерял покой из-за любви. «Для чего мне богатство без тебя? Драгоценнее тебя не вижу никого вокруг...» Поэт сравнивает любовь с горным источником. Любовь сильнее всех других страстей, она может одарить безграничной радостью; влюбленный человек щедр, добр, широк. Нет другого чувства, равного истинной, чистой любви.

М. Лакербай был одним из тех писателей, которые с самого начала своей литературной деятельности старались всячески помогать сближению советских народов, их общению и взаимообогащению их культур. Тот, кто любит свою Родину, обязан уважать и родину других народов, их культуру. Михаил Лакербай был воплощением дружбы абхазского, грузинского и русского народов.

В 1957 году М. Лакербай посвятил дружбе абхазского и грузинского народов стихотворение «Песня

131

дружбы». Вот что пишет по поводу этого стихотворения заслуженный деятель культуры Грузинской ССР и Абхазской АССР Акакий Бибилейшвили:

«В 1957 году в Сухуми шла спешная подготовка по проведению в Тбилиси декады абхазской литературы и искусства. В декаде наряду с другими коллективами принимал участие и заслуженный коллектив ансамбля песни и танца Абхазии. Музыкальным руководителем по подготовке декады был командированный из Тбилиси в Сухуми известный грузинский композитор профессор Ш. Мшвелидзе.

Во время этой подготовки мы и познакомились с М. Лакербаем. Он всем своим существом стремился к братству, дружбе между народами; и был готов сделать все для развития духовной культуры человека. Стихи «Песня о дружбе» он написал по заказу Ш. Мшвелидзе. Автором музыки является брат поэта — Иван Лакербай. Декада прошла успешно. И в этом успехе немалая заслуга М. Лакербая».

Вот что замечает в связи с этой декадой брат поэта Иван Лакербай:

«В 1957 году в Тбилиси в декаде абхазской литературы и искусства Миша не смог принять участия из-за болезни.

Это известие меня потрясло, знал, как он мечтал об успешном проведении декады. И все же Миша как бы незримо присутствовал на этом празднике: в день открытия декады его стихотворение «Песня о дружбе» читал народный артист СССР Акакий Васадзе».

Содержание стихотворения патристическое, оно воспевае вековую дружбу абхазского и грузинского народов, их светлое будущее, их нерушимое братство. Абхазский писатель Михаил Лакербай знал цену дружбе и в этом отношении был верен заветам Д. И. Гулиа.

До сих пор мы вели беседу о тех стихах М. Лакербая, которые вошли во второй том собрания сочинений писателя. А теперь разрешите мне познакомить вас со стихами, оставшимися за пределами этого тома. Мы их нашли в личном архиве писателя, а также на страницах газет «Апсны», «Апсны капш», «Апхазетис сабчота мцeralи», «Советская Абхазия».

132

Михаил Лакербай очень хотел создать образ видного сына Абхазии, пламенного большевика Нестора Лакоба. В наших руках пожелтевшие от времени рукописи. Это посвященная Нестору Лакоба литературномзыкальная композиция «Сын народа». Написана она на русском языке. В ней говорится о бедственном прошлом абхазского крестьянина, о том, как царизм, иностранные промышленники, местные феодалы притесняли абхазский народ. Рассказано о мечте и борьбе народа за завоевание свободы. Говорится о том, что Н. Лакоба один из тех, кто под знаменем

Ленина боролся за осуществление ленинских идей, за утверждение Советской власти в Абхазии.

Вдова поэта, Е. И. Лакербай, передала музею Д. И. Гулиа восемь неопубликованных стихотворений на русском языке: «Мерхеули», «Сын народа», «Дружба», «Песня труда», «Песня о дружбе», «Песня о Сухуми», «Песня о Рице», «Песня об озере Рица».

Да, из этих стихов некоторые не напечатаны в книге. Здесь мы не можем не отметить, что у Михаила Лакербая была привычка «вычищать» — править — свои сочинения, создавать новые варианты. Это касается не только стихов, но и его новелл, и драматических произведений. Он без конца правил и улучшал их. У Михаила Лакербая есть и стихи для детей, которые вообще нигде не были опубликованы. Писатель временами писал рассказы и пьесы для подростков, которые печатал в детском журнале «Амцабз» (1). В архиве писателя мы натолкнулись также на одно такое стихотворение, написанное в форме разговора между девочкой, мальчиком и автором.

Мечта девочки — во всем походить на первую женщину-космонавта Валентину Терешкову.

«Когда вырасту и окончу школу, я тоже научусь летать и полечу в космос, как Валентина Терешкова».

А мальчишка хочет быть авиаконструктором, хочет, чтобы космический корабль, построенный им, полетел по маршруту: Сухуми — Луна — Марс — Сухуми... Это стихотворение рассказывает нам о заветных мечтах сегодняшней детворы. Как они отличаются от детей 20—30-х годов, от тех, которые строили мельницы из лозы и соломы!

1 «Амцабз» — пламя.

133

В связи с годовщиной смерти Иуа Когониа 19 июля 1928 года в газете «Апсны капш» М. Лакербай опубликовал стихотворение «Иван Когониа», в котором выражена великая душевная боль абхазского народа.

Поэт заканчивает стихотворение, посвященное Когониа, такими строками:

Ты понимал голос моря,
Ты Пушкиным был для нас,
Но рано ты покинул нас, поспешил.
Много еще песен ты не допел.

Как образно и точно сказал М. Лакербай об Иуа Когониа:

Ты слышал и понимал, о чем говорило море (1).

Да, у Иуа Когониа был острый глаз, тонкий слух, поэт глубоко анализировал явления жизни. Именно эти качества подчеркивает М. Лакербай в приведенном стихотворении.

Я рассказал о поэтических произведениях М. Лакербая, которые он написал на протяжении своей творческой жизни, а также о его первых шагах в литературном творчестве, о начале пути. Безусловно, поэтических творений у него не так много, но и не так уж и мало, да и к тому же они разнообразны по тематике и касаются многих проблем культуры народа.

Михаил Лакербай писал стихи как бы между прочим.

Можно сказать, что он вообще не печатал свои стихи, хотя писать их никогда не прекращал. Временами он в поэтической форме откликался на заданные жизнью вопросы, но лишь на те, что касались струн его души. Любил стихами выражать свои личные переживания. И поскольку дело касается всего творческого наследия поэта, мы не имели права пройти мимо его стихов.

РАЗВЕ ЭТОГО МАЛО?

А теперь познакомимся ближе с новеллами Михаила Лакербая. Но прежде всего хочу напомнить о тех дискуссиях, которые велись по поводу абхазских новелл Михаила Лакербая после их опубликования. В первом

1 Подстрочный перевод.

134

номере журнала «Алашара» от 1970 года была опубликована статья кандидата филологических наук А. Аншба «Пути развития абхазского рассказа». Она и открыла дискуссию. В абхазской литературной жизни это было примечательным событием. Как известно, рассказ является основным жанром прозы и в литературе каждой страны характеризуется своей спецификой.

Журнал «Алашара» начал на своих страницах этот полезный разговор, чтобы проследить дальнейшие пути развития этого жанра.

Итоги дискуссии подвел профессор Ш. Инал-ипа.

«История литературы не помнит такого диспута, где были бы решены все проблемы литературы и где бы не вскрывались ее недостатки», — отмечал профессор и продолжал: — «И все же в процессе диспута на передний план было выдвинуто множество важных вопросов, но в мою задачу не входит сегодня перечислять их. Я лишь хочу коснуться, в частности, новелл Михаила Лакербая. Тут же замечу, что не собираюсь разбирать, что такое новелла и что такое рассказ. Эти вопросы хорошо разъяснены в специальных трудах по теории литературы, а также в литературных энциклопедиях.

Но не изученной пока что остается современная новелла. О ней я и хочу сказать. Мы не имеем права неуважительно относиться к нашему литературному наследию — ведь оно является выражением духовного богатства нашего народа. Мы обязаны беречь его как зеницу ока. По моему мнению, во время этой дискуссии не было отдано должное М. Лакербаю; скажу больше — литературная критика слишком строго и несправедливо отнеслась к нему».

Судя по статьям А. Аншба, С. Зухба, В. Цвинариа, А. Гогуа, Ш. Салакая, в новеллах Лакербая ни сюжетно, ни со стороны языка никаких новшеств нет. Не отличаются они, видимо, и содержанием, глубиной мысли, изяществом и совершенством формы. Например, по мнению В. Цвинариа, автор не создавал оригинальные произведения, а лишь использовал народное творчество. И ничем личным это народное творчество не обогатил.

Когда слышишь такие заключения о новеллах М. Лакербая, становится больно. Одновременно возникает вопрос: почему они вызывают споры, сомнения, почему стали основной проблемой дискуссии? Ответить

135

на этот вопрос хочу замечательной статьей кандидата филологических наук В. Агрба «Новеллы М. Лакербая и традиции народной этики».

«Нам кажется, что это не такая значительная проблема, чтобы заниматься ее литературным исследованием. Характер творчества М. Лакербая выдвигает более серьезные проблемы, которые действительно заслуживают внимания. Насколько писатель сумел в записанных им новеллах о народных традициях сохранить их колорит, а также, что он внес в них нового и куда именно, насколько в этом случае были использованы художественные особенности новеллы, какие из новелл он написал под влиянием новелл, созданных народом, минусы и плюсы последних, особенности, их эстетический уровень. Эти и другие вопросы, связанные с художественным мастерством, заслуживают внимания.

И потом, почему обязаны все жанры из пылающего огня вынимать проблему и тут же ее обрабатывать? И если это обязательно, то почему не могло случиться, что художник, используя возможность традиционной новеллы, не мог решить актуальную проблему современности?» (1).

Я разделяю концепцию автора, которого только что процитировал, в отношении новелл Лакербая. На мой взгляд, он правильно подходит к природе лакербаевских новелл. Он не много приводит примеров, но все они аргументированы. А вот участники дискуссии не смогли подкрепить свои позиции в отношении новелл М. Лакербая фактами, и разговор в этом отношении у них получился поверхностный.

Как известно, М. Лакербай никогда не говорил и не писал, что эти новеллы целиком и полностью сочинены им самим. А говорил вот что: «В эту книгу я собрал и записал услышанные мной рассказы об Аламысе» (Лакербай М. Аламыс. Сухуми, 1959, с. 6). Однако это совсем не означает, что М. Лакербай эти рассказы записал слово в слово из уст сказителей, в их первоначальном виде. А потом их творчески обработал. Иначе они не обрели бы той известности, которой сегодня пользуются.

История литературы знает подобные примеры. Не

1 Агрба В. Писатель и устное творчество. Сухуми, 1977.

136

будем далеко ходить, возьмем русского советского писателя П. Бажова. Он свои сказы-сказки создал на основе устных рассказов жителей Урала. Его самая известная книга «Малахитовая шкатулка», за которую он в 1953 году получил Государственную премию, написана на материалах народных сказаний. И не только эта книга, но и другие; и никогда ни один из русских критиков, исследовавших его творчество, не подумал поставить вопрос так: кто является автором этих книг — Бажов или народ? Они видели проделанную писателем работу и относились к ней уважительно.

Так же много и М. Лакербай работал над своими новеллами. А что он печатал их далеко не в первозданном виде, мы видим из той же статьи В. Агрба. Каждый, кто без предвзятости прочтет и станет разбирать новеллу «Гость», не может не заметить, что Лакербай ненавязчиво привнес в нее свое, придал ей форму литературно-художественную. Это касается и других новелл. О них подробнее разговор пойдет ниже.

Такой образованный писатель, как Михаил Лакербай, очень хорошо понимал, какое место в литературе занимает рассказ. Он знал историю русской и советской литературы, знал цену взлетам и падениям на творческом пути. Ученые давно определили, что различные литературные формы в один и тот же период развиваются неодинаково. Неравномерное развитие литературных форм было характерно для советской литературы 40—70-х годов.

«Своеобразные перепады в развитии жанров могут в определенной степени объясняться и тем

сильным влиянием, какое оказывают на литературный процесс крупнейшие таланты. А. П. Чехов считал своей заслугой то, что он своими рассказами «указал многим путь к толстым журналам» и заставил литературную общественность изменить свое отношение к малому прозаическому жанру» (1).

Немецкий ученый Т. Минц писал: «По своей художественной интенсивности рассказы гениальных писателей «превосходят великие творения больших объемов» («Новый мир», 1965, № 1).

Как известно, в послевоенные годы (да и до этого)

1 Огнев А. В. Русский советский рассказ 50—70-х годов. М., 1978, с. 11.

137

абхазская художественная литература была довольно бедна произведениями малых форм. И даже то, что печаталось, было очень слабым по своим литературным достоинствам. Именно в этот период начал публиковать свои новеллы М. Лакербай. И это стало значительным событием в абхазской национальной литературе. Об этом должен помнить критик, когда он начинает разбор новелл М. Лакербая. Недостойно цепляться за мелочи, заострять внимание на упущениях и недостатках писателя. И еще одно обстоятельство следует учесть при разборе новелл М. Лакербая — мы имеем в виду тот резонанс, который эти новеллы имели в литературе других народов. На сегодня эти новеллы переведены на 27 языков мира, а их автор признан одним из самых видных советских новеллистов. Я не знаю другого абхазского писателя, который бы получил такую высокую оценку за границей.

Но оставим все это и заметим, с каким восторгом встретил русский читатель новеллы Михаила Лакербая. Приведу только один пример, думается небезынтересный для тех, кого интересует этот вопрос.

После прочтения новелл Михаила Лакербая свои впечатления передает нам русский писатель и переводчик П. Слетов (17. V. 1945 года).

«Чрезвычайно лаконичные, почти не выходящие за пределы фабулы, они описывают те или другие жизненные происшествия, поступки людей, в которых сказываются достойные размышления или подражания черты характера и взглядов. Поведение человека в ответственные минуты жизни — в бою, в столкновениях с личным врагом, в отношениях с другом, женой, родственником и т. д. — составляет содержание любой из этих коротеньких историй.

В то же время мы не видим в них морализирующих сентенций, и это отличает абхазские новеллы М. Лакербая от нравоучительных притч.

Новеллы эти почерпнуты из памяти стариков, которые рассказывали о том, что лично видели или пережили. Это не легенды, не предания — перед нами восстает жизнь, какой она была 50, 60 и 70 лет тому назад, неумершие обычаи, неыветрившиеся представления. В этих новеллах есть ценность исторического документа, который может быть подтвержден живыми свидетелями. В моральной своей ценности эти жизнен-

138

ные истории являются как бы прямым завещанием от дедов к внукам, завещанием лучшего духовного имущества, каким они располагали сами.

Каждая из перечисленных новелл имеет ссылку на рассказчика, со слов которого М. Лакербай

произвел запись, на дату и место записи. Но если бы этих ссылок не было, мы из самого контекста и содержания поняли бы, что новеллы собраны в гуще народа — выдумать их нельзя, от них веет духом народного изустного сказа, вековыми обычаями, представлениями, нравами, сложившимися в результате своеобразных условий существования абхазского народа, его истории, они отобраны, наконец, народной мудростью, хранящей в памяти лишь то, что достойно любви, внимания и уважения...

Мы, русские, можем быть благодарны нашей классической литературе XIX века за то, что она открыла нам многие черты рыцарства кавказских народностей. Однако полного представления о нем мы не имеем. И, разумеется, никто лучше самих абхазских писателей не сумеет нам рассказать о благородных чертах характера абхазского народа. С этой точки зрения начинание М. Лакербая нужно всемерно приветствовать.

Тем не менее некоторые принципиальные установки подобной работы нуждаются в уточнениях. Выше было сказано о желательности большего художественного вмешательства М. Лакербая в изустный первоисточник. Для того чтобы молодой читатель абхаец, а тем более читатель другой национальности воспринял во всей полноте особенности, заложенные в новеллах, необходимо расширить их в тех местах и в тех деталях, которые целиком относятся к прошлому. Примером того, что М. Лакербай сам чувствовал необходимость некоторых разъяснений, может служить новелла «Газыри» — там разъясняется, можно сказать, смысл газырей, сохранившихся сейчас только как особенность национального костюма. Совершенно очевидно, что без этого разъяснения пропал бы самый смысл новеллы.

Разумеется, они должны вводиться с большим художественным чувством такта и меры, чтобы лаконизм и сказовая лапидарность при этом не пострадали.

Думаю, что будучи взяты в основу замысла и доведены до своего законченного жанрового выражения, новеллы М. Лакербая составят крепкое начало молодой

139

абхазской прозы. Подобные новеллы не могут не вызвать жадного интереса читателя, а перевод их, который, конечно, не замедлит появиться, — читателя всесоюзного. Они насыщены духом воинственного, смелого и благородного народа, ароматами его замечательной земли — все это, к сожалению, до сих пор известно нам весьма поверхностно».

Можно было бы дополнить наш труд высказываниями о новеллах представителей братских литератур, но, думаю, сказанного достаточно. Мы еще обратимся к мнениям и соображениям других авторов, когда ниже детально коснемся новелл М. Лакербая.

Рассказы, новеллы М. Лакербая, которые начали печатать в 40—50-е годы, абхазской прозе действительно оказали добрую услугу. Они прославили абхазскую новеллу, а что касается абхазского аламыса — совести, то о нем заговорили на 27 языках.

Разве этого мало?

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Заслуженный деятель Армянской ССР А. М. Аршаруни о новеллах М. Лакербая писал: «Я могу смело заявить, что новеллы Михаила Лакербая не только по содержанию, но и по форме изложения, по почерку можно выделить среди новелл маститых советских авторов. Это говорит о многом, и прежде всего об индивидуальности мастерства автора» (1).

В самом деле, читатель новелл, их исследователь, не может не заметить своеобразия его великолепного мастерства, широты его кругозора, философского осмысления виденного,

присутствия в новеллах подлинного национального духа и т. п.

Кандидат филологических наук В. Анкваб, исследователь новелл М. Лакербая пишет: «В мире ни один дом не закладывается без фундамента. Так и у каждого народа есть свой фундамент, который раскрывает особенности их национальной психологии. Фундаментом (субстратом) абхазской психологии служит Аламыс (Законы чести). Поэтому М. Лакербай книгу своих новелл, народных сказов и преданий назвал «Аламыс». Мы можем смело заявить, что эта книга является

1 «Алашара», 1957, № 5.

140

энциклопедией национальной психологии абхазов» (Анкваб В. Абхазские новеллы. Сухуми, 1968, с. 5).

М. Лакербай одарил интересной, большой литературной жизнью персонажей своих новелл. Разве читатели забудут когда-нибудь героизм двенадцатилетней девочки, проявленный во время Великой Отечественной войны? Она заманила вражеских разведчиков в горы, в лес, сама же убежала, сообщила о них частям Красной Армии и враги были взяты в плен. Когда удивленные солдаты спросили ее: «Как ты смогла совершить такой подвиг? Кто надоумил тебя?» — «Аламыс», — ответила девочка. Вот таким изображает автор абхазский характер.

Когда заходит разговор о новеллах М. Лакербая, нельзя не вспомнить его слова: «В этой книге я поместил слышанные мной рассказы об Аламысе».

Однако это не значит, что писатель скопировал слышанное слово в слово. Следует заметить еще одну особенность новелл М. Лакербая. По законам жанра новеллы Лакербая ограничены в пространстве, мир их действия узок. Автор старается быть лаконичным. Диалоги кратки и являются органическими компонентами сюжета.

В построении диалогов новелисту М. Лакербаю помогает драматург М. Лакербай. И у драматургии, и у новеллы есть общие законы: скупость средств выражения, яркость художественного образа, образность мышления.

В творчестве Михаила Лакербая счастливо соединились лаконизм, глубина мысли и яркая образность. Размышляя о его мастерстве в жанре новеллы, невольно вспоминаешь слова известного грузинского ученого Георгия Джигладзе, сказанные в адрес Д. И. Гулиа:

«Во всем, что Д. Гулиа написал, начиная от своеобразного романа «Камачич», видишь присутствие частицы его нетерпеливого гладиаторского духа. Фабула романа «Камачич» настолько сложная, что другой бы писатель вне всяких сомнений сделал бы из нее трилогию. Это не значит, что автор скупился на слово или что автор не в состоянии был расширить свое произведение, развить его. Этот стиль является результатом художественного принципа Д. И. Гулиа. Сюжеты, построение, последовательность явлений, персо-

141

нажей, построение сцен, предложений было предельно сжато, кратко и выразительно».

Лапидарность не чужда и творчеству М. Лакербая. А потому приведенные выше слова можно отнести и к новеллам М. Лакербая.

Новелла «Асас» («Гость») заставляет читателя глубоко задуматься. Она и во время дискуссии вызвала острые споры. Категорически выступил против нее В. Цвинария. «Где это слыхано, — сказал он, — преступника провожают молитвами, благословением и даже «благодарят» его».

Я не согласен с профессором Ш. Инал-ипа, который говорит:

«Преступник не заслуживает внимания, новелла не о нем и не о том, кого он убил. Здесь речь идет об отце. Именно он в ужасном положении, и его поступок, поведение, самообладание поразительны. Если бы он убил преступника, рассказ не состоялся бы. Такая месть обычна, и о ней бы уже давно позабыли. Народ очень хорошо понимает, что хорошо и что плохо. Поступок несчастного старика они сочли достойным и рассказывают о нем из поколения в поколение. Этот поступок не чужд и сегодняшним понятиям об аламысе, т. к. гостеприимство, терпение, выдержку мы получили в наследство — это богатое духовное наследство мы несем в себе. Кровная месть, конечно, была мощной силой, но не она, а человечность победила зло».

Разбирая новеллу «Гость», нельзя обойти высказывание критика В. Агрба. Он возражает В. Цвинария: «Главная идея новеллы М. Лакербая «Гость» — раскрытие морально-этических принципов народа, согретых истинным гуманизмом. И здесь человечность защищена человечностью. Однако автор для раскрытия этих принципов прибегнул к некоторым чисто литературным приемам. Это не трудно определить, если сравнить авторский сюжет новеллы с народным сюжетом».

«Гость» действительно прекрасная новелла. Во всяком случае, на эту тему, на абхазском языке, пока не создано ничего лучшего. И не случайно то обстоятельство, что она всегда занимала одно из первых мест в сборниках автора.

Тема кровной мести возникает в новелле «Отец», где абхазцы убивают друг друга. Привожу рассказ «Отец» в переводе С. Трегуба.

142

ОТЕЦ

Таркил Шьяаб имел единственного сына, звали его Ардашин. Почтенный был человек Шьяаб, умный, добрый и справедливый. Его уважали все. А сын выдался не в отца.

Рано лишившись матери, Ардашин был отдан на воспитание родственникам. Многочисленное и воинственное племя Таркил жило неподалеку от нынешнего Нового Афона в горном селении Таркил-Ахуца. Сын Шьяаба воспитывался здесь до двадцати лет. Он часто завещал отца, который не чаял души в сыне. Баловали его и родственники. Ардашин не знал ни в чем отказа.

А излишние ласки и любовь без меры всегда доведут до беды.

Однажды мимо дома Таркила Шьяаба, расположенного у самого моря в селе Псырцха, проезжала группа всадников-бзыбцев. Они возвращались со свадьбы, все рыли навеселе и распевали задорные песни.

Их поведение разозлило Ардашина: он усмотрел в «том непочтительность к дому своего отца. И хотя старого Таркила Шьяаба дома не было — он уехал погостить в Самурзакан, юноша до того расвирепел, что встал на дороге и приказал всадникам замолчать. Но бзыбцы не обратили на него внимания и продолжали петь. Тогда Ардашин выхватил пистолет и, не долго дмая, выстрелил в бзыбцев. Пуля, к счастью, не задела никого из всадников. Она попала в голову одного из коней, конь рухнул наземь, а разгневанный всадник ответным выстрелом убил Ардашина наповал.

Весть о гибели сына Таркила Шьяаба мгновенно облетела всю округу. Поднялись на ноги все люди из рода Таркил. Бзыбцы погнались коней, чтобы скрыться, однако их настигли, обезоружили и пригнали обратно в Псырцху. Здесь их заперли в подвал, и гонец поскакал с печальной вестью в Самурзакан.

Убийца Ардашина принадлежал к роду Цвижба, тоже многочисленному и сильному.

Все Цвижбовы, способные носить оружие, поднялись на защиту своего сородича. Верхом, вооруженные, покакали они в Псырцху.

По обеим сторонам реки расположились, как на

143

войне, друг против друга люди двух фамилий. На правом берегу — Цвижбовы, на левом — Таркилы. Вот-вот должна начаться кровавая схватка.

Но ей помешал возвратившийся Шьяаб.

Он подробно расспросил всех о происшедшем. Потом, после долгого раздумья, старик пригласил на свой двор десять представителей из рода Цвижба и столько же из рода Таркил. Когда все собрались, Шьяаб приказал развязать бзыбцев и привести их вместе с убийцей. Все с напряжением ждали, что скажет Таркил Шьяаб. И вот он заговорил.

— Мой любимый сын Ардашин сам виноват в своей гибели, — неожиданно для всех сказал старик. — Но не меньше виноваты и мы, уважаемые мои родственники. Плохо воспитали мы Ардашина. С его характером он все равно не смог бы прожить. Трудно было Цвижбовым сдержаться.

Он помолчал, потом повернулся к убийце:

— Юноша Цвижба, как зовут тебя?

— Ардашин, — проговорил тот упавшим голосом.

— Ардашин? — удивленно переспросил старый Таркил Шьяаб. — Я усыновлю тебя, Ардашин. Был у меня свой Ардашин — и будет. Хочешь ли ты заменить мне погибшего сына?

— Я сирота! — воскликнул бзыбец и бросился к старику. — Моего отца убили, когда я еще был младенцем. Я не помню его. Клянусь любить тебя, как родного отца! Любовью и уважением я искуплю свою огромную вину перед тобой.

И юноша стал целовать руки старика.

Тогда, заключив его в объятия, Таркил Шьяаб прослезился, впервые, быть может, за всю свою долгую жизнь.

Автор понимает, что так было испокон веков: абхазец не может терпеть унижения, и тот, кто проглотит оскорбление, заслуживает ненависть народа. Отказаться от мести можно только в том случае, если выяснится уважительная, объективная причина. Вот тогда можно завоевать право смело смотреть в глаза людям. «Отец» новелла воспитательного характера. Здесь мы видим абхазского крестьянина Таркила Шьяаба. Нельзя не сочувствовать ему. Удивляет его способность к глубоким суждениям.

Шьяаба усыновил убийцу, благодаря чему пре-

секлась вражда между семьями. Так поступать могут только мудрецы.

В новелле «Аргун Сейдык» хорошо показано, насколько важна проблема воспитания. В ней отображено мужество, суть аламыса. Новелла начинается так: «Это было в одну из мрачных ноябрьских ночей. Дождь лил как из кувшина...»

Не так начинается народное предание. Уже в первой фразе чувствуется индивидуальность писателя.

Так вот, однажды ночью к Джарназу пришел в гости его близкий родственник Аримаа. Оказывается возлюбленная поставила ему условие: если хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж, укради для меня коня у Арыша Хабыгуа. Она добавила: замуж выйду только за того, кого увижу гарцующим на коне Хабыгуа. Кучита за советом пришел к другу. Джарназ Эшба оставил его у себя в доме, а сам, в ту ливневую ночь, умчался добывать коня. За время отсутствия друга Кучита изменил обычаю дружбы и изнасиловал жену Джарназа.

На рассвете хозяин дома пригнал коня... и узнал о злодействе друга. Но не тронул его и пальцем. Во-первых, чтобы не оскорбить святой закон гостеприимства; и, во-вторых, потому что в поступке Кучита он увидел вину его воспитателя. И так сказал гостю: иди к нашему общему воспитателю Аргуну Сейдыку и чистосердечно расскажи ему о том, что произошло, в чем ты провинился. Так и поступил Кучита. Воспитатель не выдержал позора и сказал: «Ты ни при чем, вина моя, не смог в тебе воспитать человека...» — и выстрелил себе в висок.

И сегодня о многом говорит эта новелла. Она учит, какое это ответственное дело — воспитание человека.

Несмотря на то что новелла создана на основе известного народного предания, она является истинно литературным произведением.

Возьмем хотя бы один пример: «Вдруг раздается выстрел. Кучита едва успел поднять глаза, как бездыханное тело старика упало. Он к своему виску приставил хирим и нажал курок. Белые волосы и борода старца окрасились кровью, стекающей из виска».

Такое строение фразы не характерно для устной словесности. Это итог писательской работы.

Указанная новелла близка к поэме классика грузинской литературы Акакия Церетели «Воспитатель».

И хотя в поэме действуют совершенно иные герои, но поступки они совершают те же, да и окончания новеллы и поэмы совпадают. Основная мысль произведения грузинского поэта — ответственность воспитателя за воспитанника. Это вечно актуальная проблема. Безусловно, Акакий Церетели слышал это абхазское сказание. Он ведь так любил Абхазию, дружил с тогдашней абхазской интеллигенцией, в частности с Георгием Чачба, Давидом Чкотуа. Может быть, именно от них впервые услышал он это сказание и использовал его для создания своего гениального «Воспитателя». Из биографии поэта известно, что эту поэму он любил больше всех других своих произведений.

Михаил Лакербай не испугался сюжетного сходства своей новеллы «Аргун Сейды» и поэмы А. Церетели «Воспитатель». Не испугался, во-первых, потому, что писал прозаическое произведение, которое строится по совершенно иным, отличным от поэтических, законам,

привлекает иные образные средства и по-иному ими распоряжается.

Сюжет новеллы «Листок выдал» использован при написании поэмы «Навей и Мзауч». В поэме Мзауч теряет рассудок от любви к жене друга и убивает его. Потом он сумел завоевать сердце вдовы и жениться на ней. Но однажды ветер сообщил женщине настоящую причину гибели мужа, и она убила коварного.

Новеллы Михаила Лекарбая имеют глубокое содержание, заставляют задумываться. Автор просто, без прикрас развивает фабулу, конец которой всегда неожидан для читателя. Такой манерой характеризуются все новеллы писателя.

«Не вовремя» рассказывает о том, как исстари ценили в Абхазии героизм. Геройство, смелость — эти проявления абхазского характера в то же время и одни из основных законов Аламыса. Как бы ты ни ненавидел врага, по закону совести недостойно ударить его мечом в спину.

И в новелле «Не вовремя» дан образ рыцаря-абхазца.

Кровь между двумя пожилыми абхазцами, они смертельные враги. Смир Мачагна, убив брата Адлейба Катита, скрывается в лесу и только по ночам приходит домой. Однажды поздно ночью он встал и зажег свет. Наполнил трубку табаком. Жена вполголоса сказала:

146

«Гаси свет. Может быть, Катита затаился где-нибудь близко, если увидит, убьет тебя». Муж ответил: «Я не боюсь, потому что знаю, кто мой враг, что он за человек. Адлейба — бесстрашный, смелый человек. Он настоящим мужчиной, чтит аламыс и, пока я сижу вот так, в одном белье, не тронет меня. Подобный поступок недостойн настоящего мужчины».

И действительно, Адлейба Катита, затаившийся рядом, услышал эти слова и с грустью проговорил: «В неподобающее время встретились мы сегодня друг с другом» — и ушел. Конечно, отмщение было принято среди абхазцев, но при этом человек не должен был терять свое человеческое достоинство.

Именно этот момент и подчеркнут в новелле.

В народном сказании, как известно, начало повествования и его конец одинаковы. Добрый герой всегда выходит победителем, и это понятно. Таково желание рассказчика. Он хочет, чтобы так же было и в жизни.

Михаил Лакербай дополняет, художественно обрабатывает эти новеллы.

Возьмем хотя бы начало новеллы «Не вовремя!». «В горах, как только закатится солнце, сразу наступают сумерки, и когда опускается тьма, то даже черт ничего не различит...» В народном сказании мы не встречаем этих сравнений.

В новелле «Враги» мы становимся свидетелями, как из-за ябедничества стали врагами два побратима — Шлар Ксас и Смир Кумф. Но встретившись лицом к лицу и разобравшись в сути дела, мирятся, и дружба их становится еще крепче. В конце рассказа автор с легкой иронией рассказывает нам, какой безосновательной оказалась их вражда. Отсюда вывод: мужчины, не мельчайте, не верьте сквернословам и злоязычным.

Л. Н. Толстой писал: «Удивительна устная народная словесность». Он усердно изучал фольклор кавказских народов, который использовал при написании «Казаков» и «Хаджи-Мурата».

Фольклор кавказских народов обильно использовали многие русские писатели, создававшие

затем на его основе прозаические и поэтические произведения. Здесь уместно вспомнить и слова Горького о том, что фольклор — нескончаемый источник художественного слова.

На абхазскую устную словесность, ее этнографию раньше абхазских ученых и литераторов обратили вни-

147

мание ученые других народов. Абхазский фольклор собирали грузины, русские, иностранные ученые, писатели, путешественники... Собранный ими материал свидетельствует, насколько богата и привлекательна абхазская история, народное творчество, вообще абхазский характер. Но подобно тому, как живущие на берегу реки знают эту реку лучше приезжих, — абхазцы лучше знают психологическую глубину и достоинство, если хотите, цену своему фольклору.

Общеизвестно, что использование народного творчества не каждому писателю приносит успех. Л. Н. Толстой считал, что подбор материала требует особого дара, литературного слуха, художественного видения. Успех же приходит тогда, когда все эти качества гармонично слиты в творце.

Вышедшая в 1957 году книга принесла большую славу М. Лакербая.

Два письма, полученные мной от его друга Е. Лебедевой, говорят нам немало о жизни и творчестве Михаила Лакербая, и поэтому считаю нужным привести их здесь.

«Абхазский драматург М. А. Лакербай (наш Миша, как называли его мы, сухумские друзья) в 1919 году писал Дмитрию Гулиа, редактировавшему тогда первую абхазскую газету «Апсны», —

«Иди своей дорогой — пускай тяжел твой труд,
Не отступай,— усилия до цели доведут.
Всего себя отдай ему — неповторима честь
Себя за дело правое и жизнь ему принести».

Смотри, ты видишь, солнца лик в росе и серебре
Ведь только что забрезжил на ранней на заре,
И так же просыпается лицо твоей страны.
Должны мы быть достойными страны души — Апсны...»

Я сохранила эти стихи...

С Мишей я познакомилась в 1925 году, но это знакомство не сблизило нас. Он редко бывал в Сухуми, живя и работая в Москве.

В 1934 году я была в Москве и остановилась в гостинице «Грандотель», и, как всегда бывает вдали от родных краев, живущие в Москве абхазцы группировались возле нас, приехавших из Абхазии. Среди них и был Миша Лакербай.

Однажды он уговорил всю нашу компанию пойти

148

поужинать в какой-то небольшой ресторан на Тверской, в котором пели цыгане. Он хотел меня познакомить с цыганочкой, которая ему нравилась, но когда мы пришли туда, то узнали, что цыганочка заболела. Миша был огорчен, но наш веселый кружок не был расположен к грусти, и Миша веселился вместе с нами. Пели и плясали цыгане, было хорошо, и мы поздно разошлись

по домам.

В 1935 году Миша приехал в Сухуми, и с этого началась наша большая и многолетняя дружба.

Миша тогда работал над оперой «Изгнанники» вместе с композитором Д. Н. Шведовым. Работали они много, и Миша иногда просил меня перепечатать ему ту или иную страницу из либретто оперы.

Тяжелые для него были эти дни. Почему эта опера не пошла, я сейчас уже не помню, но он и Д. Н. Шведов вложили в нее много труда, много надежд.

Мне всегда нравилась целеустремленность Миши, он, юрист по образованию, всецело отдал себя литературе.

Он всегда был полон творческих замыслов, писал драмы, пьесы, оперы, музыкальные комедии. Он «вынашивал» свои творения и от этого казался окружающим друзьям детства, родным и знакомым невнимательным и холодным.

В пьесах его показаны абхазская деревня, жизнь колхозников, новое отношение к труду, новые люди и новые взаимоотношения в нашем социалистическом обществе. Напряженный комедийный сюжет, острые комедийные ситуации всех пьес вызывают всегда взрывы веселого смеха у зрителей.

В пьесах он показывает современные черты советской молодежи, трудолюбие, стремление к достижению цели, моральное и духовное здоровье. Богат, образен и красочен язык его пьес. В них он показывает, как труд из тяжелого бремени в прошлом становится делом, целиком увлекающим людей. Как меняются старые понятия о чести, доблести, геройстве и рождаются новые отношения между людьми. В пьесах его умело использован богатый фольклор древнего абхазского народа.

В 1938 г. я была проездом в Москве и, идя по улице Горького, увидела впереди себя идущего Мишу. Я нагнала его и взяла за руку, он обернулся и, увидев меня, так шумно и непосредственно выразил свою радость, что

149

на нас оглянулись удивленные москвичи. Довольные встречей, болтая и смеясь, мы оба чуть не попали под машину. Потом Миша показал мне метро, и мы с ним осмотрели почти все станции. Потом вышли на Красную площадь и, несмотря на сильный мороз, долго бродили по улицам столицы.

В 1939 году во Владивостоке я получила от него два письма, в которых он меня спрашивал, почему я не в Сухуми и не собираюсь ли приехать в Москву. Писал о том, что жизнь его похожа на жизнь белки в колесе — ни отдыха, ни покоя, что он много работает. Писал о том, что его новая опера «Счастье» принята к постановке в Ленинградском театре и что он работает над двумя другими пьесами.

В одном из писем он мне как-то написал: «Да, ты меня поняла. Я бываю немного сумасшедшим, когда ухожу в творческую работу свою, забываю все и всех, а этого многие не понимают и истолковывают по-разному».

Опера «Счастье»... Помню, как-то в Сухуми мы проходили с ним мимо цветочного магазина. Миша всегда любил цветы, и тогда он увлек меня в магазин, желая купить мне цветы. Я выбрала себе несколько веточек удивительного цветка: на длинном стебле, на самом его конце, в венчике из зелени, похожей на укроп, выглядывал цветок, до странности похожий на василек. Мы

спросили у продавца название цветка, и он сказал: «Женщина в зелени».

«Женщина в зелени...» — задумчиво повторил Миша, и, выйдя из магазина, я заметила, что он стал каким-то отсутствующим, и, рассеянно попрощавшись со мной, ушел от меня.

В опере «Счастье» сюжет построен на невероятной путанице между названием цветка «Девушка в зелени» (1) и героиней оперы.

В музыкальной комедии «Хаджарат», на просмотр которой меня однажды в Тбилиси пригласил Миша, — аналогичный сюжет. Там так же на забавной путанице комедийных ситуаций, вызывающих веселый громкий смех у зрителей, остро, умно и весело построена пьеса. Даже мне, не знающей грузинский язык (правда, сидев-

1 Окончательное название оперы.

150

ший рядом со мной в ложе Миша почти дословно переводил все), было весело смотреть эту комедию...

В Москве в 1940 году, идя с Мишей по ул. Горького, мы встретили девушку, знакомую нам еще по Сухуми. Она сказала Мише, что в Радиокомитете, висит объявление о прослушивании оперы «Счастье» и что она уже была где-то на просмотре и в восторге от музыки А. Баланчивадзе, а когда Миша спросил: «Вам только музыка понравилась, а либретто?» — она ответила с гримаской на лице: «Что либретто, главное музыка». Миша ничего не сказал ей больше, а мне стало обидно за своего друга, услышав такой пренебрежительный ответ. Ведь я-то знала, сколько труда, надежд, волнений и разочарований давал ему его творческий груд.

В 1941 году я жила и работала в Тбилиси, и накануне войны мы еще раз встретились с ним.

И вот, послав ему вырезку из газеты о том, что в Тбилиси должно быть прослушивание оперы «Счастье», из осажденного Севастополя я получила два взволнованных письма. В первом он писал мне: «Будь передовой советской женщиной, умей отстаивать себя в жизни», а второе письмо все было посвящено опере «Счастье». Он просил меня описать все, что говорилось на просмотре, и каково мнение Баланчивадзе и Шведова, и каково мое личное мнение. Просил еще узнать, как подвигается дело с его новой музыкальной комедией «Натэла», музыку к которой писал композито Куртиди. Писал, что при встрече расскажет, «под какой симфонией писал он мне это письмо». Больше писем не было. Севастополь был занят фашистами, а из Москвы мне ответили, «что М. Лакербай пропал без вести».

Куртиди я не могла по каким-то причинам увидеть, а с А. Баланчивадзе говорила, и он мне грустно ответил: «Что можно сказать теперь об опере, если Миши больше нет на свете».

Миша вернулся через два года. Как-то он мне рассказал, что его старший брат, спасая рукописи Миши во время бомбежки в Сухуми, зарыл их в земле в ящике. Когда откопали, то там все сгнило, а это были труды многих лет. Печальной была эта встреча.

Вскоре Миша уехал, а в 1947 г. я, придя поздно вечером домой, нашла записку Миши, в которой он писал, что жалеет, что не застал меня, и что завтра он

151

уезжает и если найдет время, то зайдет. Но я его поздно вечером на второй день встретила на

проспекте Руставели. Мы долго стояли и разговаривали, он мне выразил соболезнование по поводу недавней смерти моей матери и советовал переезжать в Абхазию, в Гудауты, и что он там скажет кое-кому, чтобы меня поддержали с устройством на работу. Летом 1947 г. я была в Гудаутах, но Миша не приехал.

Е. Г. Лебедева».

Следующее письмо тоже принадлежит ей.

«Здравствуй, Миша!

Воображаю, какое у тебя будет удивленное лицо, когда ты прочтешь мое письмо.

Я, как видишь, во Владивостоке и, наверное, уже больше отсюда не выеду. Впрочем, ведь жизнь полна неожиданностей, как ты мне писал из Севастополя.

Ваня мне писал, что ты должен был зайти ко мне в Москве, я ждала, но не дождалась. Потом Евлахов взял мой адрес для тебя, но снова безрезультатно.

Видимо, все же произошло какое-то недоразумение из-за того, что мы не только не видимся, но даже не переписываемся. Может быть, ты считаешь меня недостаточно внимательной по отношению к тебе, когда ты был в Воркуте, но мое письмо к тебе туда тоже осталось без ответа.

В общем, это все давно ушло в прошлое, и не стоит сейчас об этом говорить.

Почему я тебе сейчас пишу?

Я хочу попробовать написать свои воспоминания, и они очень интересны.

Я консультировалась с писателем Любимовым, автором «На чужбине» (мне нравится эта вещь и его язык). Мне хотелось бы, чтобы он стал соавтором, но он мне ответил, что я сама справлюсь, что у меня приятный язык и примечательные воспоминания. Потом, как ты знаешь, был в Москве Ш. Дадиани (1), с которым я еще была знакома в Тбилиси, и он мне сказал, что никакой соавтор мне не нужен, что написано все прекрасно и, внеся кое-что, по его мнению, необходимое, я справлюсь сама с этой вещью, а соавтор, как он мне по-дружески сказал, все припишет себе, и денежки тоже, а я останусь в стороне.

1 Известный грузинский драматург и писатель.

Он мне посоветовал от его имени показать рукопись Скосыреву (кажется, я не путаю эту фамилию), он работал или даже и сейчас работает в редакции «Дружба народов» при Союзе советских писателей в Москве. Я, работая под Москвой, никак не могла встретиться с ним и, уезжая из Москвы, просила одного своего бывшего сослуживца — генерала Цетлина — передать мою рукопись Скосыреву. Генерал рукопись передал ему лично, и через довольно большой промежуток времени Скосырев ему позвонил и сказал, что он в восторге от моей рукописи, и еще много хороших слов сказал ему. Но вот опять потянулись месяцы, и письменного заключения от Скосырева, как он обещал генералу, до сих пор нет. Генерал мой большой друг и очень напорист. Он звонит ему по телефону, пишет, а я по-прежнему никак не могу дожидаться этого заключения.

Я знаю, что работы над рукописью будет еще очень много, потому что она у меня написана наспех, урывками и там многое и многое надо переделать.

Шалва Дадиани просил, чтобы я и его упомянула среди других близких и интересных мне людей, что я, конечно, обязательно сделаю, но все это — вопрос времени.

Посылаю тебе несколько страничек о тебе, и если ты не возражаешь, я и тебя упомяну в своих воспоминаниях.

Мне порой тебя очень не хватает, когда я думаю об этой работе. Как бы ты мне смог помочь, разъяснить многие неясные для меня вопросы. Ведь мне, никогда не писавшей и не подготовленной к этому, так трудно работать в одиночку, без знания всех правил.

Миша, как видишь, воспоминания о тебе обрываются на нашей последней встрече, а обо всем остальном, о днях войны, плена и Воркуте я не знаю, нужно ли писать. Ты мне об этом напиши, если не будешь возражать.

Потом Скосырев говорит, что мои воспоминания мемуарного порядка. Я там пишу о Котовском, о Фадееве и о ряде других лиц, уже ушедших из жизни. Не знаю, как это получится, можно ли там же упоминать и ныне здравствующих, как ты и Ш. Дадиани? Обязательно мне об этом напиши.

Я вначале, после приезда из Москвы, очень жалела, что оставила Москву, но теперь не жалею. Дальний Восток — это целая поэма. Он так интересен, а в нем

153

столько богатого материала, что если я в дальнейшем буду работать в этом же роде, то есть если успешно пройдет моя первая проба пера, то многое можно здесь написать.

Во-первых, интересна проблема Амура, или, как его называют китайцы, «Реки Черного Дракона».

Потом интересна и прекрасна уссурийская тайга, в общем, трудно все описать, Миша. А главное, местные жители глубоко и по-настоящему любят свой край.

Я живу с сестрой и племянником, который сейчас в плавании и вернется в середине зимы. Свою московскую комнату я обменяла на местную, большую и хорошую, в центре города. Племянник должен получить квартиру, и тогда я останусь одна, и это меня очень устраивает, если я буду работать над своей рукописью.

В ноябре 1960 года я выхожу на пенсию и тогда смогу всецело принадлежать себе и работать без помех, а пока просто невозможно. На работе восемь заполненных до отказа часов, и я очень устаю, так что дома уже ничего не могу делать, только читаю.

Вот и все о себе.

Напиши, как ты живешь? Как твои успехи в литературе? Твои «Абхазские новеллы» я читала, и они мне понравились. Брала эту книгу у Чичи. У меня своей нет, так как не смогла ее достать в Москве, и если у тебя есть лишний экземпляр — пришли своему старому другу, и конечно с соответствующим посвящением. Годы так быстро уходят, что и мне и многим из нас нужно готовиться в другую дорогу.

Мне Чичи говорил, что внешне ты мало изменился, как это хорошо! А я изменилась и стала фигурой похожа на Рой. Да и внутренне я изменилась, порой сама себя не узнаю.

Пишу тебе и тороплюсь закончить письмо, чтобы сегодня отправить, поэтому получилось так

неряшливо, извини.

Возможно, это письмо тебя не застанет в Москве, и поэтому я, конечно, не буду в обиде, но если ты там, то ответь мне письмом-авиа, оно идет всего несколько дней.

Обязательно напиши мне об этих листках о тебе и внеси изменения и дополнения.

Здесь у нас есть писатель Кучерявенко, он пишет большую книгу о Фадееве. Конечно, это тема живо-

154

трепещущая и очень интересная. Я хочу встретиться с ним, но думаю, что мои воспоминания о Фадееве ему вряд ли понадобятся, так как он, наверное, будет описывать только его детство и юность, проведенные здесь.

Пиши мне по адресу: Владивосток, Китайская, № 9/11, кв. 9 — Е. Г. Лебедевой.

Напиши о Ване и о наших сухумцах, как они там все живут?

С нетерпением буду ждать от тебя ответа.

Катя.

Искренний и сердечный привет твоей супруге.

Знаешь ли ты Склепрева?

Что он из себя представляет?

10/X-1959 г.»

Новеллы М. Лакербая рассказывают нам о временах более далеких, чем период махаджирства и начала революционного движения. В этих новеллах, не слишком касающихся подробностей исторических событий, но и не оставляющих их в стороне, главный разговор — об аламысе, об истории его возникновения и развития.

Одной из таких новелл является «Кто отходит как можно дальше от дома». Сюжет произведения таков. В очень давние времена в Абхазии разразилась война. На страну напали ахчипсовцы, перейдя через Бзыбский хребет. Бзыбцы обратились за помощью к своим братьям абжуйцам: дескать, «напали, грабят, разоряют, помогите!»! Разом двинулись на подмогу абжуйцы. Все, кто мог держать в руках ружье, встали на защиту отечества и спасение своих братьев. Среди них был Шааб Ахуба. Уходя из дому, он наказал молодой красавице жене: «Жди, пока не услышишь, не убедишься, что я погиб. А когда убедишься, что я погиб, зачем же себя губить?! Выходи за другого. Только запомни мой наказ. Коли надумаешь выходить замуж... как тебе сказать... в общем... мужчина, выйдя из дома по нужде, должен отойти как можно дальше. Обязательно проследи, кто, выйдя из дому по нужде, отойдет подальше. За того и выходи замуж. Я тебе разрешаю, видит бог».

Кончилась война, прошло немало лет. Шааб не вернулся. Все поверили, что он погиб, а не стало покоя от сватов Шасиа и ее братьям. Наконец она решилась и, помня наказ, стала выбирать жениха по известному

155

признаку. Долго она выбирала, и наконец выбор пал на Шынку Шханука. Избранник ей сказал: «Если ты ждала его девять лет, подожду и я еще год». И вот, когда год этот кончился, братья справили свадьбу сестре и собирались отдать ее мужу. Но вдруг неожиданно вернулся Шааб Ахуба и забрал свою жену. А вот и мораль новеллы:

«Тот, кто идет дальше, больше думает. Вот почему Шханука сказал, что он подождет еще один год. Этот невысокий, щуплый мужчина, которого ты предпочла всем другим, стоит всех остальных, кого предлагали тебе. Бог не дал Шхануке представительной, броской внешности, но дал ему аламыс. Потому он и уходил подальше. Если бы не аламыс Шхануки, разве бы мы с тобой встретились заново!» — так ответил Шааб Ахуба своей жене на вопрос, почему, уходя на войну, он наказал: «Выходи за того, кто отойдет подальше».

В образе Шааба Ахуба автор показал человека, которому чужд эгоизм. Эгоист не мог сказать молодой жене: «Если убедишься, что я погиб, выходи замуж, найди свое счастье!» И сама Шасиа олицетворяет образ абхазской женщины, хранящей верность в любви, уважающей честь семьи.

Новелла «Два брата» также народного происхождения. На этот сюжет написаны баллада К. Агумаа «Песнь скалы» и поэма Б. Шинкуба «Тот, кто не осилил горы», пьеса Николая Микава «Бессмертие» и рассказ М. Асатиани «Абхазское сказание».

Как считают кандидаты филологических наук А. Аншба, В. Дарсалиа: «...здесь не видим абхазского народного сказания, вместо него — нечто совершенно далекое, скорее не имеющее отношения к абхазскому фольклору. Возможно, все это вымысел автора, возможно, им использовано нечто близкое из сванского фольклора, если допустить, что у сванов есть такой сюжет».

Безусловно, увидев пьесу Н. Микава или прочитав новеллу М. Асатиани, нельзя не согласиться с мнением критиков. Но хочу добавить. Писатель имеет право использовать любой сюжет при создании своего произведения, но он не вправе основную мысль народного сказания переиначивать, перекраивать на свой лад. В этом смысле к К. Агумаа, Б. Шинкуба, М. Лакербаю нет претензий; каждый из них, не искажая сюжета,

156

перенес его в свое произведение и обработал в духе жанра.

Баграт Шинкуба создал драматическую поэму «Тот, кто не осилил горы», бередящую сердце читателя, вызывающую к справедливости.

Поэма так построена, что, читая ее, неотрывно шаг за шагом прослеживаешь жизнь народа, боясь что-либо упустить. Также многое может рассказать о прошлом современнику и баллада К. Агумаа.

У каждого из этих четырех произведений свое название, по-разному они начинаются, по-разному в них разворачиваются действия.

Новелла М. Лакербая «Два брата» рассказывает о судьбе человека, который не сумел с честью выйти из сложной ситуации, спеша, не соразмерял шагов, не смог правильно оценить создавшуюся ситуацию. Кязим и его брат Шарах ушли на охоту в горы. По воле судьбы ночь настигла их в овраге. Шарах, который расположился ниже и безопасней, вдруг увидел, что Кязим в беде — срывается со скалы, и стал выискивать самые злые слова, клеветать на себя, чтобы прибавить брату сил. Кязим не верил своим ушам, неужели эти слова говорит ему родной брат? «Ты что, с ума сошел? Замолчи сейчас же, я тебе говорю!» А тот отвечал: «Я в полном

уме, и все правда, что я тебе сказал, правда». Кязим от злости сходил с ума, а Шарах, чтобы спасти его, продолжал клеветать, говорил, что любит невесту брата и т. п. Кязим не выдержал и на рассвете убил брата. А потом, когда понял в чем дело, понял, что брат все выдумал, — покончил с собой.

Главная идея новеллы такова: неразумность — враг человека. Одной физической силы недостаточно, человек и разумом должен быть силен.

Новелла «Там, где кланяется гостям Хаки» о гостеприимстве. Хака пригласил гостей, но его ранили на свадьбе в соседнем селении Джирхва, и, пока везли домой, — он скончался. Но по обычаю гостеприимства отец погибшего достойно угостил гостей. «Я вас встретил так, как встретил бы вас мой сын. Он ведь все время не спускал глаз с дороги, ожидая вас», — сказал старик и каждого из гостей расцеловал по-отечески».

Это очень сильная сцена. Невероятно, чтобы так спокойно говорил с гостями отец, в то время как рядом в комнате лежит убитый сын. Но таков абхазский

157

аламыс — свод законов дружбы, верности, любви и гостеприимства. У потерявшего единственного сына сердце разрывается от горя, но он так полон человеческого достоинства, что не изменил аламысу.

Женщину в абхазском быту всегда почитали. Правда, ее не баловали знаками открытого внимания, как это принято у народов Европы. Не зря бытует абхазская пословица: «Хорошая собака на женщину не лает». Безусловно, тяготы, переносимые абхазским народом, заметно отразились и на жизни и положении в обществе абхазской женщины. Это ее во многом связывало, преграждало пути к свободе, свету.

Но несмотря ни на что, абхазские женщины всегда принимали деятельное участие в борьбе за лучшую участь Родины. Они всегда были рядом с теми, кто ковал счастливое будущее народа. Они всегда находились рядом со своими мужьями; детей своих вдохновляли на борьбу, на подвиг; очень часто и сами брались за оружие, принимали участие в боях и в боевых конных походах. Все это нашло свое отражение в народном творчестве.

Об этом прекрасно был осведомлен М. Лакербай.

В новелле «Две двери» он хорошо высветляет мысль о том, что в доме, где хорошая жена, двери хорошо закрываются, они правильно навешены, и где бы хозяин ни находился, они приветливо распахнутся перед гостями, но не опозорят его имени. В том же доме, где жена плоха, — туго поддаются открытию двери, подводят хозяина. Потому и называется новелла Лакербая «Две двери»... Шахан, побывав в гостях у своего друга Мшагу, понял, что у того плохая жена, и, уходя, сокрушенно вздохнул: «Дом хороший, да двери неправильно подвешены». Глупая жена хозяина не поняла значения этих слов, но Мшагу понял их скрытый смысл. Когда же второй раз пришел Шахан в гости к Мшагу, то увидел, что в дом вошла милая хозяйка и двери, открываясь, будто улыбались. Это была другая жена Мшагу.

Мшагу на сей раз дома не было, но Шахан просил передать ему, что «он двери хорошо навесил». Мшагу пришлось по душе слова друга.

Иногда М. Лакербай начинает новеллу с диалога. Мастерски его используя, он делает новеллу более оживленной, увлекательной, убедительной.

158

«Наш сосед Лагустан был очень стар и очень мудр. Каждый раз когда он открывал рот, все замирали и ожидали: что еще интересного поведает нам старик?» так начинается новелла «Тот, кто умер стоя».

События, описанные в этой новелле, подтверждают еще раз, как высоко абхазцы ценят мужество, как они беззаветно любят свою родину, как без раздумий готовы за нее отдать жизнь. Эта новелла — гимн мужеству и патриотизму.

Рождаются все люди одинаково. Но умирает каждый по-своему.

Об этом рассказывает короткая новелла М. Лакербая «Отец и сын».

ОТЕЦ И СЫН

Рождаются все люди одинаково, а умирают по-разному. Никогда не спрашивают, как родился человек, а всегда спрашивают, как он умер. Поэтому нужно прожить жизнь и умереть так, чтобы близким не пришлось краснеть за тебя.

Об этом не раз напоминал детям их учитель — всеми уважаемый Царгуш Мамат.

К нему-то в горное село Куламба и отдал на воспитание Дбар Рабыдж своего единственного сына Таиба. С тех пор прошло шестнадцать лет. Таиб за это время видел своих родных только несколько раз. Но вот скоро должно было состояться его торжественное возвращение в родной дом.

Но этому не дано было свершиться!

Во время одного из разбойничьих набегов на село Куламба Таиб был смертельно ранен. Узнав о несчастье, Дбар Рабыдж отправился к сыну.

Когда Таибу сообщили о приезде отца, он собрал последние силы и встал на ноги, в знак уважения к отцу. Раны его от напряжения раскрылись, хлынула кровь, и юноша на глазах у отца скончался.

Тогда опечаленный Дбар Рабыдж сказал:

— Был бы из него настоящий человек, жаль, погиб рано.

Новелла «Еибамгеит» («Осечка») напоминает известную поэму Д. Гулиа «Револьвер Ешсоу». Для абхаза позор, если его оружие дает осечку. Адамыр увидел, что кремневка его брата Шараха дала осечку.

159

Когда они пришли домой, он протянул Шараху свое ружье и сказал: «Возьми, оно не умеет подводить, как твое, не опозорит тебя!»

Для брата — это позор. Однако он принимает дар.

В поэме Д. Гулиа мы также видим двух братьев Баталбея и Ешсоу — сыновей князя Дарыквы Маршан. Оба брата добивались руки Есмы-ханум Ачачба. Поэт дает портреты героев, описывает их характеры, как и где они живут, характеризует эпоху. Когда револьвер, из которого Ешсоу хотел убить Баталбея, дает осечку, он отступает от Есмы-ханум, и та становится женой Баталбея.

Хотя сюжет новеллы Лакербая в общем аналогичен сюжету поэмы, он получает иное наполнение. События происходят совершенно в другом месте. Когда братья спустились с гор, герой просит мать достать свою припрятанную кремневку и отдает ее брату. На этом новелла кончается. А что за этим следует дальше: женится он или не женится — автора не интересует.

Автор хотел показать ум, смелость и решительность Адамыра, его умение заглянуть в завтра, а также умение прощать.

М. Лакербая нельзя обвинить в том, что он использовал сюжет поэмы Д. Гулиа. У них совершенно различные по характеру персонажи, и раскрыты образы этих персонажей по-разному.

Говорят: «Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть». Наверное, так и есть. Узнать человека трудно. Эта проблема узнавания, проблема определения «кто есть кто» никогда не сходила с повестки дня духовной жизни общества.

И новелла «Тот, кто убил лань» как раз поднимает проблему верности, преданности.

ТОТ, КТО УБИЛ ЛАНЬ

В селе Лата жил охотник Керим Багапш. Смел был Керим и удачлив. Как-то раз убил в горах лань. Керим срезал лозу винограда, крепко связал ею ноги лани и поволок добычу домой, в долину. Долго волок Керим убитую лань и устал.

Вечер опускался на землю, а до родного селения Лата было еще далеко. «Переночую у Тамшуга Амчи, — решил Керим. — Он тут недалеко». Керим принялся

160

подыскивать место, чтобы надежно спрятать добычу. в стороне от дороги он нашел удобную яму, скрытую от людских глаз, подтащил к ней тушу, уложил ее в яму, забросал ветками и прикрыл сверху листьями. Потом легким и быстрым шагом направился к пацхе Тамшуга.

Керим входил уже во двор своего старого приятеля, когда неожиданно пришла ему в голову мысль: «Интересно, верный ли мне друг Тамшуг? Что если испытать его? Ведь друзья познаются в беде...»

Тамшуг радостно встретил Керима.

— Как ты обрадовал меня! — воскликнул он. — Заходи скорее! Ты у меня всегда желанный гость!

По Керим, не заходя в дом, едва слышно прошептал Тамшугу:

— Не гостем, мой друг, я сегодня явился к тебе. Со мной случилась беда... Я убил человека — своего недруга — и нуждаюсь теперь в твоей помощи.

— Убил человека? — ужас застыл на лице Тамшуга.

— Да. Потом расскажу тебе все. А теперь помоги мне. Убитый лежит там, у дороги. Надо закопать его тело, иначе я пропал. Так закопать, чтобы никаких следов не осталось. Нам надо спешить, пока ночь.

— Ты убил человека? — испуганно переспросил Тамшуг.

— Да, да!.. Видишь, я весь в крови. Пойдем же скорей! Захвати лопаты... Один я не справлюсь.

— Послушай! — остановил его Тамшуг. — Я, конечно, никому не скажу... Я твой друг — ты можешь на меня положиться... Все я готов сделать... Но... ведь тогда и меня...

Керим не дослушал Тамшуга, круто повернулся и ушел.

«Вот она, дружба!» — с горечью думал он.

Керим направился к дому Шаадата Ашвью. Шаадат был его сверстником; вместе ходили на охоту и оба в один год женились.

«Неужели и Шаадат поступит так же, как Тамшуг?» — пронеслось в голове у Керима.

Робко приблизился он к пацхе Шаадата. Залаяла собака, и вышел хозяин. Керим сказал Шаадату то же, что и Тамшугу, и просил помочь ему в беде.

— Плохо твое дело, — посочувствовал ему Ша-

161

адат. — Но твоя беда — и моя беда. Кого же ты убил? За что?

— Я тебе расскажу по дороге. Идем скорее! Нам надо спешить, — торопил его Керим.

— Это мы успеем, — подумав, сказал Шаадат. — Ты сначала мне все Расскажи. Почему ты скрываешь? Ты боишься, что люди узнают, кто убил? Зачем же ты хочешь, чтобы и я, как сообщник, отвечал за твое преступление?

— Значит, ты не выручишь меня?

— А ты хочешь вовлечь меня в беду? Меня, ни в чем не повинного?

— Прощай же, Шаадат! — крикнул Керим.

И снова отправился в путь.

Он обошел село. Кобчара, и соседнее — Чхалта, и родное село — Лата. Ходил от друга к другу, ко всем, кого считал близкими людьми, обращался все с той же просьбой и всюду встречал отказ.

Уже стояла глубокая ночь, когда Керим внезапно вспомнил о чем-то.

— А что, если попробовать... — тихо произнес он.

И он снова направился в Кобчары. Здесь незаметно пробрался к пацхе своего брата Дахара; уже семь лет они враждовали и старательно избегали встреч друг с другом.

Несколько лет назад пожилой угрюмый Дахар, известный своим суровым нравом, полюбил первую красавицу в Лате — девушку Хьфафу. Назначен был день свадьбы...

Случилось, однако, так, что и Керим полюбил Хьфафу.

Что же вышло? А то, что Хьфафа выбрала не угрюмого Дахара, а молодого, веселого Керима. За

несколько дней до назначенной свадьбы она бежала с Керимом в горы, и через перевал перебрались они в Черкесию. Три года жили они там, а затем возвратились и поселились в Лате.

Когда после этого братья случайно встретились в лесу, Дахар зло сказал Кериму:

— Ты опозорил меня! Братоубийцей я не стану, но никогда, слышишь, никогда не показывайся мне на глаза. И знай: отныне у меня нет брата!

Прошло семь лет... С тех пор они ни разу не сказали друг другу ни слова.

162

Близился рассвет, когда Керим тихо постучал в дверь пацхи Дахара.

— Кто здесь? — окликнул его глухой голос.

На пороге стоял Дахар. Он был одет: Дахар всегда подымился до света.

— Ты?

— Да, я... твой брат... — робко проговорил Керим.

— Нет у меня брата! — резко ответил Дахар.

— Я прошу тебя... выслушай...

— И слушать тебя не хочу! Прочь! Я спущу на тебя своих псов! Сокул! Ламура! — зычно крикнул Дахар, и два огромных пса выскочили из хлева. — Прочь, негодный, не то псы растерзают тебя, как растерзали зимой проклятого конокрада Хиба Таташа!

— У меня беда, Дахар! — воскликнул Керим и добавил со стоном: — Я убил человека...

Злорадный смешок вырвался из груди Дахара.

— Жаль, что убит он, а не ты! И теперь, презренный, ты явился ко мне сказать, что ты убийца?

— Я пришел к тебе просить о помощи... Спаси меня! — простонал Керим и рассказал Дахару то, что рассказывал в эту ночь уже столько раз. — Скорей же, Дахар, торопись! — молил он. — Я погибну, если ты не поможешь мне... Еще темно, мы успеем.

— Хорошо, что уже нет в живых нашего отца! — понизил голос Дахар. — Убийца! Ты и его убил бы своим позором. А где... убитый?

— В лесу. У подъема Чахумарра.

— Негодяй! — в сердцах крикнул Дахар, круто повернулся и вошел в пацху, но тут же показался снова; на плечи его был накинут башлык, в руке он держал остроконечную палку. — Пойдем лесом — через Шоукыта. Там ближе. Нам надо успеть.

Захватив две железные лопаты, они быстрым шагом двинулись в путь.

Светало, когда братья подошли к яме, где была спрятана убитая лань. Керим разбросал листья и ветки и указал Дахару на тушу.

— Вот, ее я убил, Дахар! — сказал он в ответ на недоуменный взгляд брата. — Не убивал я

человека. Я только хотел узнать, кто мой истинный друг!

И Керим рассказал брату, что пережил в ту долгую и тяжелую ночь.

163

— Теперь я знаю, кто мой истинный друг. Ты, Дахар!

— Прощай! — ответил Дахар. — Ты считаешь, что нашел друга. Но знай: брата ты себе не вернул!..

...«Завещание старика» — об умении хранить тайну, о том, что скупца надо остерегаться. Новелла бичует жадность, болтливость, неумение хранить тайну, сплетничество.

В дискуссии, о которой говорилось выше, были сделаны кое-кем упреки, что М. Лакербай не указывает, где и когда записано то или иное сказание. Эти упреки несправедливы. М. Лакербай не считал такие указания нужными. Ведь он собирал сказания с целью их дальнейшей переработки. Здесь обращает на себя внимание одна особенность. В рассказах писателя очень часто действующие лица — реальные личности и носят они невымышленные имена и фамилии, и по тому, как ведется повествование, видно, что события записаны с их слов.

Такова, например, новелла «Тесть и зять», где рассказчик выведен под именем Бжания Шхангерий и которая еще раз убеждает нас, что в жизни главное — справедливость, что человек не внешне, а духовно должен быть красив... Но почитаем саму новеллу.

ТЕСТЬ И ЗЯТЬ

— Был я тогда молод, — улыбаясь, начал свой рассказ любимец колхоза Шхангерий Бжания, — мне не перевалило и за шестьдесят. Это теперь мне сто сорок восемь, хоть я еще бодр и крепок. А тогда я чувствовал себя совсем молодым. В то время жил в нашем селе почтенный старик — пусть легка будет ему земля! — Барганджи Абидж. Он выдал свою дочь Саиду замуж за человека, мало ему известного, так как юноша этот приехал в наш Очамчирский район из дальнего — Бзыбского. Это теперь леса почти вырублены, и дороги проложены, и поезд ходит, и машина, а в те времена все побережье покрывал густой лес, и попасть в Бзыбскую часть Абхазии было нелегким делом.

Увезли после свадьбы дочь Абиджа Саиду, и спустя

164

год захотел старый Абидж поведать дочь и зятя. Сопровождать его собрались мы все: и я, и другие наши односельчане, друзья Абиджа, его родственники. Зять принял нас как подобает, с почестями. Пир устроил на славу, шумный и веселый. Длился он дней десять, не меньше.

В то время Абидж ближе присмотрелся к зятю, и мы заметили, что старик расстроился. Как ни старался он скрыть это от нас, не удалось. Долго думал он про себя свои думы, но в конце концов не выдержал и поделился с нами.

«Я, сказал он, — не знал раньше своего зятя Данакая Джикирбы. Теперь вижу: настоящий он ахаца, славный, храбрый, благородный и щедрый. Люди его уважают. Кроме того, он высок и статен. Что по сравнению с ним моя дочь? Без приданого вошла она к нему в дом — негде было мне взять, раз я сам небогат. А вдобавок ко всему — и это страшнее всего — она еще и хромая. Ну какая она жена для такого замечательного джигита? Жалко мне ее. Разве долго продлится ее счастье? Еще скажут, что я, старый Абидж, постарался сплавить с рук свою дочь, повыгоднее ее

пристроить. Не-ет, если б я раньше его так хорошо знал, ни за что бы не согласился. Я решил увести дочь обратно. А Данакаю передайте, что я первый буду искать ему жену, достойную его и красотой и умом. Да я и самого князя Нахарбея Чачбу буду уговаривать выдать за Данакаю свою красавицу дочь».

Как мы ни отговаривали старика, он не соглашался. К концу дня мы вынуждены были уступить и по его поручению начали разговор с зятем его, Данакаем.

Мы обставили этот разговор очень торжественно, как и подобает в таких случаях: отвели Данакаю в сторону — по нашему обычаю зятю не полагается разговаривать с тестем — и передали решение старика.

Выслушал нас Данакай, подумал немного и ответил так:

«Не заслужил я такой обиды. Разве только родному отцу жены, и к тому же почтенному старику, я готов простить нанесенное мне оскорбление, да и то в первый и последний раз. Никому на свете я не позволю говорить о недостатках моей жены. Видно, Абидж забыл, что с той минуты, как Саида переступила порог моего дома, она не только его дочь, но и хозяйка

165

этого дома — мой друг, моя жена. Внешность мало что значит, важна душа человека; она может сделать незаметным любой физический недостаток, придать красоту человеку. Моя Саида умна и сердечна — я люблю ее».

Новелла показывает нам, что для абхазца женщина — священна. Она хранительница семьи, совесть и честь ее.

Как мне известно, М. Лакербай долго и с усердием собирал абхазские устные рассказы, ставшие потом новеллами. Он эти устные рассказы оттачивал, искал для них литературную форму. Таким образом, новеллы, построенные на основе народных сказаний, перерабатывал он по своему вкусу и уже в таком, весьма измененном виде преподносил их читателю. Сложность этого малого жанра заключается в том, чтобы в короткой истории передать большое и глубокое содержание. Но такого мастера новеллы, каким был М. Лакербай, не пугала эта сложность. Сама жизнь, ее сложные лабиринты давали материал для этих высоконравственных, глубоко философских и остросюжетных новелл.

Абхазские обычаи не позволяют молодежи галдеть и болтать в присутствии старших. Невестка, например, в присутствии свекрови не имеет права говорить свободно. Сегодня эти обычаи считаются устаревшими и, видимо, справедливо. Но можно и иначе взглянуть на эти, веками вырабатывавшиеся правила. Приходит в семью невестка — приходит надежда.

Она и мать, и воспитатель будущего наследника или наследницы. И разумеется, она обязана завоевать доверие, любовь и уважение старших членов семьи. А жизнь полна сложностей, она не всегда спокойно течет, как река в долине. В тяжелые минуты могут подвести нервы, не сдержишься, сорвется лишнее слово. А обидное слово отзывается в сердце болью и не так просто забывается. Поэтому пришедшая в семью должна знать цену молчанию, со старшими не должна вступать в пререкания. Наверное потому когда-то и было сказано: держи язык за зубами. Обо всем этом — новелла «Шкуакуа».

В новеллах М. Лакербая особое место занимает дружба абхазского народа с северокавказскими народами, их братство, уважение ими друг друга. Мы знакомимся с представителями этих народов, для которых

166

также характерно бесстрашие, смелость. К тому же быт их схож с бытом абхазцев. В этом отношении интересна новелла «Мизинец». Новелла, правда, небольшая, но говорит о многом. И действительно, сегодня, как никогда, так необходимо братство народов!

Новеллы «Староста и Минази», «Кац и Хасан», «Атацаа гану» (друг невесты), «Заяц всегда спешит», «Минпт и Синат», «Остроумный Таджугу», «Обед скупого», «Был наказан из-за пения», «Старец и невестка», «Трус» учат нас, что не надо унижать достоинство личности, что сдержанность является моральным украшением человека. Что перед тем, как что-либо сказать, нужно как следует взвесить в уме это слово.

В новелле «Гарсон, пренэ!» (1) М. Лакербай знакомит читателя с очень интересным случаем из биографии Георгия Чачба в пору его жизни за границей.

ГАРСОН, ПРЕНЭ!

Двое студентов из грузинского землячества в Париже приехали в Монте-Карло, курортный городок, расположенный, как известно, на побережье Средиземного моря и славящийся своим игорным домом — казино. Один из юношей был абхазским князем — Гьяргем Чачбой.

Поздно ночью, гуляя по бульварам, они очутились перед тем самым игорным домом, который притягивает к себе со всего света любителей легкой наживы.

Они вошли в один из залов, где играли в «шмен де фер». Его роскошь поразила их. Но не меньше поразили их люди, жадной толпой сгрудившиеся вокруг круглого игорного стола. Были здесь и те, кто играли, и те, кто с азартом следили за чужой игрой; те, кто в одну ночь становились сказочно богатыми, и те, кто в одну ночь разорялись дотла.

Крупье провозгласил неслыханно большой банк. На столе возвышалась груда бумажных денег и под стеклянным колпаком гора золотых монет.

Никто из присутствующих не решался объявить ва-банк.

Гьяргь Чачба в белоснежной черкеске, плотно облежавшей его тонкий стан, и в национальных сапожках —

1 *Человек, возьмите! (фр. яз.)*

167

ноговицах на мягкой подошве, ловко лавируя, протиснулся к столу. Все с любопытством разглядывали его; по рядам пробежало кем-то сказанное: «Коказус!»

Равнодушный, казалось бы, ко всему крупье поднял глаза и с явным любопытством взглянул на кавказца.

— Угодно? — вяло, едва шевеля губами, спросил он.

Юноша переглянулся с товарищем, достал из кармана бумажку в сто долларов и бросил ее на стол.

Крупье раздал карты.

— Проиграли! — все так же вяло произнес он и собирался было присоединить ассигнацию к

банку, но банкомет звонко крикнул в сторону, указывая подбородком на лежавшую перед Гьяргем бумажку:

— Гарсон, пренэ!

Человек в ливрее кинулся к столу и схватил деньги.

Кровь ударила Гьяргу в лицо. Но он сдержался.

Игра шла по кругу. Очередь снова дошла до молодого абхазского князя.

— Угодно? — спросил крупье.

— Угодно! — быстро ответил Гьяргъ, выхватив две бумажки по сто долларов, швырнул их на стол.

— А может, не стоит? — издевательски спросил банкомет. — Пригодятся.

— Прошу карту! — резко крикнул Гьяргъ.

Крупье роздал карты.

И опять Гьяргъ проиграл.

— Не везет, коказус! — презрительно бросил банкомет и посмотрел на него в упор. — Напрасно горячитесь! Так недолго и проигратесь! — И, кивнув головой лакею, нарочито громко повторил: — Гарсон, пренэ!

Человек схватил, как и прежде, деньги и, низко кланяясь, отошел.

Гьяргъ почти не помнил себя.

— Уйдем! Хватит! — уговаривал его земляк Нико.

Неоднократно слышали юноши рассказы о чудесной фортуне. Но теперь здесь, у них на глазах, происходило то, чего они в жизни еще не видели: человек неслыханно богател. Десять раз подряд бил банкомет карты своих партнеров и, побив их в одиннадцатый раз, не рассчитывая уже на крупную игру, объявил:

— Кончаю. — Он тяжело поднялся, оглядел толпу и, словно нехотя, добавил: — Впрочем, кому угодно еще? Только условие — игра не на мелочь!

168

— Что ж! Идет не на мелочь! — запальчиво отозвался Гьяргъ.

— На сколько? — не подымая глаз, всем корпусом обернулся к нему крупье.

— Ва-банк! — азартно крикнул Гьяргъ.

— Что-о? — переспросил крупье. Он словно проснулся.

— Ва-банк, — повторил Гьяргъ. Он дрожал.

— Ваша гарантия?

Юноша небрежно положил на стол перед крупье свою визитную карточку.

— «Светлейший князь Георгий Шервашидзе», — протяжно прочитал тот.

— Пренэ, пренэ! — закричали вокруг.

Еле сдерживаемая ненависть к сегодняшнему счастливцу прорвалась в этих возгласах. Крупье роздал карты. Все замерли в ожидании.

Банкомет поспешно и уверенно бросал карты на стол.

— Восемь!

— Напрасно горячитесь, господин банкомет! — медленно и с достоинством произнес Гьяргь и положил на стол свои карты — тройку и шестерку.

— Девять! — выкрикнул кто-то с нескрываемой радостью.

— Выиграл! — Десятки рук потянулись к Гьяргу.

— Ваш! — беззвучно произнес побледневший банкомет.

— Прошу, — угодливо сказал крупье.

— Идем, Нико, — обратился Гьяргь по-грузински к своему товарищу и крикнул в сторону: — Гарсон! — Абхазец кивнул человеку в ливрее: — Гарсон, пренэ!

И оба студента покинули застывший от изумления зал.

Мы не знаем, какими источниками пользовался автор, создавая эту новеллу, но одно ясно: в основе указанной новеллы лежит устный рассказ.

Мораль: человеческое достоинство лучшее, что есть в нас, его нельзя измерить ни деньгами, ни другими ценностями. Абхазец скорее предпочтет смерть, чем совершит бесчестный поступок. Человек, потерявший человеческое достоинство, для абхазца — живой труп. Вот чем продиктованы действия Георгия.

Новелла ценна еще и тем, что показывает, как

169

должен вести себя абхазец там, за границей; кроме того, писатель знакомит нас с еще одной неизвестной страницей жизни Георгия Чачба. Не думаю, чтобы это имело отрицательное влияние на нашу молодежь, наоборот, это, возможно, внушит им, что человек свою человечность не должен разменивать на деньги.

В творчестве М. Лакербая значительное место занимает прошлое и настоящее Абхазии.

Новеллы, отражающие героизм абхазцев, защищающих родину от нападающих, делятся на две части. Первая — о достойных сынах абхазцев, живших в далеком прошлом, вторая — о советском периоде, где действуют абхазские патриоты — борцы против фашистских захватчиков.

Новелла «Кап Писа» рассказывает о борьбе против иноземных захватчиков. Кап Писа, спустившись с Куабчарской горы, возвращался домой. По дороге, у одного из горных источников, он заснул. В это время враги разоряли Ажару и Чхалту. Захватив огромное количество добычи, они проходили рядом со спящим юношей. Он присоединился к ним, стал их проводником. Но завел захватчиков в узкое ущелье, в горные теснины и, воспользовавшись обстановкой, уничтожил их и освободил пленников... Вот тогда все увидели, какой герой Кап Писа! А оставшийся в живых главарь захватчиков сложил на груди руки крестом, с благоговением подошел к нему и сказал: ты вправду достоин той славы, которая идет о тебе, ты действительно афырхаца (1).

На ту же тему написаны великолепные новеллы: «Газыри», «Арамхут», «Хыхьча» (2), чьи динамичные, острые сюжеты рассказывают о героизме тех, кто собственной грудью защитил родину. Стремление к свободе — врожденное качество абхазцев. Мысль об этом красной нитью проходит в предлагаемых вниманию читателя новеллах.

ГАЗЫРИ

В старину не знали газырей. Порох, картечь, пули, а бывало, и просто камешки носили прямо в сумках — артмаках. Ох и долго же приходилось заряжать ружье.

1 *Афырхаца — герой из героев.*

2 *Хыхьча — берегущий себя, осторожный.*

170

Сначала из артмака порох высыпали на ладонь, потом отмеривали на глаз и высыпали в дуло длинноствольного кремневого ружья. И лишь после этого заряжали его картечью или пулей. Нужна была большая ловкость, чтобы действовать быстро. Вот и придумали газыри. Газыри ведь и значит по-абхазски: «готовое». В них клали уже готовые, заранее отмеренные заряды и нашивали на черкеску узенькие, совсем одинаковые карманы — по двадцать в ряд. Только газырями редко пользовались. К ним прибегали в самых крайних случаях. Каждый сам решал в бою, пришло ли время брать заряды из газырей. Стрелять без толку считалось дурной привычкой, и совсем уж позорным — раньше времени хвататься за газыри.

Как-то раз соседи из-за перевала напали на ущелье Мрамба. Набег был совершен неожиданно, исподтишка и большими силами. Мрамбовцы не ждали нападения, однако встретили врага смело; завязался бой.

На узкой тропинке, которая вела в село Мрамба, тяжело ранили молодого абхазца Сеида. Но он, не обращая внимания на рану, засел с несколькими товарищами в скалах и, прячась за выступами, продолжал бить наседавших врагов.

Они все ближе и ближе подступали к селению. Друзья Сеида оставляли выступ за выступом. Но Сеид не покидал своего места. Истекая кровью, он продолжал стрелять. Его редкие и меткие выстрелы наносили врагу большой урон.

Неподалеку от Сеида засел за выступом Скалы Керим. Видел он, что враги подходят, а Сеид, лежа в луже крови, продолжает ловко доставать из сумки порох, отмеряет его на глаз, высыпает в дуло ружья, потом достает пулю, пристально целится и стреляет.

— Что ты делаешь? — волновался Керим. — Используй газыри!

— Не время. Успею, — спокойно ответил Сеид.

Враги просачивались из-за скал.

— Сеид! — в отчаянии крикнул Керим. Страшно ему стало за друга. — Сеид, берись за газыри! Чего ждешь?

— Зря горячишься, Керим, — ответил Сеид. — Так загубишь все дело.

— Но враги уже близко! Они прорвались. Отходи к нам, Сеид, берись за газыри!

171

Голос Керима тревожным эхом прокатился по ущелью. Казалось, родные скалы и ущелье Мрамба призывают к Сеиду: «Бери-ись за газыри-и!»

— Еще не время, — твердил Сеид. Затем, впившись глазами в одну точку, затаив дыхание, выстрелил и крикнул: — Гляди!

И Керим увидел в стане врагов их предводителя Хатхуа в белой папахе. Сраженный меткой пульей Сеида, он взмахнул руками, сорвался со скалы и полетел в пропасть.

Вопли отчаяния одних и возгласы радости других слились в общий протяжный гул.

Тогда-то раздались частые выстрелы: это Сеид заряжал ружье из газырей. Он стрелял и стрелял. С возгласом «Вперед! За мной! Хатхуа убит!» бросился герой на врага.

...Мрамбовцы возвращались домой с победой. Они высоко несли на руках раненого Сеида: шестнадцать пуль изрешетили его.

Празднично встречал благодарный народ своих защитников. Все пели песню победы и славили Сеида.

Отец Сеида взгляделся в газыри сына и, прикинув что-то в уме, спросил:

— А скажи-ка, дад, почему так мало расстреляно у тебя зарядов из газырей?

— Не было надобности, — ответил Сеид.

Тогда, всегда сдержанный и скупой на ласки, старик обнял сына и произнес:

— Ты и вправду заслужил песнь об афырхаца.

АРМАХУТ

Армахуту исполнился только год, когда его отца, Атла Кастея, захватили в плен враги. Что случилось с отцом — никто не знал. Когда мальчик подрос, он донимал мать одним и тем же вопросом:

— Где отец?

Бедная женщина, выплавав все слезы, говорила сыну, что отец погиб якобы на войне, что давно уже его нет в живых. Но до маленького Армахута дошли слухи о том, что отец жив, что он находится по ту сторону перевала, в плену. И детская душа не знала покоя...

Мальчик рос замкнутым. Тоска по отцу овладевала им все больше. Мать всячески старалась отвлечь сына от грустных мыслей и своей любовью возместить потерю отца. Но мальчик не переставал думать о своем...

Как-то раз, когда Армахуту было уже четырнадцать лет, он прибежал к матери, которая пекла чуреки, и, не дав ей опомниться, крепко сжал ее руки. Женщина вскрикнула:

— Нан, нан! Что ты делаешь? Мне больно!

Армахут еще сильнее стиснул ее руки:

— Не отпущу, пока не скажешь, где мой отец.

И тогда впервые женщина поведала сыну горькую правду о том, что его отец в плену и нет надежды когда-нибудь с ним свидеться.

Армахут давно ждал этих слов, он был к ним уже подготовлен, ведь мать только подтвердила то, о чем он не раз слышал от соседей. Но слова матери родили в нем решимость, которой до сих пор не было...

Потянулись прежние, унылые дни. Мать часто плакала, а сын убегал куда-то со своими друзьями, возился с какими-то ружьями. Женщина не обращала внимания на это, думая, что сын ее, как и все мальчики — его сверстники, увлекается обычными военными играми.

Но не детские военные игры занимали сейчас Армахута и его друзей. Они пробирались через перевалы, пропасти, скалы и разведывали дорогу к границам соседей, выбирали места для засад. В каждом из трех мест они тщательно спрятали по два ружья с газырями.

И вот однажды, ранним утром, мальчик подошел к матери и, смело глядя ей в глаза, сказал:

— Прощай, дорогая мама, я иду искать отца.

Мать пыталась его отговорить: неизвестно, где отец, жив ли, путь труден и опасен, она потеряла мужа, а теперь потеряет единственного сына... Она плакала и умоляла Армахута пожалеть ее, несчастную. Однако Армахут был непреклонен. Он успокоил как мог мать, попрощался с ней и ушел твердым и тяжелым шагом взрослого человека, знающего, что он делает.

...Путь лежал через Дальское ущелье и Клухорский перевал.

Мальчик шел по незнакомым местам, из аула в аул. Всюду он прикидывался ищущим работы батраком и тайком выпрашивал, где работают пленные абхазы.

Порой ему удавалось встретиться с ними. Но он долго не мог напасть на след отца.

Наконец один пленный абхаз из села Аймара — его родного села — посоветовал пойти в соседний аул: там он встречал какого-то земляка. И Армахут направился туда.

И вот в богатом поместье князя мальчик увидел седого старика-слугу. Сердце Армахута подсказало, что это — его отец. Они поговорили, открылись друг другу. Сын стал упрашивать отца бежать из плена. Атла Кастей долго не соглашался: разве это мыслимо? Их обоих поймают и убьют. Но в конце концов Армахут убедил отца.

...Когда слуги князя обнаружили побег, Атла Кастей и Армахут уже были в горах. Их настигли и открыли по ним стрельбу. Но каково было удивление преследователей, когда раздались ответные выстрелы. Стреляли в самых неожиданных местах, там, где дороги переходили в козы тропы, где они скрещивались. Беглецы стреляли метко, и у них оказалось много готовых зарядов газырей. Откуда? У них ведь и ружей не было!

Погоня отстала, и так Атла Кастей и Армахут благополучно добрались до родного села.

Можно ли передать счастье женщины, когда она, почти обезумевшая от горя, увидела вдруг невредимыми сына и мужа?!

Все жители Аймара праздновали их возвращение. До сих пор в народе живет песня о подвиге четырнадцатилетнего Армахута — сына Атла Кастей.

ХЫХЬЧА

Эту историю рассказал мне бывший знаменосец Абхазской кавалерийской сотни в первой империалистической войне 1914—1917 годов, георгиевский кавалер Абашь Шваабан, из абхазских негров.

— Сотня наша славилась бесстрашием, — вспоминал он. — Тем большее недоумение вызывал всадник Мрамба Кобзач, который сам о себе говорил: «Я осторожный человек. Зачем зря подставлять себя под пули? Я — хыхьча».

Все это знали и, конечно, посмеивались над ним, называя его не по фамилии, а просто — Хыхьча. Прозвище это прочно закрепилось за ним.

174

Но вот Хыхьча всех удивил и перестал быть Хыхьчей.

Случилось это так.

Нужно было немедленно доставить секретный пакет в штаб полка. А путь опасный — местность обстреливались противником. Кто пойдет? Кто добровольно решится?

Мы бы скорее поверили в светопреставление, чем и то, что за это опасное дело возьмется наш Хыхьча.

— Я пойду! — сказал он.

Командир недоверчиво посмотрел на Хыхьчу.

— Всадник... Мрамба, — он с затруднением назвал эту фамилию. — Ты хорошо подумал? Дорога ведь опасная, а ты слишком осторожен.

Хыхьча настаивал на своем:

— Прошу послать меня!

Тогда командир вручил ему пакет, и Хыхьча отправился выполнять боевое задание.

Все мы с волнением следили за ним. Хыхьча бежал, чуть согнувшись. Вокруг свистели пули. Он как бы не замечал их. Командир кричал ему вслед: «Спустишь в окопы! В окопы!» Но он начал

бежать по насыпи, показывая всем, какой он храбрый.

Так Хыхьча благополучно доставил в штаб пакет и невредимым вернулся к нам.

Никто не мог понять: что же с ним произошло? Чем объяснить такую перемену?

— Не иначе как у тебя завелся талисман, — шутили товарищи.

Все от души поздравляли его и даже перестали называть Хыхьчей.

Но смерть, пощадившая его однажды, не пощадила в другой раз. Выполняя новое боевое задание, Мрамба Кобзач погиб.

Командир раздал друзьям убитого на память его личные вещи. Одному из них досталась сумка. В ней лежал аккуратно исписанный обрывок тонкой бумаги.

Письмо от девушки. Оно было двухмесячной давности...

«Дорогой мой, мне стыдно за тебя, — писала она. — В госпитале я встретила раненого Кезыма Абухба, который хорошо тебя знает. Он сказал, что тебя называют не по фамилии, а по кличке Хыхьча, так как сам ты, будучи очень осторожным, советуешь другим быть такими же. Он сказал, что все другие конники смелые

175

и храбрые, а ты отсиживаешься за их спинами. Мне было очень обидно слышать такое. Что с тобой? Неужели ты и в самом деле трус? Прошу тебя, во имя нашей будущей жизни, я ведь жду тебя и буду всегда ждать, перебори свой страх. Пусть забудут кличку Хыхьча, как будто никогда ее и не было. А то, чего доброго, высмеет тебя Жан Ачба (1). Лучше смерть. А сейчас он славит в новой песне таких ваших афырхаца, как Василий Лакоба, Ванача, Коция Лакроба...»

На этом письмо обрывалось.

Нас не интересовало его продолжение. Все понятно. От души жаль было Мрамба Кобзача, нашего Хыхьчу, который погиб как афырхаца. Хотелось, чтобы девушка знала об этом и гордилась им.

* * *

XIX век принес новую трагедию абхазскому народу — махаджирство (насильственное переселение в Турцию). Лучшие писатели Абхазии посвятили этой теме многие замечательные произведения. В труде члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР Г. А. Дзидзария «Махаджирство и исторические проблемы Абхазии XIX века» разбираются корни этой национальной беды. Книга Г. А. Дзидзария отвечает на многие злободневные вопросы тех времен.

Михаил Лакербай был одним из тех писателей, которых волновало все, связанное с махаджирством. Историю своего народа этого периода до глубины души переживал он. На эту тему писатель создал много волнующих сочинений, под новым углом зрения освещающих те давние события.

Новелла «Горе» рассказывает о том, какие страшные тяготы, какие духовные страдания принесло абхазскому народу махаджирство. Не из праздного любопытства бросили абхазцы свою отчизну; не склонность к кочевому образу жизни гнала их на чужбину. Хотя, может быть, в некоторых случаях и это имело значение. Махаджирство явилось для абхазцев настоящим

1 Жан Ачба — популярнейший в абхазском народе певец-импровизатор.

176

голод, нужда вынуждали крестьянство становиться на путь бегства в Турцию.

Вот строки, выражающие позицию автора, авторское объяснение махаджирства: «Пришедший в отчаяние абхазский народ вынужден был оставить свою родину!»

Новелла «Горе» рассказывает душераздирающую историю. Случилось так, что там, на чужбине, по недоразумению мать стала любовницей своего сына. Когда женщина узнала об этом, она ножом перерезала себе горло, Сын тоже покончил с собой. Этим же ножом. Женщина каким-то чудом осталась жива, но что может быть горше такой позорной жизни!.. Это произошло в далекой Турции, в Трапезунде.

Человек может многое вынести. Нужна только воля, мобилизация внутренних сил, чтобы выдержать горе. «Как видите, я жива, — продолжает мать. — Осталась грешной, одинокой, под этим чужим небом. Сами поймете, какой огонь бушует в сердце. Мое горе в тысячу раз тяжелее и невыносимее ваших мучений, но все же я существую».

В рассказе «Папоротник» автор описывает жизнь махаджиров. Как не хотел покидать Родину Адзын Донакай, как мужественно сопротивлялся он насильникам! В рассказе разоблачен изменник Озбак, и не только он.

И прав М. Лакербай, говоря, что «в непогоду, в дождь оживают черви. Так и махаджирство выявило людей подлых, способных на преступление и предательство; людей, которых сманили, соблазнили, сагитировали сняться с родных мест, присвоив их добро, их земли».

Из этого рассказа видно, что не все жители Дала хотели ехать на чужбину, что многие старались удержаться на родной земле. Но те, кто не слушался уговоров таких людей, как Адзын Донакай, стремящихся удержать соотечественников, вот те и попали в Турцию. Да и там тоже продолжались споры между сторонниками возвращения на родину и теми, кто хотел остаться в Турции. Однажды выходцы из Дала получили из Апсны сундучок. Там оказались косынки. Открывшие сундук поняли, что это означало. Косынки носят только женщины! Это означало, что дальцы оказались недостойными звания мужчин. Еще большим ударом для дальцев были ветки папоротника, которые также были

177

в сундучке. В рассказе очень трогательно описана картина, как люди обливаются слезами, притрагиваясь к сухим веткам папоротника из родной Апсны.

«Папоротник, который там, в Абхазии, во время вспашки или прополки с корнем вырывали, как сорняк, сейчас им напомнил запахи родной земли, и этот запах, исходящий от папоротника, казался тоньше запаха цветов. Эта посылка придала изгнанникам силы, возродила потерянную надежду о возвращении на родину».

Дальские махаджиры после получения посылки-сундучка сказали: «Умереть, так лучше на родной земле! Вернемся, братья! Поплывем к родным берегам, постоим за себя, будем бороться!.. Если убьют, по крайней мере, наши кости хоть будут погребены на родной земле».

Эти слова, полные пафоса борьбы, словно колокольный звон, летели над чужой землей, будили

махаджиров...

Новелла «Эсма-ханум» повествует о бедствиях, которые приходилось переносить на чужбине. О тех, кто и на чужбине отстаивал свои права и вследствие этого пользовался доверием и уважением земляков. Такими были махаджир по имени Нури и его сестра Эсма. В новелле мы встречаем также кое-кого из турецких пашей и визирей, сочувственно относящихся к махаджирам. Как, например, визирь — муж Эсмы. Когда турецкие офицеры Шукри и Осман решили убить Нури — им это не удалось. Потому, что проявила бесстрашие и решительность Эсма, а также благодаря благосклонности, проявленной со стороны ее мужа — турецкого визиря. Таким образом были спасены не только Эсма и Нури, но и остальные дальцы.

Описанный случай имел место в жизни. Как известно, знатные турки мечтали ввести в свой гарем абхазок, которые славились женственностью, скромностью, строгостью. Но гарем был величайшим несчастьем для девушек. Кое-кому из абхазских девушек выпало счастье (если можно быть счастливой на чужбине) попасть в хорошие руки. Бывало, что перед красотой абхазских девушек не могли устоять и турецкие паши. Жены-абхазки влиятельных турков всячески старались облегчить участь соотечественников в Турции. Об этом свидетельствуют многие страницы истории махаджирства.

178

В новелле «Эсма-ханум» автор как раз решил рассказать об этом, описать объективно такие случаи. Нельзя категорически утверждать, что все турки, без исключения, враждебно относились к абхазцам. В любом народе всегда найдутся сторонники правды, люди, оказывающие помощь пострадавшим...

Рассказ «Первая книга» повествует, какую роль сыграла первая абхазская книга в пробуждении национального самосознания абхазского народа. Это рассказ-быль. Свидетелем описываемого события автор выдвигает знаменитого абхазского старца Шхангерий Бжаниа, которому перевалило за сто лет.

ПЕРВАЯ КНИГА

«...Могуча власть слов, стоящих там, где надо...»

Буало

Эту историю рассказал мне мой соотечественник и старый друг стосорокасемилетний абхаз Шхангерий Бжаниа.

Я не оговорился — ему действительно было сто сорок семь лет, а может быть, и больше, во всяком случае не меньше. Но и в этом возрасте он сохранил здоровье, которому я однажды даже позавидовал.

Мы поднимались с ним на четвертый этаж сухумской гостиницы «Абхазия», ко мне в номер. На третьем пролете я почувствовал сильное сердцебиение и остановился, чтобы отдышаться. Старик с увлечением продолжал говорить как всегда о чем-то занимательном. Не прерывая разговора, он опередил меня на несколько ступенек, оглянулся и, бросив взгляд на мое, очевидно, побледневшее лицо, спросил не без тревоги:

— Что с тобой? Ты ушиб ногу?

— Нет, нет, — ответил я, проводя ладонью по груди. — Сердце.

По его удивленному лицу я заключил, что он не понял меня. Ему, видно, за всю свою долгую жизнь никогда не приходилось задумываться над тем, где у него находится сердце...

Когда мы вошли в номер, старик, по моему приглашению, опустился в кресло и, увидев на письменном

179

столе грудку небрежно разбросанных книг, принялся их рассматривать.

— У тебя есть книги, написанные на нашем, абхазском языке? — спросил он с живым интересом.

— Ну конечно же, — ответил я и разложил перед ним несколько книг абхазских писателей.

— Это очень хорошо! — одобрил он. Потом задумался и снова спросил: — Быть может, у тебя есть и первая абхазская книга? Та, которая была напечатана раньше всех других?

Я понял, о какой книге он спрашивает, и улыбнулся:

— Нет, дорогой Шхангерий, той редкостной книги у меня нет, мне даже никогда не пришлось и видеть ее.

— А я видел! — торжествуя произнес старик и протянул мне свои морщинистые руки. — И эти пальцы даже перелистывали ее!..

Я заволновался.

— Когда же это было, Шхангерий? Где? Расскажи!

Тогда-то в рассказе Шхангерия Бжания ожил эпизод из прошлого нашего маленького, многострадального народа. Он невольно напомнил мне древнюю легенду о том, как некое государство, проигрывая войну, обратилось за помощью к соседнему дружественному государству. В ответ на эту просьбу вместо войск или хотя бы оружия соседи прислали на выручку какого-то хилого, невзрачного старичка. Посланца встретили недружелюбно, усмотрев в его появлении насмешку со стороны соседей. Но старичок не подал виду, что заметил это, и сразу же стал читать перед терпящим поражение войском стихи. Изумительные по яркости и силе убеждения, они влили в сердца слушателей чувство высокого патриотизма и волю к победе, и, вдохновленные волшебными стихами, отступавшие войска обрели смелость и отвагу, смяли и разбили вражеские полчища.

Легенда эта не имела прямого отношения к рассказу Шхангерия, но, когда он замолк, она вспомнилась мне, быть может, именно потому, что поведано в ней о могуществе слова...

— Когда это было? — задумчиво повторил Шхангерий мой вопрос и, полузакрыв глаза, помолчал минуту, другую... — Думается мне, с тех пор прошло не меньше ста лет... — И, снова помолчав, продолжал: — Ты учился и, конечно, знаешь из книг о тех временах, когда

180

наши князья обрекли свой народ на изгнание. Вот когда это было.

— Ты говоришь о махаджирах? — спросил я.

— Да... — Скорбь омрачила его лицо. — В числе махаджиров и я был обречен на изгнание в Турцию. И от этой беды нас спасла как раз та книга, о которой я спросил у тебя. Первая наша абхазская книга!.. Ведь к жизни часто бывает, когда неожиданный случай может изменить ход

событий, твою судьбу...

С первых слов Шхангерия передо мной встали картины того страшного времени.

...Когда после трехсотлетнего владычества турки наконец были вынуждены оставить Абхазию, местные князья, сами и через подставных лиц, стали распространять лживые, нелепые слухи о том, будто порядки и законы русских еще ужаснее, чем турецкие, и убеждали абхазов переселиться в Турцию. Князьям это было нужно для того, чтобы нажиться на продаже крестьянских земель.

Но народ не желал оставлять родину добровольно и сопротивлялся желанию князей, как только мог. Провоцируя «народные бунты», князья создавали банды наемников и, с одобрения царских властей, устраивали набеги на мирное население, разоряли его, поджигали дома, опустошали целые селения, вынуждая крестьян покидать родные места. Так оголилась Гагра, Гумиста, Дал, в запустение пришла вся местность вдоль Военно- Сухумской дороги до самого Кавказского хребта. Махаджиры на турецких кораблях уплывали за море и гибли на чужбине...

Абхазский народ перенес тогда тяжелые испытания. Я навсегда запомнил встречу со старым Шхангерием Бжаниа. Вот его рассказ, рассказ очевидца и участника событий 60—80-х годов прошлого века, оставивших неизгладимые раны в сердце нашего народа. На этом материале я написал рассказ «Первая книга».

...Была сырая, промозглая осень. Пятый день беспрестанно моросил дождь. Казалось, сама природа плачет, расставаясь с изгнанниками.

В этот день настал черед абжуйцев — жителей южной Абхазии. На отлогом морском берегу, у устья горной речки Меркулы, высоко над дубом реяло пурпур-

181

ное полотнище с золотым полумесяцем и кистями. Здесь было место сбора выселяющихся в Турцию крестьян. И люди сюда стекались отовсюду.

Вдали горели крестьянские пацхи. По непролазной грязи к морю двигались арбы с жалким скарбом, запряженные волами и буйволами.

А на качающихся неподалеку от берега фелюгах и баржах ветер надувал паруса и трепал одежду уже погрузившихся людей. Над суденышками вились стайки белокрылых чаек, и их несмолкаемые хриплые крики словно предупреждали махаджиров о предстоящих бедствиях...

Мутные от дождей воды Меркулы широко разлились. Людям стоило больших усилий перейти ее вброд и выбраться на поляну. Сотни людей скучились здесь. Многие были в лохмотьях, сквозь которые просвечивали исхудалые тела... С тоской вглядывались они в море, думая об одном: «Что нас ждет там, на чужбине?»

На поляне стояла зловещая тишина, прерываемая шумом набегавших морских волн и скрипом уключин в лодках перевозчиков.

— Великое горе всегда безмолвствует, дада, — сделал небольшое отступление Шхангерий. — Оно не разражается слезами, ложась на сердце тяжелым грузом... — И продолжал: — Мой приятель Хиб Шоудыд из села Гуп, человек доверчивый и неутомимый, стал утешать горемык. «Крепитесь, люди! Соберите мужество и силы! — увещевал он. — Взгляните на эти фелюги! Их прислал нам сам падишах. Наш славный князь Алыбей ездил к нему в Турцию, просил

приютить нас, и падишах обещал нам покой и мирный труд на своих землях. С Алыбеем был и Маф. Послушайте, что он говорит о махаджирах-гумистинцах!»

И, в самом деле, перед нами объявился Маф. Мы тогда не догадывались, что он давно продан хитроумному и коварному князю Алыбею.

«Хиб Шоудыд сказал вам правду, братья, — подтвердил Маф. — Клянусь вам, что гумистинцы живут на турецких землях, как в раю! Падишах принял их как братьев».

Только произнес Маф эти слова, как в круг вошел князь Алыбей, окруженный своими людьми.

«Чего вы ждете? — строго обратился он к толпе. — Хотите, чтобы фелюги падишаха уплыли без вас?»

182

Хиб Шоудыд сделал к Алыбею решительный шаг.

«Выслушай нас, Алыбей, — начал он, глядя ему прямо в глаза. — Ты видишь, как все мы измучены. Лучшие сыны Апсны сложили свои головы в неравной борьбе. Селения наши сожгли дотла и гонят нас из родной страны. И кто делает все это? Наши же князья! Хотя и сам ты — князь, но тебя вскормили и воспитали мы, и ты не должен забывать об этом. Мы хотим верить тебе. Так ответь же по аламысу: правда ли, что падишах зовет нас к себе как братьев-мусульман? И можно ли ему верить? Что ждет нас вдалеке от родной Апсны?»

Вновь воцарилась тяжелая, тревожная тишина.

Негромко и вкрадчиво зазвучал голос Алыбея.

«Мои родные, несчастные сородичи! — заговорил он. — Если бы только вы могли понять, как тяжело мне видеть вашу скорбь, слезы ваших жен, матерей, детей!.. Я не могу больше так жить! Я предвижу, что скоро высохшие от горя и нищеты груди матерей не смогут больше давать детям молока. Поймите, я хорошо знаю урусов, их отношение к нам, абхамам, их законы. Вы все погибнете здесь! А там, на берегах Турции, под покровительством великого падишаха, вы найдете новую родину! Я хочу вам только счастья. Спешите же, пока не поздно! Ни одного дня больше вы не должны оставаться здесь. Ведь и я буду там вместе с вами. Порукой в этом мое княжеское слово!»

Хиб Шоудыд обернулся и прочел в глазах людей, что их сомнения начали рассеиваться...

«Мы верим тебе, Алыбей», — сказал он, стал собирать пожитки и звать за собой своих родных.

Зашевелились и остальные, следуя его примеру. Но вдруг откуда-то издали раздался зычный голос:

«Остановитесь, люди! Куда вы? На позорное скитание в Турцию? К чужеземцам? Давно их не видели? Соскучились? Хотите оставить Апсны на произвол судьбы?»

Все повернули головы в сторону возвышавшегося на краю поляны бугорка и увидели там Тейба. Крестьяне знали его: Тейб был одним из тех, кто смело обличал князей и не раз обращал в бегство их наемников.

Голос Тейба зазвучал еще сильнее: «Не надейтесь найти мирного приюта на чужбине! И помните: нет для вас земли и неба прекраснее, чем земля и небо Апсны! Алыбей обманывает вас. Он — не белая ворона среди

черных, а такой же князь, как и другие, и он погубит вас!»

«Не то говоришь, Тейб! — взвизгнул Маф. — Пойми, оставаться здесь бессмысленно! Иди и ты с нами! Знай, иначе тебе несдобровать...»

«Кто не боится смерти, тому не страшны угрозы», — ответил Тейб.

Люди снова замерли в нерешительности. Кто же прав? Тейб или Маф с Алыбеем? Обманщик или избавитель князь Алыбей?

«Май! Адгур! Дамей! — вдруг позвал своих подручных князь. — Где моя старая мать? Где мои дети? Приведите их сюда!»

И когда князя обступила его семья во главе с седой княгиней, князь взял на руки детей и поднял их высоко над головой.

«Вы не верите мне? — воскликнул он. — Так пусть же моя мать и дети мои первыми укажут вам путь на новую родину!»

И он передал детей своим людям, а те на глазах у всех понесли их к лодкам. Туда же, опираясь на палку, направилась и старая княгиня.

Этот неожиданный поступок князя сломил колебания махаджиров, и они снова стали собирать свои пожитки.

Но когда люди подошли к морю, внезапно над толпой прозвучал пронзительный детский голосок, услышанный всеми:

«Не пойду! Пусти меня! Не хочу я! Не пойду!»

И все увидели мальчугана лет одиннадцати-двенадцати с котомкой за плечами. Его изо всех сил тянул за собой дряхлый старик, а мальчик, отчаянно упираясь, продолжал вопить: «Пусти! Не хочу я к туркам!»

«Почему не хочешь? — быстро приблизившись к мальчику, спросил Хиб Шоудыд и обратился к старику: — Это твой внук?»

«Нет, — сказал старик. — Этого непослушного мальчишку поручил моим заботам его отец перед тем, как умер. Совесть не позволяет мне оставить его здесь, а он ни за что не хочет плыть со мной в Турцию».

«А как звали его отца?»

«Арыш Камлат из села Ткварчал».

«Почему ты не хочешь ехать туда, куда все едут, мальчик?» — спросил Хиб Шоудыд.

«Не поеду! — упрямо ответил тот. — Я хочу учиться в школе урусов».

«Ты помешался, не иначе, — набросился на него старый опекун. — Ведь твою школу сожгли.

Где же ты будешь учиться?»

«В Сухуми! — ответил мальчик. — Мне сказали, что урусы открыли там новую большую школу».

«Весь мир перевернулся вверх дном, наступил конец мира, а он хочет учиться! — рассмеялся старик злым отрывистым смехом. — Это совсем как в пословице: «Войска воевали, а Азамат землю пахал...»

«Пусть он пахал, — хмуро уставившись в землю, пробурчал мальчик. — А я буду учиться!..»

«В гроб меня вгонит этот несносный мальчишка! — вскричал старик и схватил маленького упрямца за плечи. — В последний раз говорю тебе, Шарах: на фелюгу! Без разговоров!»

«Не дам! Не трогай!» — Шарах отчаянно вцепился в свою котомку.

К спорящим приблизились Шоудыд и Тейб.

«Перестань, малыш, — ласково сказал Тейб. — Ну кому нужно твое добро? Подумаешь, богатство!»

«Хо! Богатство! — усмехнулся старик. — Одна чоха в прорехах, дырявые чусты да книга!»

«Книга? — переспросил Шоудыд. — Зачем она ему?»

«А ты у него спроси! Этот упрямец только тем и занят, что от восхода и до захода солнца, уткнувшись и книгу, бормочет разные слова».

«На языке урусов?» — живо спросил Тейб.

«Да нет же, на нашем, абхазском...»

«На абхазском? — удивился Шоудыд. — Разве есть на свете книга на нашем языке?»

«Есть. Она у него здесь, в котомке».

Тейб заволновался: «Что же ты молчишь, Шарах? Покажи нам эту книгу!»

Мальчик исподлобья недоверчиво взглянул на Шоудыда, но не издал ни звука.

«Послушай, дружок, — сказал Тейб, все более волнуясь. — Ручаюсь своим словом, никто не посмеет отнять у тебя твое сокровище. И разве ты не слышал? Я тоже не хочу в Турцию. Поверь, я, как и ты, не прочь учиться и сам с радостью пошел бы в школу урусов. Дай нам поглядеть на твою книгу!»

Почувствовав, что слова Тейба идут от сердца, мальчик стал развязывать котомку. Стопившиеся вокруг них люди с интересом наблюдали, как Шарах,

185

вынув книгу, протянул ее Тейбу. Это была небольшая книжка с красивым рисунком на переплете.

Тейб осторожно взял ее, осмотрел с обеих сторон, раскрыл, бережно полистал, закрыл и снова открыл.

«Дай и мне посмотреть, Тейб!» — воскликнул Шоудыд, и книга перешла к нему в руки.

...Шхангерий Бжаниа прервал свой рассказ и с минуту пристально смотрел в пространство, словно вглядываясь в далекое прошлое.

— И вот тогда-то, — произнес наконец, — эта первая абхазская книга побывала и в моих руках.

И с увлечением продолжал:

— Никогда, никогда мне не забыть этого! Сам посуди: я был тогда моложе, чем ты сейчас, и о многом хотел узнать, многое понять... Тебе-то хорошо, ты родился в другое время и уже в молодые годы смог стать ученым. А мы тогда жили в потемках и тянулись к свету, как рыбаки в ненастную ночь к огням маяка. Но его закрывали от нас наши хозяева-князья. На нашей земле жили и турки, и персы, и греки, и армяне, и грузины, и урусы. Некоторые из них умели писать на своем родном языке и читать свои книги. А у нас не было ни письма, ни книг, ни единого грамотного человека. Подумай об этом, и ты лучше поймешь волнение несчастных махаджиров, когда они увидели первую книгу на их родном языке. Они все теснее обступали Шараха, толпа прибывала, и отовсюду слышались просьбы показать книгу, дать хотя бы прикоснуться к ней. Она переходила из рук в руки, а Тейб и Шоудыд, обращаясь к каждому, кто брал ее, предостерегали:

«Только осторожней, друзья!...»

«Не помните ни одного листочка!...»

«Не запачкайте!...»

«Не уроните!...»

Из толпы раздался возглас: «Красивая книга! Хорошо бы узнать, что в ней написано!»

«И мы хотим узнать! И мы! — закричали другие. — Что рассказано в этой книге?»

Тейб обратился к Шараху: «Ты можешь прочесть нам хоть несколько слов?»

«Могу!» — задорно ответил мальчик.

«Прочитай, дада!»

«Да, да! Хоть несколько слов!»

Мальчик приосанился. Гордясь тем, что приобрел

186

значение в глазах взрослых мужчин и стариков, он с важностью повторил: «Могу! Всю книгу могу прочесть! Дайте ее мне!»

Гул одобрения пронесся в толпе. Еще бы! Никто из этих людей, окружавших мальчугана, не умел ни читать, ни писать. И только он один среди них был грамотным, только он — Шарах, — сын убитого Арыша Камлата.

«Верните ему книгу!» — крикнул кто-то.

«Он прочтет нам напечатанные слова!»

«На нашем языке!»

И книга на ладонях людей поплыла к нему обратно.

Шоудыд подхватил мальчика и поставил на пень, чтобы он был виден всем.

«Ап-суа ан-бан — абхазский букварь...» — громко и к вяtno вначале прочел по слогам Шарах.

«Дальше, дальше читай!» — слышались голоса.

«Раскрой книгу и читай дальше!»

И Шарах, листая букварь, прочел, букву за буквой, всю абхазскую азбуку, а затем перешел к словам. Его слушали в напряженной тишине; давно знакомые, родные слова сейчас зазвучали по-новому, словно завораживая людей.

Когда он остановился, какой-то старик взволнованно воскликнул:

«Правду говорят: «Чего только не увидели бы на на земле люди, если б не умирали...» — И, протиснувшись сквозь толпу к мальчику, спросил: Кто написал эту книгу? Ты знаешь, дад?»

«Знаю, — сказал мальчик. — Один урус. Он генерал».

«Урус? Генерал?» — удивился Шоудыд.

«Сказки рассказываешь, дад!» — недоверчиво крикнул пожилой крестьянин.

«Не сказки! — загорячился мальчик. — Я сам видел этого генерала!»

«Ты? Своими глазами?»

«Да, да!»

«Где?»

«В окумской школе — до того, как ее сожгли... Он стоял так близко от меня, что я мог бы дотронуться до его золотых пуговиц!»

«Генерал? Урус?..»

«Говорю вам — урус! — И мальчик, боясь, что снова перебыют, затараторил скороговоркой: — Он долго

187

разговаривал с нами на нашем языке, как самый настоящий абхаз, он все знает, он воевал с турками, чтобы прогнать их с нашей земли и построить для детей школы. Вот он какой!»

«Подумать только, урус! — восклицали изумленные люди. — Значит, он настоящий афырхаца. Удивительно!»

Здесь Шхангерий Бжания снова прервал свой рассказ и, раскурив трубку, спросил меня:

— Ты, наверно, много знаешь об этом русском генерале?

Но я должен был разочаровать его. К сожалению, я слишком мало знал о человеке, к которому должен питать великую благодарность каждый абхаз. Знал только, что в народе он известен под именем генерала Бартоломея. Он был участником одной из русско-турецких войн, представителем русской военной прогрессивной интеллигенции, близким, очевидно, по своему образу мыслей к декабристам. Несомненно, это был одаренный лингвист, подлинный ученый-энтузиаст.

— Немного же ты знаешь об этом русском генерале, — усмехнулся Шхангерий Бжаниа. — Мальчик Шарах знал больше.

В его тоне прозвучала смутившая меня укоризна.

Старик наблюдал за мной.

— Ну, а что ты знаешь о «последнем убыхе»?

Этот вопрос вновь озадачил меня. Я знал, что убыхи — одно из абхазских племен, говорившее на особом наречии, зачастую непонятном другим родственным племенам. Мне было также известно, что в XIX веке убыхи были поголовно выселены в Турцию и вымирали в жестокой нужде на чужбине. Но я решительно ничего не знал о «последнем убыхе».

— Так с него-то и началось самое важное в тот памятный день! — воскликнула Шхангерий. — После того как мы услышали о генерале-урусе, всем не терпелось узнать, о чем же он разговаривал с детьми в школе. На маленького Шараха, как из мешка, посыпались вопросы взбудораженных людей, и он, как умел, рассказал то, что запомнил. Оказывается, этот генерал, составляя для нас букварь, побывал среди всех наших племен, в селах, подолгу разговаривал с жителями и что-то записывал на бумаге. Но он не мог найти ни одной живой души из племени убыхов. Не в Турцию же ему

188

было ехать за ними! И вот он случайно узнал, что где-то в горах доживает свои дни единственный убых. Это был уже немолодой, больной человек, изрешеченный пулями в схватках с княжескими насильниками, достойный сын Апсны. К тому же природа наделила его мудростью и даром красивой речи. Когда генерал разыскал его и спросил, почему из всего племени он один решил остаться в Абхазии, убых ответил ему стихами. А генерал записал эти стихи, напечатал в букваре на отдельном, самом последнем листке...

«Так прочти нам эти стихи!» — пристал к мальчику Тейб.

«Да, да! Что ответил генералу этот достойный убых?» — заволновался и Шоудыд.

«Читай! Читай же! — неслоь отовсюду. — Почему не читаешь?»

«Потому, что вы все время перебиваете меня», — ответил мальчик.

«Не упрямясь! Слушайся взрослых!» — прикрикнул на него старый опекун.

И и тишине снова зазвучал звонкий детский голос.

Я не помню сейчас всех этих стихов, хотя они были короткими, — продолжал Шхангерий Бжаниа. — Но всем нам показалось, что мальчик не говорит, а поет... «Апсны! Апсны! —

прочувствованно читал он. — Не выдумаешь сказки прекраснее, чем ты наяву. Родная моя страна! Никто никогда не заставит меня расстаться с тобою! Лучше гибель на твоей душистой, благодатной земле, но только не позорное изгнание. Чужбина — страшнее смерти!..»

Помнится, Шараха прервали рыдания одной из женщин. Вслед за ней разразились слезами многие другие женщины, захныкали дети. А затем... затем я увидел то, чего не видел за всю мою долгую жизнь и, знаю, что не увижу никогда больше: глаза увлажнились у мужчин... И у Тейба, у Шоудыда, и у старого опекуна Шараха... Можешь ли ты этому поверить?! Слезы на глазах у абхаза!..

В это время к толпе подошел князь Алыбей.

«Ну, чего вы замешкались?! — Он едва сдерживал злость. — До каких пор вас будут ожидать фелюги? Что там лопочет этот мальчишка?»

«Он читает нам книгу на нашем родном языке», — ответил Адлей Шьяаб из села Члоу.

189

«Хм! — усмехнулся князь. — Нашли время! Он дочитает ее вам в Турции».

«Пусть дочитает здесь!» — проговорил Шьяаб.

«Нет, нет! — скривился князь. — Сейчас не до забав! Торопитесь! Время не ждет».

«Подождет! — твердо сказал Шьяаб и добавил: — Ты сказал «забава», князь? Первая абхазская книга? А для нас она — великая радость. Почему же ты не хочешь разделить с нами эту радость? Разве ты не абхаз?»

«Как ты смеешь?! — вспыхнул Алыбей. — Послушай, Адлей Шьяаб, я всегда принимал тебя за достойного, умного человека. Подай же пример неразумным, ступай к фелюгам, и тогда все последуют за тобой».

Но Шьяаб не двинулся с места: «Пусть сначала мальчик прочтет нам все до конца!»

«Не позволю!» — прогремел князь и шагнул к Шараху, чтобы вырвать книгу у него из рук. Но тотчас Тейб, Шоудыд и другие мужчины заслонили мальчика, и князь увидел перед собой грозные лица.

«Так и быть, — процедил он сквозь зубы. — Уж если вы так этого хотите, пусть читает. Только поживей, щенок!» — прикрикнул он на Шараха.

И тот снова принялся читать гордый ответ «последнего убыха». Но князь напугал его, теперь звонкий голосок мальчика дрожал, и от этого стихи волновали еще сильнее. Повторяю, они были краткими, но слова их — красивые, благородные, смелые — звали к любви, к борьбе, вливали в наши сердца надежду. Они ударили в наши головы, как вино, прояснили мысли, сделали нас отважней. Они заканчивались теми же словами, какими начинались, и, когда Шарах повторил: «Чужбина страшнее смерти!» — воздух огласился восторженными криками:

«Молодец, дад!»

«Дад, спасибо тебе!»

Князь вдруг преобразился. Лицо его стало багровым, он стал истошно кричать: «На фелюги! На фелюги!» Отдышавшись, Алыбей угрожающе произнес: «Если останетесь, урусы перестреляют

вас, как собак, вместе с мальчишкой! И я не стану им мешать!»

И тогда выступил вперед седой Адзин Есхак из села Джгерда. Тотчас воцарилась тишина. Адзин Есхак

190

славился по всей Абхазии мудростью, справедливостью и добротой, народ уважал и любил его.

«Неправда, князь, — начал он с величавым спокойствием, — урусы не перестреляют нас...»

«И ты?! — срывающимся голосом вскричал князь. — Ты, Адзин Есхак, перечишь своему князю?! Что же ты молчал раньше? Я всегда верил твоей мудрости и сам слышал, что ты не противишься переселению на турецкие земли. Разве это не так?»

«Так, — сказал старик, глядя в глаза князю, — не противился... Это правда. — Он помолчал и вдруг, приложив руку к сердцу, склонил перед застывшей толпой свою седую голову. — Я очень виноват перед вами, друзья мои...»

Слова гордого старца удивили людей. Послышались возгласы:

«Нет, нет, Адзин Есхак!»

«Ты не можешь быть виновным перед нами!»

«Ни в чем и никогда!»

«Виновен! — повторил Адзин и выпрямился во весь свой рост. — Моя совесть кровоточит, абхазцы! Видно, несчастья трусливы — они никогда не приходят в одиночку. Они обрушились на нас одно за другим, притупили мой разум, обессилили сердце... Я почувствовал, что нет у нас больше сил бороться, и покорился судьбе: что свершится, то свершится... А покорность, когда в сердце не остается ни одного желания, — первый вестник обреченности. Так случилось и со мной. Но сегодня этот славный мальчик, книга, которую он показал, слова отважного убыха влили в меня новые силы, и моя кровь забурлила. И я говорю вам: оставайтесь дома!»

Гул одобрительных возгласов пронесся над поляной.

«Замолчи, старик! — прокричал князь. — Не слушайте его, абхазы! Или вы не знаете, что к старости люди глупеют, как малые дети!»

«Это верно, князь, — сказал Адзин Есхак. — Бывает, что старики превращаются в детей. Но верно и то, что часто устами детей говорит правда. И эту правду принес нам сегодня маленький Шарах Камлат!»

Старик снял мальчика с пня, поставил его рядом с собой, взял у него книгу и опустил руку ему на голову.

«Вот эта великая правда! — сказал он, высоко поднимая книгу. — Она пробилась к нам, как луч солнца пробивается сквозь черные тучи. Повторяю, князь:

191

урусы не будут в нас стрелять. Если они хотят нас уничтожить, то зачем тогда им печатать книги на нашем языке и строить школы для наших детей? Горская школа в Сухуми — первый огонек. Ведь зажигает только то, что само горит, и она зажжет другие огоньки... Мы должны

беречь эту школу как зеницу ока. Не то ее сожгут князья вместе с турками, как сожгли окумскую школу. Кто же сохранит ее, если мы покинем родину? Ты, князь, сулишь нам рай на землях твоего падишаха, говоришь, что там будешь с нами. Как же ты позволил туркам насильничать, торговать простыми людьми, как скотом, угонять наших дочерей в гаремы Трапезунда, Самсуна, Стамбула?! Что принесли нам османы, кроме позора и бед? Что же будет с нами на их землях? Нищета и недостойная смерть. Нет, нет, держитесь урусов, абхазы! Крепко держитесь!»

Он смолк, чтобы перевести дыхание, и Тейб, воспользовавшись минутой общего молчания, вскочил на пень.

«Правду сказал вам Адзин Есхак! — воскликнул он. — В Абхазии есть люди, которые дрались на войне вместе с солдатами-урусами против турок. По их словам, урусы храбры, добры и великодушны. Есть у урусов и ученые, которые желают добра нашему народу. Это один из них составил первую абхазскую книгу. Прости, что я перебил тебя, Адзин Есхак...»

«Это ничего, — сказал Есхак, — ведь ты сказал правду. И мне нечего больше прибавить. Я остаюсь с урусами!»

«Тогда останусь и я!» — вскричал старый опекун Шараха.

«И мы тоже! И мы!» — закричали в толпе, и люди двинулись со своим скарбом прочь от берега.

Маленький Шарах потянул своего опекуна за полы черкески.

«Пойдем, скорей пойдем!» — заторопил он, озираясь на взбешенного князя.

«Не бойся, малыш, — ласково сказал ему Адзин Есхак. — Я сам отведу тебя в горскую школу».

Мальчик просиял и стал бережно засовывать свою книгу в котомку.

Лицо Шхангерия озарила улыбка, и, взволнованный воспоминаниями, он замолчал.

Старик поднялся с кресла и в задумчивости снова

192

стал перебирать книги на столе. Потом поднял взгляд на меня и сказал:

— Теперь ты должен постараться, чтобы все люди узнали, почему жители селений Тамыш, Кутол, Джгерда, Гуп, Тхина и Члоу не стали махаджирами вслед за цебельдинцами и гумистинцами, не погибли на чужбине жестокой, бесславной смертью. Нас спасла первая абхазская книга...

Когда почтенный друг ушел от меня, я все еще продолжал думать о книге, составленной русским генералом-ученым, о стихах «последнего убыха». Мне снова припомнилась древняя легенда о поэте, своими стихами остановившем дрогнувших воинов и воодушевившем их на победу, и я мысленно преклонился перед могуществом вдохновенного, правдивого слова».

Рассказчик, как бы мимоходом, не достаточно образно рисует картину запустения целых районов Абхазии в период махаджирства. В Турцию переселилось население из таких мест, как Гагра, Бзыбь, Гума, Дала, Цабала и др. Глядя на них, в Турцию собрались переселиться также и абжуйцы.

«Со всем своим скарбом двигались жители Меркула, Моквы, Кутола, Тамыша, Джгерды, Гума,

Тхины, Члоу и др. мест. Шли они в одиночку, на арбах, верхом, пешком с вещами и провиантом. Женщины с детьми на руках, больных вели под руку. Собак, которые увязывались за людьми, то и дело отгоняли. Женщины не переставали плакать, немало было и среди мужчин таких, что не могли удержаться от рыданий. Не может быть горя страшнее, чем насильственное переселение на чужбину.

Были и такие мужественные, которые пытались утешить: «Перестаньте плакать! Крепитесь, не на погибель же идем!» Но шли они, конечно, на погибель! Остановить переселение, уговорить народ не покидать родные места пытались Адзымба Джегем, Адлейба Астана. Но они оказались бессильными предотвратить беду. И все же появилась великая сила, остановившая народ. Этой силой оказалась абхазская книга, которую составил генерал И. Бартоломей».

Книга остановила, задержала всех, кто уже решил уплыть за море... Устами рассказчика говорит сам автор: «Слово всемогуще, оно может все».

В духовном объединении народа письменность имеет

193

большое значение. Если бы у нас в XIX веке была своя письменность, с безоблачного неба на наши головы громом не свалилось бы махаджирство. В вышеприведенной новелле подчеркивается именно этот момент.

В новелле «Почему у него такая тяжелая рука» описана горькая участь несчастных махаджиров. Новелла заканчивается так: «Отца положили на арбу и повезли на какое-то кладбище. У меня спросили имя и фамилию моего отца. Во время похорон заметили, что у покойника висел маленький мешочек. Спросили, что это может быть, но я ничего об этом не знал. И когда ножом открыли мешочек, выяснилось, что там была завернута земля.

Это была горсть родной абхазской земли, которую он хотел унести в могилу. Эту землю я насыпал ему на грудь. Тяжелое, горькое испытание перенес абхазский народ... Но никто из тех, кто погиб и кто остался в живых, не повернулся спиной к Апсны».

Произведения М. Лакербая посвящены махаджирству, и герои этих произведений навсегда останутся в абхазской литературе. Но надо отметить, что М. Лакербай, так же как и многие другие абхазские писатели, по-разному объяснял причины махаджирства; в одном месте он утверждает: «доведенный до крайности абхазский народ был вынужден оставить родину и бежать на чужбину» (новелла «Горе»). В других рассказах говорит, что любопытство заставило абхазцев устремиться в незнакомую страну, беря пример друг с друга, они оставляли родину и... разорились. С такими вот противоречиями встречаемся мы в произведениях М. Лакербая, написанных на тему о махаджирах.

* * *

История Абхазии нашла свое отражение как в драматических произведениях, так и в новеллах писателя М. Лакербая. Значительные события сегодняшнего дня из жизни народа завтра уже могут стать историей, остаться навечно на ее страницах. Один из таких исторических фактов лег в основу новеллы «Авторитет». Краткое содержание новеллы таково. Из Петербурга на Кавказ приехал для проверки попечитель школ Кавказа Славинский. Посетил он и Горскую школу

194

в Сухуми. По случаю его приезда детей приодели, улучшили питание, дабы не получить со стороны попечителя нареканий. Однако группа учащихся написала жалобу, в которой было обрисовано истинное положение дел в школе. Попечитель обнаружил письмо в своем кармане,

когда находился в Сочи. Он вернулся обратно в Сухуми.

Им лот раз все было не так, как в его предыдущий приезд. Славинский побеседовал с учащимися, посоветовал им больше налегать на учебу и меньше думать о животе.

Учащиеся — авторы жалобы — боялись, что их накажут, но обошлось. Улучшилось их питание, одежда, постель. Попечитель выругал директора и предупредил руководство школы, что, если в дальнейшем будут жалобы, он вынужден будет виновных уволить со службы. Учащиеся узнали об этом позже.

Этот рассказ многое может сказать и нашим педагогам и методистам. Преподаватели литературы должны воспитывать учеников на примерах художественной литературы. Я считаю, что эту новеллу следует внести в школьную хрестоматию по абхазской литературе. С одной стороны, она рассказывает об одном из эпизодов из истории Горской школы, с другой — поучительна для учителей и учащихся, указывает на то, какими должны быть взаимоотношения между ними.

Здесь в лице попечителя выведен прогрессивно мыслящий русский педагог. Иначе он не стал бы возвращаться обратно из Сочи в Сухуми из-за жалобы школьников. А кто мог бы его остановить, если бы он разорвал эту жалобу?! Но это был человек, преданный своему делу, честно служивший идеям народного просвещения.

В рассказе «Флаг самурзаканцев» описано интересное событие, которое действительно произошло. Свидетельницу этих событий застал в живых автор. Это видно по началу рассказа. Сюжет рассказа таков. Во время русско-турецкой войны по инициативе самурзаканцев был организован отряд из двухсот добровольцев. Командование русских войск одобрительно отнеслось к инициативе самурзаканцев. Отряду было выдано оружие, обмундирование, провиант, назвали его «Самурзаканский отряд» и передали ему отрядный флаг.

195

Очень хорошо сражался этот отряд, так что о нем заговорили в штабе русской армии. В одном из сражений турки победили, но флаг отряда был спасен, его спрятала шестнадцатилетняя девочка — Кесария Эмхаа. Государь наградил девушку за героический поступок золотой медалью, к медали она получила соответствующее удостоверение. Медаль и бумаги переходили как ценные реликвии из поколения в поколение в роду Эмхаа.

Героизм, мужество абхазской женщины еще шире раскрыты автором в новеллах, посвященных Отечественной войне.

* * *

На мой взгляд, наша критика не уделила должного внимания новеллам М. Лакербая на тему Отечественной войны (1941—1945); среди произведений абхазской литературы трудно найти более достойные на эту тему.

О них лишь мимоходом упоминается в нашей литературе, а о том, что М. Лакербай был участником Великой Отечественной войны, иногда вообще не говорится.

Однако новеллы «Лучшая роль», «Анцыркваква», «Хыхьча», «Девушка из Отхары», «Аматанеира», «Бамат и Сайт», «Эстадита», «Спор» и др. посвящены военной теме, и у каждой из них свои достоинства. Они высвечивают отдельные страницы беспримерной героической борьбы нашего народа с фашистскими захватчиками. И что очень важно — созданы непосредственным участником войны, писателем, с оружием в руках защищавшим родину.

Мне хочется поговорить о каждой из названных новелл. Возьмем, например, всего в полторы страницы новеллу — «Лучшая роль». Этих полутора страниц писателю хватило, чтобы создать образ подлинного героя, абхазского воина-офицера. Его зовут Чичико. До войны Чичико был актером. Свою профессию он ловко использовал на войне. Облачившись в женскую одежду, он познакомился с немецким офицером, напоил допьяна, затем уложил пьяного в мешок, притащил в свою воинскую часть и сказал: «Да, нелегкую роль сыграл этой ночью я, но это — моя лучшая роль».

196

Новелла «Анцыркваква» решена в комедийном ключе, с юмором. Лирический герой новеллы знакомится с семьей близкого ему человека — Мшагу и его четырнадцатью детьми. На людей тяжелой ношей легла война, дети голодают, но веселое настроение не покидает их. Когда стемнело, Мшагу, не разобравшись в темноте, вместо своего ребенка привел домой соседского и накормил его анцыркваквой (мамалыга со свежим или кислым молоком), которая предназначалась для его четырнадцатого ребенка.

Слова матери: «Чем же я накормлю своего голодного младшего? У меня на сегодня нет ни куска мамалыги», — говорят о тяжелой жизни военного времени...

Героиня новеллы «Девушка из Отхары» — Шасиа — повторила подвиг Ивана Сусанина. Двенадцатилетняя девочка изъявила желание пойти на войну, но ей возразили: «У нас есть кому воевать, и немало нас. Ты не волнуйся, враг не придет сюда, есть кому его задержать. Ты учись хорошо, большего подвига во имя родины от тебя не требуется».

И вот однажды, когда она шла с едой для отца, который в горах пас скот, ей повстречались трое молодых парней в красноармейской форме. Они приказали вести их туда, где отец ее пасет стадо. Девочке эти красноармейцы показались подозрительными. Но она не подала виду, согласилась вести их. И вывела прямо к людям, в село. Хотя ее и ранили, однако троих переодетых фашистов она сдала нашим властям. Не испугавшись, она совершила подвиг во имя защиты Родины.

История Абхазии помнит многих женщин, чьи светлые образы отражены в народных абхазских сказаниях и преданиях. Достаточно вспомнить Баалоу-пха Мадину! Ушедших в Великую Отечественную войну добровольцами Александрю Назадзе, Мери Авидзба.

Девушки, которые еще совсем недавно как бы парили над землей, чтобы не примять травку, не придавить букашку, бросились на защиту Отечества. Их любовь к Родине была сильнее смерти.

В памяти у читателей не может не запечатлеться новелла «Бамат и Сайт». Начинается новелла так: «Кое-кто из тех, кто в годы махаджирства не переправился на противоположный берег моря, переселился на Северный Кавказ. И сегодня там во многих местах

197

встречаются абхазские села. Вот и были жителями одного из таких сел закадычные друзья Бамат и Сайт. Везде и всюду их видели вместе».

В Отечественную войну одно из таких сел заняли немцы. Налетели на него, как стая черных воронов. Бесчинствовали — не спрашивая хозяев, резали скот, птицу, всякую живность. Девушки прятались от них, боясь попасть фашистам на глаза. А попадись они немцам — нам ними глумились или же насильно отправляли эшелонами в Германию.

Рассказывая о зверствах фашистов, писатель довольно подробно остановился на одном из самых кощунственных поступков.

Однажды вечером, идя по селу, Бамат услышал женский крик. «Абаапсы (1), неужели не услышит меня ни один абхазец! Прошу, избавь меня от этого поганого немца, спаси меня!» Хотя это было небезопасно для жизни, Бамат, услышав крик, ворвался в дом, где кричала женщина. Он убил немца и спас ее от насилия. Женщина укрылась в селе. Бамат ушел в горы.

Фашисты согнали все село. Комендант объявил: «С этого момента ждем до 12 часов завтрашнего дня, где хотите найдите убийцу офицера фюрера. Не приведете убийцу — всех перестреляем!» Чтобы не пострадали односельчане, Бамат вернулся в село. Вот диалог между Баматом и фашистским офицером:

«— Село и народ тут ни при чем. Офицера вашего убил я, делай со мной что хочешь. А ни в чем не повинных людей не трожь!

— Свяжите его сейчас же!! — приказал комендант солдатам.

Бамату связали руки и приступили к допросу.

— Как зовут?

— Бамат.

— Фамилия?

— Капба.

— Лет сколько?

— Семнадцатый пошел.

— Почему убил офицера?

— Издевался, глумился над женщиной. Услышал ее крик и не мог пройти мимо. Противно аламысу абхаза было его поведение.

1 Возглас, в данном случае призывающий к помощи.

198

— Аламыс! Аламыс! — прикрикнул на Бамата комендант. — Я тебе покажу, что велит наш аламыс! Уведите его, арестуйте».

В это время из толпы вышел Саит и сказал, что офицера убил он, а Бамат не убивал его. И потребовал, чтобы Бамата отпустили. «Это была, — говорит писатель, — удивительная сцена. Бамат и Саит спорили — один был готов умереть за другого. Народ был потрясен этой сценой. Женщины плакали, старики тяжело вздыхали! Даже фашистский комендант был удивлен поступком Саита».

В конце концов комендант принял решение: «Если даже этот парень и не убил нашего офицера, то его поступок говорит о том, и в этом можно не сомневаться, что, будь он на месте Бамата, не моргнув глазом расправился бы с немецким офицером. А поэтому приказываю повесить их обоих», — и приказ был приведен в исполнение. Итак, несовершеннолетние друзья Бамат и Саит, беспредельно любящие свой народ, идут на смерть. Этим преданным аламысу, чистым,

как горный родник, юношам была ненавистна отвратительная мораль фашистов.

«Бамат и Сайт» — одна из лучших новелл на тему войны. Замечательна она как с идейной, так и с композиционной точки зрения.

Тема войны — в новеллах «Эстафета», «Спор», «Сказали, постарел», где автор художественно достоверно изображает нестигаемых героев, которые, защищая свою честь и достоинство, прославляют собственный народ и родину. Михаил Лакербай и здесь мастерски использует традиционную структуру новеллы, правдиво и точно излагает на бумаге испытанное и увиденное собственными глазами.

* * *

В абхазской литературе, как и во всей советской литературе, почетное место занимает образ В. И. Ленина. Произведения, посвященные ему, есть у Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, Л. Б. Квициния, К. Агумаа, Л. Б. Лабахуа, Алексея Ласуриа, Баграта Шинкуба, Чичико Джонуа, Алексея Джонуа, Кумфа Ломиа, Георгия Гублия и др.

199

Образ Ленина остается по-прежнему актуальной темой и для нового поколения абхазских писателей.

У каждого из братских народов есть свои герои революции. У абхазцев это вдохновенные ленинскими идеями, борющиеся за советскую Абхазию огненные революционеры: Е. Эшба, Н. Лакоба, Н. Акыртава...

М. Лакербай достаточно полно изобразил облик Н. Лакоба, его человеческие качества: ум, проницательность, великодушие, доброту. «Образ пламенного революционера Н. Лакоба навечно запечатлен в наших сердцах, в наших художественных творениях», — писали на страницах газеты «Советская Абхазия» (30 декабря 1936 г.) Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, М. Хашба. Эти слова были правдивыми и искренними. Славный сын Абхазии вечно будет жить в сердцах своего народа, в его песнях и устном народном творчестве.

Посвященные Н. Лакоба новеллы М. Лакербая остросюжетны, построены на биографических фактах. К тому же М. Лакербай лично хорошо был знаком с Н. Лакоба. Между ними были дружеские отношения.

В новелле «Чнагу» события происходят в гражданскую войну, когда в Абхазии временно господствовали меньшевики. Рассказывается о том, как Н. Лакоба по поручению нелегально действующего Абхазского ревкома посещает на Северном Кавказе Кирова и Орджоникидзе. Надо было вооружить созданную им революционно-крестьянскую дружину «Киараз». Нестор пробирался, переодевшись и загримировавшись под старика, но все же его схватили, заподозрили в нем лазутчика и решили расстрелять. Он в ответ на это говорит: «Что же, убейте, расстреляйте меня сейчас же здесь, на месте, вы царская свора».

«Как, как ты сказал? — вскакивает, словно очнувшись ото сна, Федя».

Оказывается, его схватили красноармейцы. Чнагу повезло: его не только не убили, ему удалось еще и выполнить задание.

Новелла «Малакрысфа» («Дармоед») знакомит нас с событиями, происходившими в то время, когда Н. Лакоба учился в Батуми, а затем в период коллективизации в Абхазии.

На первый взгляд кажется, что автор отошел от

200

художественных приемов, что это скорее публицистика — биографический очерк. Но это только на первый взгляд.

В «Малакрысфе» видим Нестора Лакоба в период учебы в Батуми (в рассказе захвачен немножко и добатумский период). С ним учится Азамат Барцыц. Но доброта Нестора и скупость Азамата не уживаются. Автор очень ярко, образно, убедительно описывает их конфликт. Нестор блестяще заканчивает учебу в Батуми. Его посылают в Тбилисскую семинарию. (Азамат еще раньше закончил и уехал к себе в Блбурхву.) Пока он учился в семинарии, в России совершилась Февральская революция — свергли царя.

Затем Чнагу (т. е. Лакоба), уже коммунист, по заданию партии вместе с революционерами Кавказа ведет нелегальную партийную работу в Абхазии, на Северном Кавказе, в Батуми. В эти годы он работает с Орджоникидзе и Кировым. В Абхазии он формировал партизанские отряды «Киараз».

Обо всем этом рассказывается в новелле; тем самым заполняются пробелы в биографии Чнагу. Но писатель идет дальше, показывая становление Советской власти, ее утверждение, строительство колхозов.

Во главе правительства Абхазии давно встал Чнагу — Н. Лакоба. И здесь мы снова встречаемся с Азаматом Барцыц. В сцене встречи бывших соучеников автор показал незаурядный ум Н. Лакоба, его дальновидность, его близость к народу. Основная цель автора заключалась не только в том, чтобы рассказать о примирении Азамата с главой абхазского правительства. Тут наше внимание привлекает и та забота, с которой относился Н. Лакоба к организации колхозов, и его умение подбирать людей и спланировать их вокруг себя (хотя с некоторыми из них у него и не было духовной близости).

Для Нестора Лакоба было важно знать, что человек способен помочь делу. Такого он приближал к себе, выдвигал, давал ему возможность проявить себя.

Когда Азамату Барцыц сообщили, что его вызывает Н. Лакоба, тот поспешил уехать за пределы Абхазии, так как был уверен, что глава абхазского правительства решил припомнить ему ссору школьных лет и расправиться с ним. Но каково же было его удивле-

201

ние, когда Н. Лакоба назначил его председателем колхоза в родном Азамату селе.

В этой новелле выведены образы многих замечательных стариков. Нестор называл их своими родичами. Он внимательно прислушивался к ним, задумывался над их советами.

Хотя некоторые находят слабой новеллу «Дача Федорова», но, на мой взгляд, новелла очень интересна. Она, вероятно, посвящена (хотя об этом не говорится явно) Орджоникидзе, Лакоба и Федорову. В основе ее лежат реальные события. Тому подтверждением служит переписка между Шамилем Авидзба и Михаилом Лакербаям.

В комиссию по литературному наследию М. Лакербая обратился Шамиль Авидзба.

«Уважаемые товарищи!

Посылаю Вам письмо, которое мне написал в свое время М. Лакербай. Мне будет очень приятно, если оно Вам поможет узнать что-то новое в ваших поисках материалов о жизни и деятельности писателя. Если понадобится, я могу выслать несколько книг с автографами, лично подаренных мне. Надеюсь, что письмо писателя, которое я вам высылаю, после ознакомления с ним будет выслано мне обратно».

Вот текст письма.

«Роясь в долголетних, пожелтевших рукописных бумагах, случайно наткнулся на запись, которую я сделал в 30-х годах. Это рассказ Нестора Лакоба о профессоре Федорове и Серго. Когда заболел Серго, стало необходимым оперировать почки. Стали искать крупных хирургов, известных в Европе. После долгих поисков остановили выбор на одной из клиник Берлина. А самое удивительное и главное в том, что в известной клинике Барнта сделал операцию Серго русский советский врач — Сергей Петрович Федоров — житель Ленинграда! Об этом рассказывал сам Нестор Лакоба, интересно, сочно расцвечивая свою речь пословицами, Чалмазу, Инал-ипа и мне.

Наверно, мало кто знает, что Нестор Лакоба много читал. Он в свободное время всегда читал художественные произведения. Много раз мне вручал список хороших книг с заданием достать их. Он всегда старался не отстать от известного книголюбца С. Ашхацава. У Нестора Лакоба память была феноменальная.

202

Как меня волнуют эти листки, пожелтевшие мои рукописи, особенно запись рассказа Нестора Лакоба.

Вот они у меня в руках. Мне кажется, будто не так давно я слышал и записывал этот рассказ. Как быстро летит время!!!

...Я написал не очерк, написал новеллу. Поэтому я не назвал по имени ни Серго, ни Нестора. Так было лучше.

А сама тема новеллы имеет глубокий смысл.

Теперь хватит, слишком длинно я написал. Не и моим характере писать длинные письма, но от того, что я тебя очень люблю и уважаю, растянул его.

Приеду в апреле в Сухуми, в наш прекрасный Сухуми, повторяю, обязательно приеду. Жму руки.

Михаил Лакербай.

Москва, 1963 г., II—21».

В новелле «Дача Федорова» как раз и описаны события, о которых речь идет в этом письме. В новелле они переданы в художественной форме, но исторические факты не искажены. Хотя имена подлинных героев автор не называет, но из заключительных фраз новеллы можно догадаться, о ком идет речь:

«...Человек, которого он вылечил, неделю находился в клинике, и он скоро вернулся на ответственную работу в Москву».

Этот выдающийся революционер и врач внес большой вклад в установление Советской власти в Абхазии. Поэтому правительство Абхазии профессору Федорову подарило одно из дачных строений в Гагре, построенных во времена принца Ольденбургского: и сегодня еще этот дом называют «Дачей Федорова».

В прекрасной новелле «Чнагу в тюрьме» («Арест Чнагу») автор возвращает нас к событиям 1918 г., когда в Абхазии впервые победила Советская власть. Однако новая власть просуществовала только 42 дня, ее задушили грузинские меньшевики с помощью местных феодалов и иностранных интервентов.

Этот исторический период дан через эпизод из революционной борьбы Н. Лакоба.

Бесстрашие Н. Лакоба подтверждает его диалог с князем Арзаканом Эмхаа:

«— Скажи по правде, Чнагу, ты не смог бы быть

203

таким великодушным, как я, не выпустил бы меня из тюрьмы? Интересно, как бы ты поступил, когда бы там был на моем месте, когда бы власть была твоя?

— Я бы тебя расстрелял! — ответил Чнагу».

М. Лакербай очень большое значение придавал защите и пропаганде памятников духовной культуры народа, знакомству широких масс с этими памятниками, их сохранению для будущих поколений. Также интересны новеллы М. Лакербая, обращенные против вредных традиций (поминки, многолюдные, помпезные свадьбы и др.). В новелле «Ачеджика» (гостеприимство) автор разъясняет, что прием гостя это похвальное качество, но плохо, когда оно продиктовано корыстолюбием.

Главный герой новеллы, Силован, живет в селе недалеко от Сухуми. У него хорошее хозяйство. В его селе начали строить санаторий. Начальником строительства назначили какого-то Давида. Ожил Силован. Все время устраивает пиршества и приглашает строителей, а на уме у него — кража строительных материалов. Он сумел подружиться с начальником строительства Давидом. Однажды, воспользовавшись моментом, бросил ему, как бы невзначай: «Теперь главное перенести незаметно строительные материалы, — и признался Давиду: — Это для нас привычное дело... Так я построил тот дом, в котором ты так часто бываешь гостем...»

Наконец-то понял Давид, что задумал Силован. «Ты хочешь, чтобы я украл государственное имущество? Вот так гостеприимство! С сегодняшнего дня чтобы я не видел тебя! Убирайся, если еще явишься, знай, я заставлю арестовать тебя! А сейчас — вон отсюда!»

Здесь автор создает два противоположных образа. С одной стороны, гостеприимство, которое прославило абхазский народ во всем мире. Оно и сегодня считается хорошим качеством у нас. Но гостеприимство в меру. А с другой — показана отрицательная сторона гостеприимства, когда оно замешано на корысти, с целью ограбить государство и народ.

ПРОДАВЕЦ ВИНОГРАДА

В рейсовой машине, курсирующей между Гагрой и Сухуми, ехало несколько человек. Это были курортники, отдыхающие здесь, и муж с женой — иностран-

204

ные туристы. Дорога делала зигзаги, огибая живописные абхазские села. На одном из поворотов

машина остановилась у небольшого прилавка под навесом. Здесь абхаз-крестьянин продавал виноград. Виноград был крупный, красивый — и нельзя было им не залюбоваться. Все пассажиры подошли к прилавку. Муж и жена — интуристы — плохо владели русским языком, но все же смогли объясниться с продавцом. Купив у него шесть килограммов винограда, уплатив за него и за корзину, иностранец повелительно сказал продавцу:

— Отнеси в машину!

Абхаз-крестьянин даже не повернул головы в его сторону.

— Ты что, не слышишь меня? Я же сказал — отнеси виноград в машину!

Продавец участливо спросил его:

— Вы больны?

Тот удивленно ответил:

— Нет, я здоров. А почему ты спрашиваешь?

Абхаз рассмеялся:

— Если бы ты был болен или твоя спутница одна покупала виноград, я охотно отнес бы корзину. Но ты здоров, отнеси сам.

— Вы обязаны отнести то, что я купил! — возмутился иностранец.

Крестьянин спокойно ответил:

— Ты, как князь, хочешь приказывать мне. Но эти времена давно прошли. Мы с тобой одного возраста. Возьми и неси сам.

...Мы сели в машину и поехали дальше. В пути разгорелся спор. Интуристы возмущались неуслужливостью продавца.

Курортник, рабочий с Урала, твердо сказал:

— А мне нравится этот крестьянин. Он держится гордо, с достоинством.

Что и говорить, психология заморского гостя и абхазского крестьянина — диаметрально противоположны. Симпатии читателя на стороне абхазского крестьянина. В этой маленькой новелле М. Лакербай передает перемены в психологии крестьянина. Раньше бы он никогда не вынес на улицу продавать виноград. Для

205

него считалось грехом торговля фруктами. Но вот пришло время, и изменились его взгляды.

М. Лакербай в своих новеллах клеймит религиозные суеверия, хитрость, темноту, невежество. Конечно, суеверия укреплены тысячелетними традициями, и поэтому необходимо методически их изживать. Этой теме посвящена, например, новелла «Дьявол», идея которой выражена в конце: «Вот, как полезно знание».

В новеллах М. Лакербая «Штраф», «Собака Кучиты», «Предпочел смерть», «Слово», «Человек и волк», «Собака и лиса», «Тот, кто врет», «Амиртак», «Исповедь Шааба», «Аджика», «Зея», «Ты мамина или папина?» отражен универсальный характер абхазского аламыса, во многих отношениях соответствующий требованиям советской этики.

Упомянутые новеллы затрагивают следующие проблемы: значение воспитания современного советского человека, вопросы защиты природы, взаимосвязь между словом и делом, моральный облик руководителя, вопросы совести, чести. Автор утверждает силу правды и клеймит измену, уход от этой правды. Именно это придает некоторым его новеллам оттенок беллетризированной публицистики, делает их злободневными и актуальными.

Приведем еще одну новеллу об особенностях абхазского характера и об остроумии абхазских долгожителей «Джон Пристли и Шхангерий Бжаниа».

ДЖОН ПРИСТЛИ И ШХАНГЕРИЙ БЖАНИЯ

Известный английский писатель Джон Пристли приехал в 1946 году в Советский Союз. Он побывал в Абхазии и пожелал встретиться с местными стариками, о которых слышал еще у себя на родине. И вот его — в сопровождении жены, переводчика и двух грузинских писателей — привезли к стосорокасемилетнему Шхангерию Бжаниа, проживавшему в селе Тамыш, в сорока километрах от Сухуми.

Когда машина с гостями подъехала к домику Шхангерия, оказалось, что хозяина нет дома: он собирал колхозный виноград.

— Хочу повидать его на работе, — сказал Пристли.

Желание гостя было, разумеется, удовлетворено. И вот Пристли подвели к могучему дереву грецкого

206

ореха, высотой метров пятнадцать, вокруг которого, как удав, обвилась толстая виноградная лоза. Обычная картина здешних мест. В абхазских селах, утопающих в зелени, нет дерева без такой «виноградной нагрузки». Лоза до того оплела ветви этого великана, что невозможно было определить, чего на нем больше — ореха или винограда? Орех и виноград! Не нужно было делать чурчелы: сидя на дереве, вы могли есть ее в естественно-натуральном виде.

Председатель сельсовета, приведший сюда гостей, поднял голову и крикнул:

— Слезай, Шхангерий! К тебе гости приехали! — И, будучи уверен, что никто из гостей не знает абхазского языка, добавил: — Много гостей к тебе приезжает. Отрывают от дела. Надоели мне и они и ты сам!

Тогда, к удивлению гостей, откуда-то сверху, с макушки дерева, донесся бодрый и приветливый голос:

— Добро пожаловать! Я всегда рад гостям. Но где же этот непоседа мальчишка? Опять убежал куда-то! Прими ты, Тарашь, этот виноград, а я сейчас спущусь.

И все увидели, как на длинной веревке стала медленно спускаться корзинка, полная черного сочного винограда «изабелла». Когда корзинка коснулась земли, председатель сельсовета поднял ее и высыпал в большой желоб, выдолбленный в бревне. Пустая корзина ушла вверх и больше не опускалась. Вместо нее спустился человек. Обхватив обеими руками ствол дерева, он полз вниз. Когда до земли оставалось около двух метров, он легко спрыгнул.

Это и был стосорокасемилетний Шхангерий Бжаниа.

Он изумил всех своим видом: высокий, худой, подтянутый. Одет он был в короткий рабочий архалук. Открытое лицо. Глаза голубые, острые, умные. Добродушная улыбка.

Обменявшись приветствиями и познакомившись с гостями, хозяин радушно пригласил их к себе в дом.

— Я приехал в вашу страну, — обратился Пристли через переводчика к Шхангерию, — чтобы познакомиться с вашим абхазским народом.

— Ну, и как понравился тебе мой народ? — спросил Шхангерий.

207

— Не могу еще судить о нем, — ответил Пристли. — Я ведь здесь недавно: всего четыре дня.

— Но одну черту характера моего народа ты мог бы уже оценить, — заметил хозяин.

Гость смутился и, переглянувшись со спутниками, спросил озадаченно:

— Какую черту?

Старик лукаво улыбнулся.

— Вкус! — ответил он. — Неплохую страну избрал мой народ для своего жительства? Не правда ли?! Много солнца, плодов, цветов!

Шхангерий испытующе посмотрел на гостя:

— Ты — человек ученый. Не скажешь ли мне, каково расстояние между правдой и ложью?

Пристли пожал плечами:

— Я полагаю, что расстояние это очень большое. А вы как думаете?

Старик отрицательно качнул головой:

— Нет, всего в четыре пальца!

И в подтверждение своих слов он приложил к виску, между глазом и ухом, четыре пальца.

— То, что видишь глазами, — правда, а то, что слышишь, часто бывает ложь. Не всякому слуху можно верить. Согласен?

— Да, это правильно! — сказал Пристли.

— И еще один вопрос, — продолжал Шхангерий. — Почему природа дала человеку два глаза, два уха, две ноги, две руки, а рот — один?

— Интересно послушать вас, — сказал Пристли.

— Я отвечу, — с достоинством произнес Шхангерий. — Человек должен много видеть, много слышать, много ходить и работать, а говорить мало. Этого мнения и я придерживаюсь уже более

ста лет.

Пристли был восхищен стариком.

— Скажите, а в чем, по вашему мнению, секрет долголетия? Я тоже хочу долго жить.

— А ты не укорачивай свою жизнь, она и будет долгой! — не задумываясь ответил Шхангерий.

В начале новеллы у читателя невольно возникает мысль: о чем пойдет разговор между известным писателем и старцем? И этот вопрос вполне закономерен.

Английский писатель думал увидеть 147-летнего Шхангерия Бжаниа прикованным к постели или, в лучшем случае, сидящим дома древнейшим стариком. Но

208

каково же было его удивление, когда он увидел его на дереве, собирающим виноград?!

Для Д. Пристли это была сказка! Хозяин пригласил гостей в дом. Д. Пристли и Ш. Бжаниа познакомились. Гость был поражен ясностью ума, глубиной рассуждений хозяина о текущей жизни. Д. Пристли затруднялся отвечать на вопросы Ш. Бжаниа... На вопрос гостя «Откройте секрет долгожительства. Я тоже хочу долго жить» Ш. Бжаниа ответил: «Не сокращай свою жизнь, проживешь долго».

Д. Пристли понял глубокий смысл этого ответа и поэтому не стал задавать больше вопросов.

Много чего нужно для продления жизни. Эта новелла читателю понравилась не только потому, что речь в ней идет о встрече двух замечательных людей.

М. Лакербай ввел в новеллу философию умудренного жизненным опытом абхазского старца Ш. Бжаниа, который был так мудр, что отвечать на его вопросы затруднился английский писатель. Писатель хотел доказать духовное богатство абхазского долгожителя.

Как известно, до последних дней жизни М. Лакербай не прекращал писать. По рассказам Дж. Ахуба, скрываясь от врачей и медсестер, на клочках бумаги в больнице писал он свои рассказы. Эти рассказы написаны одни на абхазском, другие на русском.

20 новелл Лакербая с русского на абхазский язык перевел Джума Ахуба. Нельзя не оценить несомненные достоинства этих переводов. В них полностью сохранен авторский стиль. М. Лакербая, наподобие С. Чанба, с равной силой удавалось писать как на русском, так и на абхазском языке. Он сам переводил свои новеллы. Эти переводы вошли в изданный в 1972 году «Художественной литературой» сборник «Горсть родной земли».

В новелле «Шарф Назиры» объединены следующие три темы: чистая любовь, искренняя и бескорыстная дружба абхазского и русского народов и труд колхозника.

ШАРФ НАЗИРЫ

Лучезарная эта любовь возникла между Нури и самой красивой девушкой в колхозе — юной Назирой. Кто знает, в какое мгновение зародилось это чувство?

209

Возможно, в ту самую минуту, когда они впервые увидели друг друга, а может быть, в тот день, когда Нури подарил Назире легкий, как пух, голубой шарф и заглянул в ее черные, окаймленные длинными ресницами глаза. Его пылкий взгляд засверкал каким-то особенным светом и вызвал ответные искры в прекрасных глазах Назиры.

Нури и Назира выделялись не только своей красотой. Оба они были трудолюбивы и искусны в работе. Нури возглавлял одну из лучших бригад по виноградарству, а Назира занималась цитрусами. Колхоз гордился обоими.

Влюбленными еще не было сказано последнее, решающее слово, однако люди, зная об их любви и желая им счастья, относились к ним как к жениху и невесте.

Но вот однажды в колхозе появилась русская девушка. Звали ее Ириной, и приехала она в солнечную Абхазию с далекого Урала. Она приехала к своему дяде, столяру Никанору Ивановичу. Судьба забросила его в Абхазию уже давно, обосновался здесь и вскоре завоевал любовь и уважение абхазов своим добрым, благородным нравом и прославился как непревзойденный в этих краях мастер столярного дела.

Никанор Иванович обрадовался приезду племянницы. Он еще больше обрадовался, когда узнал, что она хочет здесь остаться.

— Там, на Урале, у меня родных нет, — сказала девушка. — Хочу остаться у тебя. Но я не привыкла сидеть сложа руки, поэтому прошу — найди мне какую-нибудь работу.

В тот же день Никанор Иванович повел Ирину в правление колхоза. Там ее встретили с искренним радушием.

— Колхоз наш большой и богатый, — сказал ей председатель. — Дел много. Рабочие руки нам нужны.

Он посмотрел на ее руки.

— Мы выращиваем чай, цитрусы, виноград, кукурузу. Есть у нас и плантации табака, цветов, тунгэ... Во всем районе славятся наши фермы: животноводческая, конеферма, птицеферма... Где хочешь работать?

— На любом участке! — весело ответила девушка.

Председатель одобрительно улыбнулся и задумался.

— А что если направить ее в бригаду Сельмы? —

210

подсказал ему счетовод. — Они в последнее время очень отстают.

— Пожалуй, так, — согласился председатель и обратился к Ирине: — Пошлем тебя в самую отстающую женскую бригаду. Их участок сейчас в большом прорыве. Вот и помоги. — И добродушно добавил: — Мне нравится твой задор, девушка. Если тебе удастся заразить им свою бригаду, то я уверен, она добьется успеха, и все мы будем тебе благодарны.

Ирина приступила к работе. Она и в самом деле оказалась энергичной и настойчивой. Ее быстрые пальцы научились так проворно собирать чайный лист, что можно было подумать, будто она всю жизнь занималась этой работой. Вскоре отстававшая раньше бригада стала

подтягиваться.

Да, дело у Ирины спорилось, и окружающие не могли ею налюбоваться. Она казалась красавицей Гундой из абхазской легенды или Снегурочкой из русской сказки. Синие глаза северянки отражали небо, а длинные, густые, золотистые волосы казались сотканными из солнечных лучей...

Она нравилась юношам колхоза, и каждый из них был бы счастлив назвать ее своей женой. Но лишь один из них тревожил ее сердце. Это был... Нури.

Ирина пыталась побороть нахлынувшее на нее чувство, но ведь сердцу не прикажешь. Оно неистово бьется, когда Нури подходит к ней, и томится, когда она долго его не видит... Вскоре и Нури стал засматриваться на синеокую Снегурочку с золотыми волосами. Он думал: «Ни с каким золотом их нельзя сравнить...» И работала она так, что залюбуешься.

Охватившая Нури страсть к этой девушке все усиливалась. И бедняжка Назира вскоре поняла, что синеокая русская девушка отняла у нее сердце Нури. К Назире неожиданно пришло первое горе. Его нельзя было скрыть от посторонних глаз, особенно от близких подружек. И как-то раз одна из них, совсем еще молоденькая Куейза, сказала ей:

— Так, значит, правду говорит народная пословица, которую часто повторяет мой дедушка: «Судьба никому не приносит счастья, не отняв его у другого».

Глаза Назиры наполнились слезами, она прошептала:

— Да, это правда... — и, чтобы скрыть слезы, за-

211

крыла лицо голубым шарфом, подаренным ей Нури.

О, она верила, что любовь приносит людям счастье, а на деле выходит, что убивает своей жестокостью! Она думала, что на измену способны лишь самые недостойные люди. И что же? Страдания принес ей самый близкий, самый родной человек! Чем ответил Нури на ее любовь и преданность? Он опозорил ее! Да, да! Нет больше позора для девушки, чем оказаться покинутой.

...Этой ночью она заливалась слезами и все звала: «Нури! Милый, любимый! Где ты? Неужели со своей синеокой Снегурочкой?..» Потом замолкала. Казалось, она выплакала все слезы, отпущенные ей природой. В тоске она вышла из дому. Уже светало. Она решила направиться к протекавшей неподалеку реке. Девушка миновала узкую тропинку и, выйдя на лужайку, замерла: там, обнявшись, спали крепким сном ее Нури и Ирина.

Не помня себя, она подошла ближе и склонилась над ними. Спящие не пошевелились. Противоречивые чувства терзали сердце Назиры. Она смотрела на свою соперницу и, словно загипнотизированная, не могла отвести взгляда от ее золотых волос, разметавшихся по земле.

И тогда ей на ум пришла легенда «Ажвейпшаа». И Назира сказала себе: «Я должна поступить так же!»

Девушка сняла со своей головы голубой шарф, который подарил ей Нури, и, осторожно склонившись над спящей Ириной, обвязала им ее волосы.

Она не разбудила тех, кто отнял у нее веру в счастье, нет! Их разбудило солнце, щебетанье птиц и шорохи просыпающегося леса.

Ирина хотела подобрать свои тяжелые волосы. Она нащупала шарф Назиры и спросонья не поняла, чего коснулись ее пальцы.

— Нури! Нури! Посмотри! Откуда взялся этот шарф?

Сон отлетел от него.

— Шарф Назиры! Это я подарил его ей.

— Ты?

— Да. Ты знаешь... она была... моей... невестой.

Ирина вскочила. Вскочил и Нури. Взгляды их встретились. Секунду-другую они неотрывно смотрели

212

друг другу в глаза, потом, не выдержав, долго стояли потупившись...

Вернувшись домой, Ирина принялась укладывать свой чемодан. Сердце ее тревожно билось. Она думала: «Уж лучше бы Назира набросилась на меня, избилась. Мне было бы тогда легче, чем сейчас. На благородство нужно ответить благородством. Я найду в себе силы, чтобы вернуть ей ее любовь».

Она уехала на Урал.

...Шло время. Не раз сердце девушки сжималось от тоски, не раз ею овладевало желание вернуться. Но стоило ей взглянуть на голубой шарф Назиры — и она слышала голос своей совести: «Нельзя строить свое счастье на несчастье другого».

Рамки, установленные для себя автором в данной новелле, не дают возможности развить сюжет, дойти до самой глубины человеческих отношений. Поэтому нельзя считать образ Нури завершенным. Он изменил Назире, полюбил другую. Назира могла не простить ему этот поступок, но Ирина ушла от Нури, и парень снова вернулся к старой любви. Любовь, как правило, исключает измену.

Из новелл М. Лакербая видно, что колхозники живут зажиточно, хорошо работают и умножают общественное добро.

В новелле «Академики и пастух Сагьаса» снова видим Н. Лакоба, на сей раз с учеными, инженерами. Нестор Лакоба интересовался строительством г. Ткварчели, он хотел, чтоб среди гор Абхазии вырос прекрасный город. Так и получилось.

Нестор Лакоба к строительству привлек лучших архитекторов, даже академиков. Среди них был академик Гельфрейх, тот самый, что построил библиотеку им. Ленина в Москве, автор Каменного моста, памятника Ленину в Ленинграде. К строительству был привлечен академик Щуко и другие известные инженеры. Они осмотрели село Ткварчели, где предполагалось выстроить город. И вот, когда обсуждался окончательный проект города, пастух Сагьаса вносит предложение отдельно построить дорогу для прогона скота. Это предложение понравилось академику Гельфрейху. «Упрек его совершенно справедлив!» — заметил он.

Вообще о новеллах М. Лакербая можно многое

сказать. Это поистине беллетризованная история нашего края, живописное изображение духовной культуры народа.

Из биографии М. Лакербая мы узнаем, что ему не удалось осуществить издание своих новелл в двух книгах. В первую он намеревался включить новеллы, построенные на фольклорном материале, а во вторую — основанные на впечатлениях реальной жизни.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В 30-е годы коренным образом изменился облик абхазского села, быт и миропонимание абхазского крестьянина, изменились взаимоотношения между ними, отношение к общественной деятельности. Все эти изменения, происшедшие на основе социалистических принципов, не могли не повлиять на развитие художественной литературы.

Лакербай становится драматургом в тот период, когда с пафосом внедрялась новая, доселе невиданная советская жизнь. Вначале он писал киносценарии, в которых изображал победу социалистического строя, его светлое будущее. У него были тесные творческие и дружеские контакты со многими деятелями грузинской культуры, которые высоко ценили вклад М. Лакербая в развитие абхазского искусства.

Академик Г. Джибладзе о М. Лакербае писал: «М. Лакербая я, конечно, знал. Не раз встречался с ним в Абхазии и Тбилиси, но между нами не было близких взаимоотношений.

М. Лакербай бесспорно талантливый писатель. Его сочинения произвели на меня хорошее впечатление. Правда, я не читал его пьес, но видел спектакли, которые ставились на тбилисской сцене, например «Хаджарат». И мне понравился не только спектакль, но и литературная основа, на материале которой был построен этот спектакль, настолько умно, жизнеспособно была она задумана. На сцене действовали реальные, выхваченные из гущи жизни люди, приятно воспринимались диалоги действующих лиц. Я, конечно, убедился, что М. Лакербай хороший драматург».

Сохранившиеся в архивах М. Лакербая и А. М. Баланчивадзе письма подтверждают их тесное творческое

214

сотрудничество, их духовную близость; они рука об руку трудились на благо искусства.

Зная об этой дружбе, я и пришел к известному грузинскому композитору Андрею Баланчивадзе. Меня, гостя, прибывшего из Абхазии, приняли сердечно. Как обрадовался композитор, когда узнал, по какому поводу пришел я к нему! С удовольствием вспоминал он М. Лакербая.

«С абхазским писателем Михаилом Лакербаем я познакомился в Тбилиси в 1939 году. Тогда я был доцентом и работал заведомом Тбилисской консерватории. С первой же встречи он мне очень понравился как человек. До него я не встречал такого интеллигентного абхазца и не знал Абхазию. Благодаря Михаилу Лакербаю я хорошо узнал и полюбил Аpsны.

Когда беседуешь с ним и слушаешь его, невозможно не влюбиться в его родину и народ. Он умел с особой теплотой вселять в других свою безграничную любовь к своему народу. Такого второго человека я не встречал ни тогда, ни после.

В 1939 году в районах Абхазии мы провели музыкально-этнографические экспедиции. Тогда я записал абхазские народные музыкальные песни и мелодии: «Песня о раненом», «Песня о

скале». Были в Гагрском, Гудаутском и Очамчирском районах. В экспедиции вместе с нами был Михаил Лакербай. Он записывал слова, т. е. текст песен. Также он собирал материалы для новелл, позже эти новеллы принесли ему мировую известность.

Наша совместная работа была очень интересна. Она помогла нам полюбить друг друга, мне хорошо изучить Абхазию и стать к ней близким.

Чем дальше уходило время, тем больше крепла наша дружба и совместная работа. Он написал из новой абхазской жизни либретто для оперы «Амра» (солнце). Либретто перевел на грузинский язык В. Патарая. На тему колхозного цветоводства написал оперу «Счастье», однако на сцене она обрела жизнь лишь после окончания войны. Затем мы приступили к написанию либретто новой оперы «Золотая свадьба». Здесь собрано было много абхазских народных песен самим М. Лакербаем. Опера начинается песней «Шардаамта».

Много у нас с Михаилом было совместных работ,

215

однако о них говорилось в печати и останавливаться на них я не буду.

Его мягкий, человеческий и мужественный характер, высокая культура, эрудиция и интеллигентность вызывали особую любовь и уважение».

Привожу отрывок из одного письма Лакербая: «Культура, если когда-либо она существовала, не исчезает. История сама скажет свое, — история суровый судья. Именно истории известна роль А. Баланчивадзе в деле развития абхазской лирической музыки. С фотоаппаратом в руках он обошел почти все абхазские села. Собирал, записывал народные песни, изучал варианты мелодий. Об этом должно быть сказано где нужно и когда нужно. Крепко жму руку. Москва, 1959 год, 15 января, М. Лакербай».

Большая переписка существовала между композитором и М. Лакербаем. Но всех писем здесь мы не можем привести в свидетели. Для этого нет ни возможности, ни места. Такая творческая дружба оказалась очень полезной для абхазского драматурга. Она расширяла его творческий диапазон. Вдохновляла на создание новых произведений.

«Дорогой Андрей!

Еще до отъезда в Москву я дал постановщикам «Счастья» русский текст канцонетты Махаза и просил их перепечатать и прислать тебе копию (может быть, нужно что-нибудь изменить?). Однако, зная нерасторопность сухумских чиновников, допускаю, что они тебе ничего еще не посылали. Поэтому посылаю тебе отсюда этот русский текст. Если что-либо не так, не подходит, напиши мне, и я сразу же сделаю все, что еще нужно. Послал отсюда я им и другие тексты, которых там тогда не хватало.

Если будешь в Москве, обязательно черкни мне открытку, а еще лучше, если дашь депешу по адресу: Москва, Д-103, Проектируемый проспект, 20, кв. 45, и дай знать, где остановился. Ты мне очень, очень нужен в Москве. Жму дружески руку.

Михаил Лакербай.

Москва, 17 августа 1961 года».

Такие же близкие творческие взаимоотношения были у него с композитором Дмитрием Николаевичем Шведовым, который с большим уважением относился к абхазской культуре и преданно служил ей.

«М. Лакербая я впервые увидел в 1936 году в Тбилиси. Меня с ним познакомил профессор Е. А. Бронский, с которым дружил Миша. Тогда у М. Лакербая была уже написана пьеса «Махаджиры». Он передал мне хорошо переведенную на русский язык эту пьесу, которая мне понравилась. Начал думать, какого характера музыка больше подошла бы к ней. Решили с этой целью поехать в Сухуми и у председателя абхазского правительства Н. Лакоба просить поддержки. Так и поступили. В самом начале нам сказал Лакоба, какое, мол, время думать пока об опере! Но потом, задумавшись, пообещал поддержку для выполнения и изучения абхазского музыкального фольклора. Он счел целесообразным организовать экспедиции. И мы ездили и записывали народные песни и мелодии. Так наша мечта стада явью.

Директор консерватории А. В. Хоперия дал мне хорошую рекомендацию. Руководство Абхазии нас финансировало. Членами нашей экспедиции, кроме нас двоих, стали И. Лакербай, К. Ковач. Материалы собирали как в Гудаутском, так и Очамчирском районах. Из-за болезни Ковач не всегда участвовал в работе экспедиции, зато везде нас сопровождал и помогал в собирании абхазских песен И. Лакербай.

26 октября 1937 года в Тбилисском оперном театре им. З. Палиашвили была представлена опера «Махаджиры», пели Е. Гостенина, С. Инашвили, Г. Ломидзе. Художественный совет принял оперу и включил ее в оперный сезон 1937—38 гг. Но, к сожалению, не до оперы было тогда. Перед войной эта опера была поставлена в Москве в Доме актера. Позже на основе этого спектакля М. Лакербай создал оперу «Аламыс», над либретто работали мы вместе. Опера была принята в Абхазии, из певцов в спектакле были заняты Т. Аджапуа, А. Авидзба, Б. Амичба и др.

Михаил Лакербай был человек образованный, интеллигентный, много слышавший и много видевший на своем веку, весьма терпеливый и выносливый, очень сдержанный, хотя из-за тяжелой болезни в последнее время стал раздражительным и нервным».

Вот что писал о М. Лакербае профессор консерватории заслуженный деятель культуры Грузинской ССР и Абхазской ССР Д. Н. Шведов.

А заслуженный деятель культуры Грузинской ССР

профессор Г. З. Чхиквадзе так характеризует его: «Михаил Лакербай был человек с открытым сердцем, он легко устанавливал контакты с людьми, был великодушный человек».

В 1940 году Михаил Лакербай и Г. З. Чхиквадзе вместе участвовали в работе экспедиции, собирали фольклор и народные песни. По мнению Г. Чхиквадзе, М. Лакербай оказал им неоценимую услугу.

«Эта экспедиция, — писал Г. Чхиквадзе, — от других экспедиций отличалась тем, что раньше происходила запись только мелодий. А сейчас мы записывали и текст. В этом деле неоценимую помощь оказал нам М. Лакербай. Братья Лакербай, безусловно, являлись украшением своего народа. По сценариям М. Лакербая сняты фильмы: «Ткварчели», «Табак», «Киараз», «Амахаджир», «Улыбка Амры», «Цветы Абхазии»... Этими фильмами автор знакомит нас с абхазскими историческими памятниками, советскими хозяйствами, с колхозами, с абхазской природой, с ее культурой и экономикой, с ее искусством».

В годы работы в Москве на фабрике «Восток-фильм» М. Лакербай писал своему брату Ване: «Для пропаганды абхазской культуры недостаточно только лишь художественной литературы. Одним из способов пропаганды я считаю кино. Оно доступно миллионам зрителей. Поэтому я и

начал работать над киносценариями и поставил вопросы о съемках фильмов».

Фильм «Улыбка Амры» — о достижениях республики в строительстве новой жизни, о тех, кто стремится приумножить красоту и богатство ее. Герои М. Лакербая — это те, кто не жалеет сил и здоровья, те, кто охвачен пафосом социалистического строительства.

Уже первые кадры фильма ясно говорят нам, что автор видит не ту старую Абхазию, забитую, растерзанную, замученную царскими чиновниками, иноземными захватчиками и местными феодалами, а видит Абхазию новую, озаренную живительными лучами Октября.

В сценариях и либретто М. Лакербая зачастую действуют одни и те же персонажи, он не меняет их имен, облика, характеристик. Все это позволяют законы жанра.

В короткометражном фильме «Цветы Абхазии»

218

быстро сменяются картины дивной по красоте и богатству природы Абхазии, перед зрителями предстают достойные сыны Абхазии. С экрана льется песня «Люблю Абхазию» (слова М. Лакербая, музыка А. Баланчивадзе). Эта мелодичная песня звучит на протяжении всего фильма. Слова и музыку песни дополняет дикторский текст. С экрана слышится голос солиста:

Люблю Абхазию,
Жемчужину мою,
Страну цветов, страну садов,
Страну героев, мою Абхазию.

Автор показывает исторические памятники, сегодняшние плантации, совхозы, колхозы, исполинские горы под вечной шапкой снегов, сбегающие с них потоки, зеленые доли.

Фильм писателя рассказывает о том, что окрепли экономика и культура Абхазии. Фильм знакомит также с прошлой и настоящей культурой абхазского народа, с его певцами, танцорами, артистами, сказителями.

Фильм носит очерковый характер. Дикторский текст дополняет кадры. Каждый, кто посмотрит фильм, надолго запомнит яркие, впечатляющие картины современной жизни Абхазии.

М. Лакербай ярко запечатлел в своем сценарии- киноочерке «Тайны Диоскурии», или «Истории затонувшего города», исторические памятники культуры Сухуми.

Фильм короткометражный, текста в нем мало. Но не может не удивить, как много мыслей сумел вложить в него автор, как хорошо он знает историю города, в частности материалы по археологическим исследованиям.

Ведь не зря писал А. П. Чехов:

«Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительна до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично...

Если бы я прожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах,

219

с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать» (1).

М. Лакербай зрителю кратко пересказал историю Сухуми. Возбудил интерес к этой истории, завладел его вниманием. В фильме прослеживается период от аргонавтов и до наших дней (фильм был поставлен в 1963 г.).

Необходимо заметить, что он первым из деятелей абхазской литературы и искусства обратился к созданию киносценариев. Со времени первых фильмов, пусть в небольшом количестве, но все же появились художественные фильмы из абхазской жизни: «Весна в Сакене», «Кто оседлает коня?», «Белый башлык», «В ночь на новолуние» и ряд документальных фильмов.

О киносценариях Лакербая следует повести отдельный разговор, они так же заслуживают внимания, как и его литературные произведения.

В развитии национальной культуры нет дел малых и больших, тут все важно. Подобно тому, как море состоит из капель, так и большое состоит из малого.

М. Лакербай написал либретто для лирической оперетты по мотивам своей известной комедии «Потомок Гячей». В этой оперетте много песен, романсов. Прекрасны арии Шазины, хор, дуэты, романсы.

Либретто оперы «Назира» посвящено махаджирству. Оно близко по содержанию к исторической драме «Чудесный сплав». Здесь также много ярких поэтических и драматических сцен.

Одним из тех, кто лично хорошо знал М. Лакербая в ту пору, — был ученый, журналист М. Т. Бгажба.

Воспоминания М. Бгажба открывают неизвестные страницы жизни писателя.

«Дело было где-то между 1945—1965 годами. Я работал в первом доме Совета Министров СССР. Примерно в 6 часов вечера мне позвонил Михаил Александрович Лакербай. Спустившись в бюро пропусков, я встретил там высокого, худощавого, со светлыми глазами человека, — это был Михаил Александрович Лакербай — писатель, давно живущий в Москве. Затем мы отправились в сторону Пушкинской площади, и по пути он сказал, что на улице Горького живет Мин-

1 Чехов. А. П. Собр. соч. в 12-ти тт., т. 11. М., «Художественная литература», 1963, с. 236.

220

дели — заместитель министра угольной промышленности, с которым он знаком, и что он один из приближенных к Серго Орджоникидзе людей. Минут через сорок мы уже были у Миндели, которого застали дома в одиночестве. Хозяин встретил нас словами: «Дорогой Михаил Александрович! Я хотел тебе своими руками сварить абысту (мамалыгу), я ведь знал, что ты человек пунктуальный, и, как мы договорились вчера, знал, что придешь вовремя. Но дело сорвалось, мы оба приглашены к Миха Цхакая, а наш общий друг Бгажба, надеюсь, не откажет в любезности быть нашим спутником?...»

В это время заглянул секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Немсадзе Шота Батломович. Миндели добавил: «Вот еще один надежный спутник!»

Миндели оказался добрым человеком, с широким кругозором. Чувствовалась школа Серго Орджоникидзе.

Спустились на улицу, сели в машину «Зим» и через некоторое время были уже на квартире Миха Цхакая. Он тепло отнесся к нашему визиту. Когда Миндели сказал, что с нами писатель Лакербай и государственный чиновник Бгажба, Цхакая сказал:

— Для меня важно то, что у меня в гостях абхазцы! — и просил Миндели заглянуть на кухню и изменить меню обеда, сделать его чисто абхазским.

Во время обеда Немсадзе стал рассказывать, почему он приехал из Тбилиси, и подчеркнул «одержанную им победу» — добился получения штатной единицы для корреспондента «Пионерской правды». Миха Цхакая доброжелательно улыбнулся, а Миндели в шутку добавил: «Неужели у вас своих кляузников не хватает, еще из Москвы подкрепление берете?»

В это время Михаил Александрович о чем-то рассказывал Миха Цхакая, а тот, слегка улыбаясь, одобрительно кивал головой.

Вечер был насыщен юмором, шутками. Насчет Нестора Лакоба Цхакая сказал коротко: «Это был ленинец, мудрый и дипломатичный, имел отличный почерк не только с точки зрения письма, но и в жизни и деятельности. Мы дружили».

Через несколько дней Лакербай снова явился ко мне, погода была холодная, пальто на нем было демисезонное, явно не по погоде. На мое замечание, что он

221

слишком легко одет, ответил: «Это полбеда! Беда в том, что в троллейбусе потерял перчатки». Я с удовольствием предложил свои шерстяные под цвет его коричневатого пальто. Он сопротивлялся, но я силком заставил надеть их. Приятно то, что он до самого износа, в течение десяти с лишним лет, не расставался с ними.

В этот раз он шел к писателю Алексею Толстому, который договорился встретиться с ним в Московском Художественном театре им. Горького. У него было два билета, которые ему дал Алексей Толстой. Одно место оказалось рядом с известным писателем, а другое на пять рядов позади.

Около Алексея Толстого крутились человек пять-шесть, которых я не знал. Лакербай сел с Алексеем Толстым, а я ограничился тем, что удостоился его рукопожатия.

Помню, однажды в Доме Союзов состоялся доклад писателя Александра Фадеева, и Лакербай принес мне пропуск. Когда мы зашли в зал, я отправился на свое место. Лакербай некоторое время разговаривал у сцены с Александром Александровичем Фадеевым и затем пришел и сел рядом со мной.

В этот вечер произошел один случай, который я запомнил навсегда. Кто-то из присутствующих бросил реплику в адрес докладчика: «Когда у нас, наконец, будут классики?» Фадеев на это ответил: «Вы имеете в виду таких гигантов, как, например, Пушкин, Чехов, Гоголь, Лев Николаевич Толстой, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, Достоевский и другие? Это, дорогие, продукт тысячелетия — поживем, и мы будем иметь таких классиков, каких имеет в виду автор реплики!»

Лакербай любил конный спорт. Однажды, в воскресный день, он позвонил мне: «Михаил Темурыпа! Имею два билета на ипподром!» Через некоторое время мы были в ложе ипподрома, что на Беговой улице. Никогда не думал, что Михаил Александрович такой страстный, я бы сказал, безудержный болельщик конного спорта, и был удивлен, когда он перечислял жокеев пофамильно и лошадей поименно.

На двухкилометровых скачках он сделал ставку на вороного коня, как он сказал — на «Чардаша». На эту лошадь сделали ставку еще девять человек. Выигрыш был в сумме 10 000 рублей; Михаилу Александровичу

222

всего досталась 1000 рублей, и тут же 500 рублей он передал мне и добавил: «Если двое спутников найдут находку, то должны делить ее пополам». Пока мы делили «добычу», к нам подошел маршал Семен Михайлович Буденный. Семен Михайлович знал меня по службе.

Семен Михайлович спросил: «Товарищ Бгажба! Откуда вы знаете Михаила Александровича?» Когда я сказал, что мы земляки, он улыбнулся и добавил: «У вас был великий земляк, мой друг Нестор Лакоба, который, кстати, научил меня петь абхазскую песню «Смыр Гудиса».

Выяснилось, что Буденный был в близких дружеских отношениях с Михаилом Александровичем.

Однажды, дело было осенью, стояла теплая погода. Ко мне на дачу в поселок Валентиновка (недалеко от Монино) приехал Михаил Александрович. День был воскресный, и я решил своего гостя принять по-абхазски. Зарезал козла (ашьтэа). У меня на даче было несколько голов коз, и он заметил, что это — национальная черта: где абхазец, там и коза.

Наконец сели мы обедать: Маршал Советского Союза А. А. Говоров (сосед мой по даче) и были еще народные артисты СССР Москвин и Тарханов (родные братья), которые приехали к одной моей соседке, своей родственнице.

Москвин сказал Михаилу Александровичу: «Были бы рады в нашем театре увидеть пьесу (желательно комедию) из абхазской жизни». Брат Москвина добавил: «Мы несомненно переоделись бы в черкеску, хотя для этого нужно иметь известное сложение».

К концу обеда подъехал Иван Векуа, уроженец Гудауты, мой однокашник. Михаил Александрович почему-то молчал о своих произведениях, и когда однажды я спросил его, что это за книжка торчит из твоего кармана, он сказал: «Да это ничего, вчера вышли мои новеллы». И он подарил мне книгу с надписью: «Моему любимому другу от всего сердца».

Михаил Александрович был женат на еврейке, и через него мы познакомились со многими деятелями национальной культуры этого древнего народа, ходили в еврейский театр, очень часто навещали Театр сатиры

223

на Маяковской площади, где ведущим комиком был заслуженный артист СССР Хенкин, дальний родственник жены Миши. Он подарил нам постоянные пропуска, и мы долго ими пользовались.

Даже в Госцирке Лакербай был свой человек. Это и неудивительно, ведь его другом был известный комик Карандаш (Румянцев). О степени их дружбы могу судить по тому, что однажды, когда Карандаш находился в Харькове на гастролях, Михаил Александрович поехал туда и перед отъездом сказал, что у него там кое-какие дела, «но главное — хочу посмеяться от души, отдохнуть, там ведь гастролирует Карандаш!».

Много было разных встреч с Михаилом Александровичем, но все не упомнишь. Когда меня перевели работать в Абхазию, в мой родной край, Михаил Александрович неоднократно навещал меня. Однажды мы с ним поехали в Тбилиси на машине, где его произведения

перекладывались на музыку. Много раз на квартире Шведова мы слушали фрагменты из этой большой музыкальной поэмы. Миша был автором либретто.

Как-то Михаил Александрович решил перебраться из Москвы в Абхазию. Место мы с ним выбрали, он хотел жить в г. Гудаута. Но он все время был занят издательскими делами, спорами с редакторами, журналистской работой и т. д. и не смог вплотную заняться своими личными делами.

Да, это был удивительный человек, со спартанским характером, — жил, не обращая на себя никакого внимания, правда, одет был всегда элегантно. Должников у него тоже было много, он их не считал должниками, долги обратно не брал. Считал, что от этого, как он говорил, лишний зуб у него не прибавится, а иметь человека, хорошо расположенного к себе, куда лучше, чем возврат каких-нибудь незначительных сумм.

Самое главное — Михаил был опытным, повидавшим жизнь человеком. Он часто повторял: «Надо знать много, чтобы написать мало».

К сожалению, мы не вели дневников, всего сразу не вспомнишь, но скажу одно — он всегда останется в моей памяти как интересный, незабываемый человек».

224

* * *

В своих коротких пьесах писатель порицал бездельников, туенядцев, вымогателей, людей, которые свои личные интересы ставят выше общественных. Этим людям он остро высмеивал в своих пьесах-миниатюрах. М. Лакербай первым в абхазской литературе обратился и к скетчам.

Но из его пьес-миниатюр не все вошли во второй том сочинений.

В пьесе «Всезнайка» два действующих лица — врач и старик-крестьянин. Автор не называет их имен, но очень ясно вычерчивает характеры. Врач не слушает пациента, не дает ему слова сказать. Он по глазам установил диагноз. Заключил, что у старика малокровие, легкие никуда не годны, печень тоже повреждена, и еще тысячу разных болезней обнаружил он...

Крестьянин хочет ему сказать о своей беде, но врач не слушает его, он повторяет свое: «Вы, крестьяне, все одинаковы...» И только после того, как он поставил свой диагноз, врач пациенту разрешает произнести слово. «Ну, говори, что ты хотел?» — «Я хотел сказать, — отвечает крестьянин, — что в правом глазу, что ты только что смотрел, у меня стеклянный протез, вот что я хотел тебе сказать, и еще хотел сказать — смотри в другой глаз». — «Как это стеклянный глаз? Почему сразу не предупредил?» — возмутился врач.

Здесь высмеивается неграмотность врача, который по стеклянному глазу ставит диагноз больному! Сатира писателя направлена на то, чтобы в жизни не повторялись подобные бредовые случаи. Пьеса заставляет задуматься. Такого же характера маленькие пьесы «В одной столовой», «Приступ почки», «Официантка» и др.

Одним из горячих поклонников и почитателей творчества Михаила Лакербая был Шалва Цвижба, который писал: «После того, как я прочитал стихи Михаила Лакербая «Дмитрию Гулия», богом представил себе человека, кому были посвящены эти стихи. А с самим автором стихов позже, в 1962 году, познакомился в Москве. Он сам пришел ко мне в гостиницу после того, как прочел мой «Волшебный сад». Всмотривался в нашего большого писателя — в автора бессмертных абхазских новелл. Видно было, что много

225

пережил он в жизни. Высокий, поджарый, приятной наружности. На лице печать доброты и ума. Мы сидели долго. До сих пор незнакомые, беседовали, как старые друзья. Трудно было нам расставаться. Проводил я его домой.

— Я всегда боюсь переходить улицу Горького, — сказал он.

— Не должен бояться, а то мы оба погибнем, — ответил я.

— Ты прав, — сказал он. Хотел еще что-то сказать, но сдержался. По лицу было видно, что трусом и пессимистом его не назовешь, что подтверждала и его биография».

Михаил Лакербай прославился еще пьесой «Потомки Гячей», лирической комедией, включенной в 1956 году в сборник «Пьесы и скетчи». Вот что пишет народный артист СССР и Абхазской АССР директор театра им. С. Я. Чанба Ш. Пачалия, который дал вторую жизнь этой пьесе: «С известным абхазским писателем М. Лакербаем я познакомился в Москве в 1939 году, в период учебы на годичных курсах руководителей театров. А по возвращении в Сухуми меня ожидала встреча с его пьесой «Потомок Гячей». Прочитав пьесу, сразу догадался: это то, что я искал. Прошло немного времени, и он нам представил вторую пьесу «В овраге Сабиды», а еще позже «Данакей»...

Всем этим трем пьесам мне посчастливилось дать сценическую жизнь. Во время работы над пьесой Лакербай не признавал отдыха, присутствовал на репетициях, следил за каждым актером. Если что не нравилось, прямо говорил об этом ему в лицо. Не ленился исправлял, редактировал каждое предложение. По первому замечанию менял их, приносил новый вариант. Так же внимательно слушал режиссера-постановщика. Хотя он жил в Москве, он был готов немедленно приехать, хотя бы из-за одного слова.

Нас очень сблизил пьеса «Потомок Гячей». Должен вам сказать, что до этого никогда я не встречался со столь скромным, интеллигентным абхазцем. Не знаю другого абхазца, столь влюбленного в театр не только потому, что ставились его пьесы».

Любовь к театру ему привили Москва и Тбилиси, где он часто посещал спектакли, наблюдая за большими мастерами сцены, вникал в интересы театральной жизни.

226

ни. «В абхазской драматургии впервые возникает и такая жанровая разновидность бытовой комедии, как комедия лирическая. Вот к такой разновидности комедии можно отнести, по нашему мнению, пьесы М. А. Лакербая «Потомок Гячей» и «В овраге Сабиды».

В пьесе «Потомок Гячей» сатира начисто отсутствует, здесь не звучит обличительный смех. По своей тональности — это веселая жизнеутверждающая комедия, пронизанная светлым и жизнерадостным юмором. Она основывается на одних положительных характерах. Это, конечно, не значит, что герои здесь совершенно идеальные. Просто со всеми человеческими «грехами» они оставались советскими людьми, создающими новую жизнь и преданными ей» (1).

Комедия «Потомок Гячей» с присущим писателю пафосом отражает жизнь Апсны. До М. Лакербая ничего подобного не было создано в абхазской драматургии. Он явился в этом отношении новатором. Идейное содержание, форма пьесы, постановка актуальных вопросов — все это было ново. Всем этим привлекал он внимание читателя и зрителя. Здесь сатира не выступает на первый план, пьеса пропитана лишь сочным юмором и воспевает утверждение новых законов жизни. Герои пьесы отличаются друг от друга характером, уровнем знаний, возрастом и внешностью. Но все вместе взятые являются детьми своего времени и служат

утверждению новых светлых идеалов. Конечно, они не без недостатков, у каждого свое достоинство и свои слабости.

Комедия «Потомок Гячей» была представлена на абхазской сцене. Спектакль прошел с успехом, о чем свидетельствует тогдашняя пресса.

Хотя некоторые старые традиции еще живут, особенно среди пожилых, стариков, однако они уже не могут быть помехой в борьбе за светлое будущее.

Как бы герои пьесы ни были правдивы, честны, благородны — но они люди, не лишены недостатков. Они, как и все смертные, имеют привычки, слабости, но самое главное это то, что они, не жалея сил, целиком посвящают себя утверждению новой жизни. Их борьба за новые идеалы перекрывает их незначительные просчеты и некоторые слабости характера.

1 Дарсалия В. В. Абхазская советская драматургия. Тбилиси, «Мецниереба», 1968, с. 107.

227

В пьесе «Потомок Гячей» мы встречаемся с директором цветочного совхоза «Счастье» Адамыром, с молодым агрономом, недавней выпускницей университета Шазиной, с ее отцом цветоводом-мичурином Хаджаратом, агрономом совхоза Варлаамом, лаборанткой Нателой, пастухом Шаабаном и другими.

Дружный коллектив цветочного совхоза «Счастье» и его директор Адамыр прикладывают немалые усилия, знания, опыт, чтобы вырастить новые сорта цветов.

В их усилиях объединяются наука и практика. Вначале в совхозе проводят много опытов, но безрезультатно. Директор совхоза Адамыр и агроном Варлаам уже было пали духом. Но тут на помощь им приходит цветовод-энтузиаст абхазский Мичурин — Хаджарат. Он еще в ранней молодости из-за семейных неурядиц уединился — поселился один у самого подножия гор. Его трудолюбие и жизненный опыт помогли совхозу в подборе хороших семян цветов. Пьеса заканчивается победой коллективного труда: выведен новый сорт «Аупышал пшидза». Этот сорт попадает на Сельско-хозяйственную выставку в Москве. Сорт единогласно одобряется учеными-цветоводами.

Основная идея пьесы — отношение людей к новым условиям труда.

Все персонажи — главные или второстепенные — несут определенную нагрузку. Они так удачно выписаны автором, что постоянно дополняют друг друга, раскрывают идейный смысл пьесы.

Безусловно, в одной и той же пьесе не бывает так, чтобы все роли были равнозначны. В этой пьесе тоже. Подобно тому, как разнятся пальцы руки, так и в пьесе «Потомок Гячей» не равнозначны по своему значению персонажи.

Читателя (а также зрителя) прежде всего при знакомстве с пьесой впечатляют образы директора совхоза «Счастье» Адамыра, агронома Варлаама.

В.В. Дарсалия пишет: «Адамыр — это тип нового героя в абхазской литературе, очень удачно подмеченный автором».

Адамыр молодой, полный сил и энергии, он всего себя отдает общему делу. Для него любимое дело — превыше всего.

В пьесе Адамыр показан человеком значительным,

228

уважаемым, хорошим руководителем, отлично знающим свое дело.

Нельзя не обратить внимание на то, что в конце 30-х годов еще мало было хороших специалистов в Абхазии, в республике только-только формировались местные национальные кадры.

Не в характере Адамыра зазнайство, высокомерие. Он не старался выделяться, прислушивался к предложениям коллектива, применял в практике наиболее ценные из них.

Адамыр дорожил законами чести своего народа. Его характер раскрывается в процессе работы, в процессе общения с коллективом.

Другой герой пьесы — Варлаам и по знаниям и по качеству работы ни в чем не уступает своему директору. Он прекрасный специалист.

Но по характеру во многом отличается от Адамыра. Он сизмальства был труслив. И тому есть причина — в детстве он перепугался грозы, и с тех пор страх поселился в нем. Из-за страха он переименовал даже свою фамилию. В молодости Хаджарат был помолвлен с матерью Варлаама, но случилось так, что умыкнул ее — отец Варлаама. Варлаам, испугавшись, что Хаджарат, узнав, кто он, будет его преследовать, взял себе новую фамилию — Гечба.

С Варлаамом связано множество комедийных эпизодов. Возьмем, например, первую встречу Хаджарата с Варлаамом. Они встретились там, где живет Хаджарат. Когда Варлаам шел туда, понятия не имел, что они с Хаджаратом враги. Об этом ему по дороге поведал пастух Шаабан. Это очень выразительная, запоминающаяся сцена. Так же ярка сцена отлета Варлаама в Москву.

Позднее, когда он возвращается из Москвы с гибридными сортами цветов, мы видим, что страх преодолен. Вот сцена встречи Варлаама и Хаджарата.

«Мне было страшно, но не за себя. Я боялся, что это повредит делу. Боялся за выведенный нами сорт. Теперь же, когда все позади и мы вышли победителями благодаря тебе, мне ничего не страшно. Отец и мать — Сит и Ардзинпха Каитматхан — очень давно, когда еще меня на свете не было, нехорошо обошлись с тобой. Если ты считаешь нужным отомстить мне за

229

них, дело твое — поступай, как находишь нужным! (Указывает на свою грудь.) Я готов!»

Это говорит о бесстрашии, так как трудно было ждать пощады от Хаджарата, который явно был зол на Дбаров и держал в руке острый кинжал, во-первых, потому, что Хаджарат был человек старого склада, во-вторых, Хаджарат не знал хорошо Варлаама, поскольку тот был долгое время скован поступком родителей — Сита и Каитматхана. И все же этот кульминационный момент показывает, что Варлаам избавился от страха. Одного полета в Москву недостаточно, что и говорить, чтобы избавиться от чувства, угнетавшего Варлаама с детства.

В пьесе «Потомок Гячей» действуют две девушки — Натела и Шазина. Шазина — агроном, в те времена очень редко можно было встретить женщину-агронома. И автор не случайно ввел в пьесу ее образ! Шазина очень хорошо понимает, как важна ее специальность в сельском хозяйстве.

Ее отец, Хаджарат, на какое-то время ставший отшельником, хотел, чтобы и дочь осталась с

ним. Но Шазина заявила: «Я училась, чтобы приносить пользу своему народу, и я должна ему служить». Отец не стал возражать, дочь убедила его.

Шазина во всем чиста, как горный родник. Она убеждает отца отказаться от единоличного ведения хозяйства, вовлекает его в колхоз. Шазина достойна настоящей любви. Она и Адамыр поженились. Их счастье делает счастливым и Хаджарата.

Близка по характеру Шазине лаборантка совхоза «Счастье» Натела. Девушка очень любит свое дело, совершенствуется в нем. Мила, умна. Натела любит Варлаама. И он любит ее, однако девушка требовательна, принципиальна. Она полусерьезно указывала Варлааму на его слабости, ошибки. Благодаря ей, он избавился от своих недостатков. Натела активно участвует в общественной жизни совхоза, она передовая работница.

Новый социалистический образ жизни пробудил абхазскую женщину. Прежде со страхом взиравшая на свою участь, она теперь становится хозяйкой жизни, участницей тех грандиозных перемен, которые вершатся в Абхазии. К таким женщинам относятся и Шазина

230

с Нателой. Они типичные представительницы девушек тридцатых годов.

Наши абхазские писатели не случайно в свои произведения вводят образы мудрых стариков (хотя, возможно, и слишком часто). Они используют их знания, их человечность для реализации своих авторских замыслов. Абхазские старики сохраняли и развивали язык, хранили древние традиции. Поэтому, когда наша литература окрепла, в ней одно из центральных мест заняли образы стариков.

Хаджарат из комедии «Потомок Гячей» — очень оригинальный, интересный образ. Изведав горечь любви, он еще совсем молодым ушел из родного села и поселился в верховьях Бзыби. Жил отшельником, не спускался в долину. Ему казалось, что люди с укором смотрят на него. Жил одним желанием — отомстить сопернику. К счастью, перемены, происшедшие в жизни Абхазии, раскрыли ему глаза. Но все равно обида долго не проходила, не давала ему покоя.

Когда в Абхазии установилась Советская власть, Хаджарат спустился с гор, предложил свои услуги в выращивании цветов. Однако он наткнулся на бюрократа, который грубо его оборвал: «Сейчас не до твоих цветов». Хаджарат ушел обиженным и не давал о себе знать, пока его не разыскали односельчане, не уговорили вернуться. И Хаджарат переселился в совхоз, начал передавать цветоводам свой опыт. О нем знают уже в Москве. Называют абхазским Мичуриным. Он скромно возражает: «Далеко мне до него».

Хотя Хаджарат и встал на сторону новой жизни, поддерживает молодых, новые порядки, однако окружающие неспокойны: опасаются за Варлаама. Стараются скрыть от Хаджарата, чей сын Варлаам. Боятся, что он, узнав об этом, уйдет из совхоза, и потом — откуда знать, как старик обойдется с Варлаамом?! Поэтому Варлааму вместо его подлинной фамилии Дбар дали дворянскую фамилию Гечба.

Узнав об этом, Хаджарат говорит: «Я знаю, чего вы устрашили. Думаете, он столько лет прожил в горах, в лесу, одичал. Темный человек, решили?»

Сильна в комедии сцена, где Хаджарат проверяет мужество Варлаама. Он давно отказался от мести, но ему интересно знать, трус Варлаам или нет. И он бросает вызов.

231

«Хаджарат. Я сейчас вымещу свою злобу на тебе! (Выхватывает из ножен кинжал. Варлаам не

трогается с места.) Вот наконец наступила долгожданная минута! (Хаджарат рассматривает свой кинжал — то с одной, то с другой стороны.) Сейчас я тебя прикончу!

Варлаам (не сходя с места). Кончай, что задумал, раз уж ты такой злой человек! Доводи свое дело до конца!

Хаджарат (протягивает свой кинжал Варлааму). Бери, Геч-Дбар! Вот таким острым должен быть нож, которым мы будем пользоваться в цветоводстве.

Голоса. Благодарим, благородный Хаджарат! Да быть тебе с нами еще сто лет!»

Эта сцена говорит о том, что Хаджарат человек мудрый, дальновидный, понявший смысл нового образа жизни, принявший этот новый строй. Любовь к дочери — один из источников его прозрения. Он окрылен счастьем дочери и произносит слова, которые становятся афоризмом: «У любви свой несравненный цвет».

Каждый писатель хочет, чтобы его новое произведение было лучше, чем предыдущее. Но не всегда так выходит. Этим я вовсе не хочу сказать, что наряду с сильными произведениями у писателя обязательно должны быть и слабые... Но факты упрямая вещь. У Михаила Лакербая наряду с блестящими драматическими произведениями есть и слабые. И на это имеются свои причины.

После того, как с большим успехом прошел спектакль «Потомок Гячей», была поставлена комедия «В овраге Сабиды», которая оказалась очень слабой, и вот почему: в ней не была глубоко и правдиво отражена наша современность. Не были тщательно взвешены и отобраны жизненные реалии. А ведь, как известно, не каждый действительный факт подходит для сценического воплощения.

«У комедии нет твердой основы, на которой должен строиться сюжет пьесы. Эпизоды не связаны друг с другом. Пьеса растянута, растянуты отдельные сцены. Отсюда и вытекает — бесконтрольность, за счет нивелирования противостоящих друг другу явлений» (1).

Несмотря на эти недостатки, пьеса все же понравилась

1 Газ. «Советская Абхазия», 1940, 20 декабря.

232

вилась зрителям. Спектакль поставил Ш. Пачалиа, он же исполнял роль Дзику. Великолепен был в роли птицевода А. Кове, в роли водителя мы увидели И. Гезердава, а старика превосходно изобразил Б. Гицба.

* * *

М. Лакербай не меньше других видел достоинства и недостатки своих комедий — «Потомок Гячей» и «В овраге Сабиды». Он был исключительно самокритичен. Опыт сегодняшнего дня послужил ему уроком на будущее. Учиться на ошибках — таково было его кредо. Почему об этом зашел разговор? А потому, что после «Потомка Гячей» и «В овраге Сабиды» в течение пятнадцати лет автором не было создано ни одной пьесы. Вот что говорит об этом брат Михаила И. Лакербай: «Даже после того, как комедии «Потомок Гячей» и «В овраге Сабиды» были успешно поставлены на сцене абхазского театра, Миша был недоволен, считал, что пьесы должны быть лучше написаны. Отношение людей между собой, их отношение к труду, их общественная деятельность, их полезные открытия нужно было показать достовернее, реальнее. В этом деле необходима большая ответственность драматурга и режиссера».

«Все, чего мне не доставало в этом плане, я вижу и чувствую лучше любого другого. Надо учиться, черт возьми, в искусстве надо постоянно учиться», — повторял М. Лакербай.

Но нагрянувшие вскоре события на многие годы лишили его возможности заниматься творчеством.

И все же много лет спустя после «В овраге Сабиды» М. Лакербай вывел на абхазскую сцену историческую драму «Чудесный сплав». Это было значительное произведение, оно стало хорошим вкладом в абхазскую драматургию. Пьеса была напечатана в первом номере журнала «Алашара» за 1955 г. Писателя беспокоила судьба Родины (Апсны), ее прошлое, настоящее, будущее. Еще в ранней юности задумывался он над тяжелым испытанием, выпавшим на долю его народа. Из-за него обезлюдели, опустели многие районы Апсны — Дал, Цабал и другие. В этом несчастье — в разорении народа — в первую очередь повинны турки, а

233

также провокационная агитация агентов других империалистических держав. Они не без помощи и поддержки царского правительства под чужим небом подыскивали абхазским переселенцам «земной рай».

Когда агитация и пропаганда оказывались бессильны (а это бывало очень часто), тогда насильно угоняли народ на чужбину.

Так случилось и в 1877 году. Царские генералы и турки в сговоре творили черные дела. Они решили полностью переселить аборигенов края — абхазов — на чужбину.

В драме «Чудесный сплав» М. Лакербай показал дружбу и братство абхазов, грузин и русских. Он подчеркивал: «Главной идеей пьесы «Чудесный сплав» является в первую очередь интернациональная дружба народов; в беде народы всегда объединялись, стояли плечом к плечу».

В драме показано время, когда Дал и Цабал были густо заселены абхазами, но, к несчастью, предательство абхазских феодалов, их близорукость, узость национального сознания привели к опустошению этих районов.

При внимательном прочтении драмы нельзя не обнаружить, насколько глубоко М. Лакербай изучил то страшное время. Он подробно ознакомился с научной литературой по этому вопросу, разыскал материалы в архивах. Неоднократно посещал районы, покинутые в те времена абхазами, чтобы ярче представить картину давнего исторического события. О том, что писатель специально посещал эти районы, рассказала его сестра Соня: «Он приходил домой и заявлял: «Сегодня я вернулся из Дала» или «Я был в Цабале». И когда я спрашивала: «Что же там? У кого ты побывал?» — отвечал: «Я был у одного хорошо мне знакомого свана, потом гостил у Гогуа Кыскынджа, но ездил туда не навещать родичей — мне хотелось взглянуть в эти места. Ведь когда-то эти горные районы были густо заселены абхазами. — И, заметив, что я не совсем поняла его, как бы в шутку добавил: — Сестра моя, пишу я одну пьесу, заморочили мы с ней друг другу голову. Герои пьесы из тех мест. Верно, давно они покинули эти места, но я надеюсь найти там хоть какие-нибудь следы».

В абхазской драматургии тема махаджирства не

234

новая. Впервые она была затронута в пьесе С. Я. Чанба «Амахаджир». Спустя несколько десятков лет после С. Чанба М. Лакербай вернулся к этой теме — создал свою историческую

драму «Чудесный сплав».

В драме много персонажей, много характеров. В ней показаны крестьяне, князья и дворяне, русские чиновники, турецкие янычары, русские солдаты, офицеры и т. д. В их числе мужественный абхазский крестьянин Данакай, его правая рука — грузин Елисбар, русский офицер Бессонов — противник политики царя, чистая, как горный родник, девушка Айша; кровопийцы-феодалы Алмахсит, Халыбей, Баталбей; крестьяне — Тлапс, Хабыдж, русские солдаты — Иван, Митя, Вася; младший брат Данакай Адгур, полковник Захаров, начальник Сухумского округа Дундуков, турок Осман и другие.

Жизнь и дела этих персонажей мастерски вплетены в исторические события, происшедшие в 1860—1861 гг в Дале и Цабале.

Автор правдиво изобразил черные дела, которые творили в Абхазии турецкие агенты совместно с царским правительством, предательскую роль абхазских феодалов.

Хорошо известны тогдашние смуты, волнения, недовольство крестьян.

«Героев» типа защитников политики царского самодержавия — Дундукова, Захарова мы встретили уже в пьесах С. Чанба, В. Агрба. А вот образы феодалов-предателей М. Лакербай вывел на сцену впервые. В пьесе встречается множество феодалов — но наиболее отвратительные те из них, кто безжалостно эксплуатирует свой народ. Это кровопийцы — Алмахсит, Баталбей, Халыбей и другие.

Данакай, которого постоянно беспокоили страдания и участь родного народа, выступал в защиту крестьян. Скрываясь от преследований дальских князей, он уезжает в Грузию. Здесь принимает участие в крестьянском восстании 1857 года. Это знаменитое восстание возглавлял кузнец Уту Микава.

Здесь Данакай сблизился с Елисбаром Кварацхелия, одним из ближайших соратников Уту. Князья Дадияни вместе с другими мегрельскими дворянами и царской полицией, задушив восстание, принялись за его руководителей — сажали в тюрьмы, убивали, казнили. Уту

235

Микава сослали в Сибирь. Совершенно случайно Данакаю удастся спасти Елисбара. Они возвращаются в Дал и здесь поднимают восстание дальских крестьян, протестуя против переселения народа в Турцию.

Царская полиция, поняв, что события, развернувшиеся в Дале, принимают серьезный оборот, посылает туда отряды карателей.

Народ, восставший с оружием в руках против своих феодалов, поднявшийся на защиту своих прав, очутился в очень тяжелом положении. И вот тогда к нему на помощь приходят русские солдаты...

Главный герой драмы Данакай Адзынба, человек необразованный (тогда, наверное, образованного крестьянина-абхаза просто нельзя было найти), но он хорошо понимает страдания своего народа, его боль. Он не ограничился одним лишь сочувствием, одним лишь пониманием бед и чаяний народа, он призывал объединиться и выступить с оружием в руках против дальских князей, призывал народ к борьбе за свободу и сам с оружием в руках смело, открыто выступил против притеснителей. По тем временам выступление с оружием в руках против своих господ было неслыханной дерзостью и героизмом. Поездка Данакай в Грузию, безусловно, оказала благотворное влияние на развитие его самосознания. Много ему дало личное участие в крестьянском движении, о котором уже упоминалось. Там он обрел и верного

друга — Елисбара Кварацхелия. Данакай самоотверженно борется против произвола феодалов, со всеми, кто насильно угонял из родных, насиженных мест в Турцию.

Вот как отвечает он князю Алмахситу на слова последнего:

«Довольно, хватит мучить народ! Дай спокойно жить тем, кто остался. Пусть они идут, куда направились. А ты со своими друзьями бросай оружие и убирайся! Так лучше! Поверь мне».

«Нет, Алмахсит! Я и мои товарищи не сложим оружия. Не бывать этому. Старики, женщины и дети — словом, те, кто не способен бороться, пусть идут, а мы, молодые, пока хватит сил, будем бороться и никуда отсюда не уйдем, не покинем Родину».

Таков Данакай. Он сплотил вокруг себя хороших людей, настоящих друзей: Елисбара, русских солдат, лучших абхазских парней!

236

Писатель изображает Данакаю человеком безупречным. Это человек чести, уважающий и соблюдающий благородные традиции своего народа. В беде он не оставит никого — протянет руку помощи, все сделает, чтоб, выручить. А надо будет — и жизни за друга не пожалеет.

Когда Елисбар, его верный друг и брат, влюбился в Айшу, которую он сам сильно любил, Данакай выдает ее за Елисбара, играя свадьбу в доме своего отца Сейдыка. Но когда Елисбар случайно узнает, что Айша любит Данакаю, он понимает все великодушие своего друга и объявляет собравшимся гостям, что женится не он, а его брат. Поступок обоих (Елисбара и Данакаю) граничит с героизмом, для такого поступка надо действительно быть настоящим мужчиной. Этот факт говорит и о том, что эти два народных вожака были людьми высокой морали. А Лакербай, как вы уже, видимо, догадались, использовал для своей пьесы известную абхазскую народную легенду.

Не увенчалась успехом борьба Данакаю за предотвращение махаджирства, опустошили его родину Алмахсит и Алыбей вкупе с турками. И все же борцы верили в будущее.

Послушаем Данакаю: «Судя по всему, нас ожидают в будущем большие дела... С нами вместе будут отчаянно бороться вот эти грузины, русские — они переживают все это так же, как и мы. Вот этот хороший человек говорил Елисбару, что нас соединило общее дело, за которое мы боремся. Такой сплав неразрушим! Да здравствует наше прекрасное братство, наша дружба!»

Данакай понимал, что никакие райские сады не ожидают абхазов на чужбине, что на этой национальной трагедии хотели нажиться абхазские феодалы, но этого не понимали дальские крестьяне, они были в плену предрассудков.

Удался и образ Елисбара. Этот мужественный человек был грозой мегрельских феодалов, он был закален в борьбе с ними. Его имя приводило в дрожь князей и дворян, царских жандармов. Он погибает в борьбе за свободу абхазских крестьян. Умирая, Елисбар завещает: «Сделайте все, чтоб не погасло пламя борьбы».

Дружба Данакаю и Елисбара — это символ дружбы

237

двух братских народов — абхазского и грузинского. Автор еще раз убеждает нас, что они и в горе и в радости рядом — в горе помогут друг другу, радость — разделят между собой. Данакай и Елисбар — типичные представители народа, они реальны.

Значителен образ Сейдыка Адзынба. Он выделяется среди других персонажей пьесы. Сейдык добропорядочный крестьянин, умудренный жизненным опытом. Данакай вырос вот в такой добропорядочной семье. В том, что Данакай стал тем, кем он есть, — настоящим мужчиной, патриотом своего народа, большая заслуга его отца.

Сейдык сам из гущи народа, его неотъемлемая частица. Когда дальские крестьяне восстали против своих князей, силы оказались неравными — крестьяне стали гибнуть. Сайдык от имени народа едет к Алмахситу — сыну своего воспитанника Дарыквы. Тот жил в Петербурге, но в тот момент пребывал в Сухуми. Сейдык был уверен, что он поможет народу. Но, увы!.. Князь остается князем... Совершенно иные у него были интересы. Да, просчитался Сейдык. Он в отчаянии:

«Лучше было бы умереть мне, нежели попасть в такое положение.

Дальцы позабыли о всех своих горестях, обрадовались, услышав, что приехал сын Дарыквы — он, мол, нас в обиду не даст. Народ приходил и обнимал меня как твоего воспитателя. И я гордился тобой. Когда я направился к тебе, они на радостях пели и плясали: приехал Алмахсит на наше счастье. Он-то нас вызволит из беды. И я хвастался тобой... Сейчас все их взоры устремлены на дорогу в ожидании Сейдыка. Они думают, что я приеду со своим замечательным воспитанником. А ты, оказывается, нас уже предал. Кто презреннее лягушки? Но и та хочет, чтобы болото, в котором она живет, было больше других болот. А что с тобой делается? Значит, продал родину, свой народ...

И что же ты мне предлагаешь? Чтобы я уговорил свой народ, толкнул его на верную гибель, а мы с тобой останемся, и ты меня за предательство наградишь медалями, чинами, деньгами?.. Как ты мог предложить мне пойти на такую подлость — измену родине? С какой совестью вернусь я в Дал? Меня станут справедливо попрекать: «Кого ты воспитал?» И жизнь мне станет

238

в тягость. Нет, я не могу снести такого позора, лучше умереть!»

И Сейдык кончает жизнь самоубийством. Но он остается для своего народа символом мужества, стойкости и преданности родине. Да, он наивно доверял отдельным князьям и дворянам, а более всего своему воспитаннику Алмахситу. Он, конечно, понимал, что из волчат вырастают волки, но все же ему казалось, что не все они одинаковы.

Алмахсит кое-чем отличался от остальных дальских феодалов. Он был себе на уме, дипломатичнее других, старался обмануть крестьян, и это ему удавалось. Он долгое время находился в Петербурге, был лично известен государю, получил чин генерала. А народ надеется на него как на спасителя.

Впервые автор знакомит нас с князем в его сухумском замке. У него в гостях начальник Сухумского военного округа генерал Дундуков, полковник Захаров и др. Во время беседы с Бессоновым кажется, что Алмахсит скучал по Отечеству — что-то в этом роде проскальзывает, но, увы...

«Да, я скучал по Апсны. Особенно по Далу и Цабалу. Там, в России, где спорят между собой сильные ветры и морозы, я часто вспоминал свой родной край: горы, бескрайние просторы моря. Здесь воздух постоянно напоен ароматом цветов, здесь неповторимая весна, здесь самые яркие звезды горят в небесах!»

Однако родной народ он не вспоминал. На родину в Апсны его привели не заботы о народе, а нечто совсем другое. Это обнаруживается в его беседе с князем Алыбеем. Он так же, как и Алыбей, согласен переселить свой народ, а затем продать их земли, но так, чтобы народ потом

за это его не проклинал. Вот его слова: «Погоди, погоди, Алыбей! Тут не следует рубить сплеча. Мне не хотелось бы большой активности с нашей стороны. Чагемцы сами не против уйти. Надо кое-кого соблазнить».

Алмахсит хотел для этой цели использовать своего воспитателя — Сейдыка, он знал, что крестьяне послушаются его.

Но вот слова, полностью разоблачающие Алмахсита: «Везде, повсюду люди как люди, знают долг и обязанность перед своим царем... Только крестьяне, живущие на землях моего отца, взбесились... Не хотят

239

признавать ни царя, ни своих господ... Поверь, если они сами подобру-поздорову не покинут эти места, то придется двинуть на них карателей. Всех перебьют...»

«...Зачем от тебя скрывать, у меня есть уже покупатели на эти земли. Только бы их освободить. Я сильно тогда разбогатею. Без больших денег в Петербурге ничего не сделаешь. Без больших денег ты не человек (это он уже говорит Сейдыку. — Р. К.). Мне нужны деньги, золото, много золота...»

Алмахсит человек гнусный, для достижения своих целей он ничем не брезговал. Он выдавал себя за противника царя. И таким образом разжигал ненависть народа к царю. Однако его настигает справедливое возмездие — народ с ним жестоко расправляется, убивает его.

Еще лютее — Халыбей и Баталбей. Люди, подобные им, повинны в том, что и сегодня в Дале и Цабале очень мало абхазских дворов. Автор рисует их образы достоверно, реально. Когда читаешь об их позорных деяниях, несмотря на давность событий, посылаешь виновникам проклятия.

В пьесе противопоставлены царю и его слугам русские солдаты. Солдаты, конечно, обязаны были выполнять приказания своих командиров. Но не всегда и во всем они повиновались. Автор ярко рисует тяготы солдатской службы. Весьма мало отличалась судьба русского солдата от судьбы абхазского крестьянина. Горька была участь русского солдата, безрадостна его судьба.

М. Лакербай создает типичные образы русского солдата Ивана и офицера-демократа Бессонова, сосланного на Кавказ на верную гибель. Читатель верит, что такой солдат, как Иван, не станет по приказу офицера стрелять в абхазского крестьянина. Веришь и в то, что Бессонов мог сказать генералу Алмахситу после поступка Сейдыка:

«...Может, теперь задумаешься над тем, каков характер, каков нрав у твоего народа, вскормившего тебя. Я бы на твоём месте после всего этого предпочел смерть!»

Иван, Бессонов и другие приняли сторону абхазских крестьян. Вот об этом единении Бессонов говорит: «Да здравствует этот чудесный сплав!»

Дундуков же откровенно говорит:

240

«...Князь Алмахсит, чагемцев поручаю тебе. Мои соображения ты знаешь. Подумай над тем, как поступил в Гаграх Гыд Чачба!»

А поступили очень просто, чагемцев выселили в Турцию.

Дундуков боялся, что слух о народных волнениях разойдется далеко. Особенно боялся, что он дойдет до царя. Вот что он говорит Захарову:

«Эти абхазские князья тоже без конца ездят в Петербург, к государю... Если они как-нибудь пожалуются и государь услышит нечто подобное, то всех офицеров, несущих здесь службу, разжалует и отправит на каторгу... А раньше всех меня. С ними надо скорее разделаться...»

Эти слова точно определяют образ начальника Сухумского округа — его намерения, его желания. Он ненавидит не только абхазских крестьян, но и абхазских князей-феодалов.

Доктор филологических наук Хухут Бгажба отмечает: «Драматург создал впечатляющие картины, показывающие борьбу абхазского народа против местных и пришлых угнетателей.

Пьеса, о которой сказано так много хорошего, имеет и некоторые недочеты. Как справедливо замечает В. Дарсалия, не отвечают действительности эпизоды, где целые роты русских солдат переходят на сторону восставших абхазских крестьян. История не знает таких фактов. Конечно, такие, как Иван, Бессонов, переходили на сторону абхазских крестьян. Но таких людей, проникнутых демократическими идеями, были единицы. Их посылали в особые казачьи подразделения, призванные усмирить, покорить горцев, по одному, по два человека, посылали на верную гибель. Об этом много и хорошо сказано на страницах истории...

Но пьеса — это художественное произведение, и писатель имеет право на некоторые вольности».

В 1956 году абхазский театр поставил драму «Данакай». Вот что по этому поводу говорит постановщик этого спектакля, народный артист Грузинской ССР и Абхазской АССР Азиз Агрба.

«Я с Михаилом Лакербаем познакомился в 1936—37 годах. Уже тогда он был в кругах грузинской интеллигенции известен как абхазский писатель-патриот, пользовался большим уважением. Это был человек,

241

много в жизни испытывший, но не унывающий, не падающий духом. Об этом говорят и его творения.

Я с большой любовью и желанием, с большим старанием поставил спектакль «Чудесный сплав» и, как мне кажется, сумел донести его до зрителя. У писателя был беспокойный характер. Когда готовились к постановке его пьесы, пока их не принял зритель, — он не находил себе места, спокойно ни единой ночи не мог заснуть. Настолько он беспокоился, ни на шаг от нас не отходил, пока шли репетиции. Хотя он и жил в Москве, мы его видели чаще других своих авторов-драматургов».

Абхазский поэт и прозаик П. Х. Бебиа пишет: «Михаил Лакербай... Когда я произношу это имя, перед моим взором предстают наши седовласые старики, с гордо вскинутыми головами, как наши горы, готовые поспорить белизной своих мудрых голов с Ерцаху. Наши старики, за плечами которых столетия. Когда я произношу это имя, перед моим взором четко вырисовывается писатель, который, затаив дыхание, слушает сказ седовласого старика, как говорится в народе, старого, как древний род Кружаа, в самом отдаленном горном селе. Да, таким был М. Лакербай.

Я вначале познакомился с его творчеством, а потом уже имел счастье увидеть и его самого.

М. Лакербай наше внимание обратил на стариков, на их удивительную память, сохранившую

множество прекрасных, интереснейших сказаний.

Он очень ревниво, придирчиво относился к своим произведениям, очень тщательно над ними работал, прежде чем вынести на суд читателя.

Бывало, сидим в редакции, погрузившись в работу, и вдруг — появляется М. Лакербай. «Я займу у вас немного времени», — так обычно он начинал свой очередной рассказ. И вот на глазах у нас еще слезы от смеха, а он уже за порогом...

1965 год. Москва. Мы — я, Н. Квициния, В. Амаршан — сдали вступительные экзамены в Литературный институт им. А. М. Горького. Поступили. Пришли счастливые в общежитие, и вдруг печальная весть — в Москве в клинике скончался М. Лакербай — абхазский писатель, поэт, драматург, театровед. Ах, как он любил жизнь, абхазскую литературу, абхазский театр!

242

Из Абхазии приехали за телом М. Лакербая. Мы тоже пришли в клинику, состоялся митинг...

...Самолет оторвался от земли и поднимался все выше и выше. Это был последний путь М. Лакербая. Подобно тому, как путь всех рек направляется к морю, так и последний путь каждого из юдей направлен к родной земле...»

* * *

Лейтмотивом всего творчества М. Лакербая была любовь к родной земле, к ее прошлому и настоящему. Он постоянно писал об ее истории, о тех, кто боролся за народное счастье, и писал так, что брал читателя за сердце, заставлял его размышлять, думать.

Писатель глубоко изучил материалы, необходимые для своего творчества, работал в архивах.

Вот мнение профессора Г. А. Дзидзария, высказанное по поводу драмы «Аламыс» в октябре 1959 года: «С пьесой М. Лакербая «Аламыс» я познакомился по ее первому варианту. Это произошло в Сухуми, на совещании творческих работников. Были высказаны многие критические соображения и пожелания, с которыми согласился автор. После этого он еще раз переработал пьесу. Все отметили глубокое знание автором исторического материала. В итоге проданной работы второй вариант пьесы оказался гораздо лучше первого. Пьеса отображает период борьбы за установление Советской власти в Абхазии в 1918 году. Я не касаюсь драматургических достоинств пьесы. Работающие в этом жанре специалисты скажут свое мнение.

По-моему, наша литература обогатилась еще одним хорошим произведением. Актуальность темы, образы героев стали хорошим подарком к 40-летию установления Советской власти в Абхазии...»

Михаил Лакербай изучил все высказанные соображения и пожелания. Особенно заметки отличного знатока абхазской истории Г. А. Дзидзария, после чего был создан третий вариант пьесы, историко-революционная драма — «Сорок дней», в двух действиях и 7 картинах, которую писатель завершил в 1964 году. И хотя пьесу он переработал фундаментально, но все-таки не дождался осуществления ее постановки на сцене.

243

Указанную революционную драму он писал с перерывами в течение восьми лет. Создание сюжета для серьезного сочинения требует высокого мастерства. Особенно ответственно содержание диалогов, их художественная полнота.

В драме действуют: В. И. Ленин, Эшба, Лакоба, священник Василий Агрба, коммунисты Исак Жанаа, Саид Шанба, демобилизованный из армии Павле Дзигуа, изменник Джансуг, русский рабочий-коммунист Глебов, князь Арзакан Эмхвари — глава меньшевистского правительства, комиссар меньшевиков Михо, глава меньшевистской гвардии Джугели, разорившийся пензенский помещик-пьяница Зоркин, генерал армии «Грузинской республики» Мазнев, белогвардейский офицер Шутиков, беженка из Петербурга госпожа Сологуб, ее племянница Анета, священник Ивлиан, комиссар красного флота, секретарь, начальник милиции и др.

Действие пьесы происходит в Абхазии и в Москве.

В прологе драмы, в беседе Ленина с Эшба мы видим, что Ленин в курсе того, что происходит в Абхазии, что он предсказывал победу Советской власти в Абхазии. «Большевикам нужно быть бдительными, гибкими. Главное — не быть националистами. Они должны показать народу суть интернациональной политики».

Советская власть установилась, большевики сбросили меньшевистское правительство, но долго не смогли удержаться. Всего сорок дней. Потом снова меньшевики захватили власть. Большевики под руководством Эшба и Лакоба временно отступили, готовясь к новым, решительным схваткам. Народ чувствовал, что солнце победы воссияет над Абхазией. Эту надежду им давала революция и борьба, которую вели Эшба и Лакоба по указанию Центрального комитета большевиков.

Эшба говорит Ленину: «На протяжении этих сорока дней Советская власть показала абхазскому народу, на что мы способны». Ленин отвечает: «Здесь главное то, что народ примкнул к ней. За кем они пошли? За вами. Народ поверил вам, а это значит, что они увидели — дело ваше справедливо! Морально победили вы! Если народ на вашей стороне, это значит, что окончательная победа за вами! Будущее принадлежит вам! К восставшим грузинам, абхазцам придет Красная Армия. Киров и Орджоникидзе на Северном Кавказе

244

создают части Красной Армии. Пройдет немного времени, и с братской помощью русского пролетариата абхазские трудящиеся не на сорок дней, а навсегда возьмут власть в свои руки».

В революционном движении края, в частности в деле установления Советской власти в Абхазии, действительно велики заслуги Е. Эшба и Н. Лакоба. Поэтому правильно поступил автор, выделив особо их образы. В пьесе хорошо продумана сцена, когда, вырвавшись из меньшевистских когтей, Эшба на корабле отправляется на север. Н. Лакоба, который выдал себя перед народом за деда Эшба, прощается с ним. Вот заключительные слова этой сцены, их произносит Эшба: «Дорогие абхазцы! Не падайте духом: это временная победа врага. За нами стоит огромнейшая Советская Россия! На Северном Кавказе, в Баку и в других районах уже победила Советская власть. Скоро революция придет и в Грузию, вот тогда мы и встретимся. Сейчас я с вами прощаюсь не навсегда. Я должен просить помощи у вождя трудящихся всего мира — великого Ленина. Я верю русскому народу. Я не сомневаюсь, что он протянет нам руку помощи! До свидания, дорогие друзья!»

В пьесе «Сорок дней» мы встречаемся как с реальными, так и с вымышленными героями. Особого внимания заслуживают образы абхазского священника Василия Агрба, русского коммуниста Глебова, грузинского коммуниста Шота Бахтадзе.

Меньшевистская армия движется к Сухуми. Большевистские отряды укрепились в Драндаском монастыре. Эшба дал распоряжение об отступлении, но бойцы не хотели и слышать об этом. В конце они все же убеждаются, что для дела лучше временное отступление.

Как известно, кроме редких исключений, мировая литература не знает произведений, где бы действовали только положительные герои. В жизни всегда были, есть и будут негодяи и мерзавцы, которые преследуют и убивают честных людей. В драме показаны представители меньшевистской власти, которые ни перед чем не останавливаются ради своего господства. Таковы: Арзакан Эмхвари, Михо, Джугели, Лютиков, Зорин, предатель Джансуг и др.

В пьесе раскрывается образ лютого врага Совет-

245

ской власти, руководителя меньшевистского правительства в Абхазии Арзакана Эмхвари. Это он с помощью интервентов через сорок дней задушил в Абхазии молодую Советскую власть. Это он старался не выпустить живыми Эшба и Лакоба. Тех самых Эшба и Лакоба, которые во время «сорока дней» арестовали Арзакана Эмхвари, но не расстреляли его, а просто изгнали из Абхазии. Но все станет на свои места, если вспомним, что Эмхвари был человеком злопамятным, злым и бесчестным.

Вскоре к драматическим произведениям М. Лакербая прибавилась пьеса «Моя лучшая роль». Пьеса эта о том, что самой главной ролью в жизни гражданина является защита человеческого счастья.

«Моя лучшая роль» — отображает жизнь современного села. У героев пьесы много общего с действующими лицами других драматических произведений автора. Но выявляется и новое. В пьесе хорошо отображены достижения современного села, победы в области экономики и культуры, внутренние противоречия.

Пьеса, которая была поставлена после смерти автора (постановщик народный артист СССР и Абхазской АССР Ш. Пачалиа), заслужила высокую оценку зрителя и критики.

Михаил Лакербай считал, что и в искусстве, и в повседневности самое главное — это всестороннее знание жизни. Поэтому главный герой пьесы Нури старается глубоко вникнуть в жизнь, чтобы потом достоверно изобразить ее на сцене.

Действие пьесы разворачивается вокруг профессионального актера, Нури, который приезжает в родное село с намерением создать здесь самодеятельный драматический кружок, помочь организовать и направить его работу. В эти кружки надо привлечь молодежь, любящую искусство, а там уже дать возможность раскрыться их способностям, таланту. Однако Нури, очень хорошо знавший деревенский быт, любивший своих односельчан и близкий им, помимо основной цели своего приезда — организации кружка самодеятельности, стал задумываться и над другими проблемами, связанными с поднятием экономики села, организацией труда. Мало того, он решил примирить из-за пустяка ставших врагами стариков — Шабата и Куаблуха, которые прежде были лучшими друзьями. Нури

246

особенно заинтересован в их примирении, потому что дочь Шабата, Хабаба, и сын Куаблуха, Еснат, любят друг друга. Неприязнь друг к другу стариков может помешать счастью молодых. Сцены их примирения очень ярки, запоминаемы, здесь автор умело использует народный юмор, потехи, шутовство.

Нури для достижения своей задумки привлекает Шаабана. Здесь хочу сразу несколько слов сказать об образе Шаабана. М. Лакербай не случайно ввел его в пьесу, не только для того, чтобы он помог Нури примирить Шабата и Куаблуха. Драматурга волнует вообще проблема взаимоотношения людей, он понимает — вражда, отчуждение людей неприемлемы в социалистическом обществе, и ищет пути, способы для того, чтобы изжить их. Через образ

Шаабана М. Лакербай показывает и старинную склонность абхазцев к артистизму, к сцене.

Вспомним эпизод, в котором Нури и Шаабан разучивают роли примирителей Куаблуха и Шабата.

Как говорили древние, жизнь — самая лучшая школа. Обстановка в селе подсказала Нури, что дел тут непочатый край. Он активно включается в хозяйственные дела колхоза. Поначалу даже кажется, что он подменяет председателя колхоза Теба, который и сам не менее активен. Председатель колхоза человек дальновидный, он хочет, чтобы колхоз развивался, но понимает, что одному ему не под силу решить все стоящие перед хозяйством проблемы. И он охотно откликнулся на инициативу, проявленную Нури, поддержал ее. Конечно, у каждого есть самолюбие, может быть, поначалу Тебу не совсем понравилось, что инициатива в руководстве колхозом переходит в руки молодого артиста, и это недовольство невольно кое-где проскользнуло, но затем он в себе его подавляет, понимая, что неправ. Этот факт автором раскрыт психологически очень убедительно.

Нури включился в дела колхоза так активно, словно всю жизнь только этим и занимался. И односельчане еще больше полюбили его. Он по натуре веселый, общительный, контактный, но в случае необходимости и строгий, требовательный. Между прочим, следует отметить, что артист Камкия Н., исполнявший роль Нури, показал нам его как человека терпеливого, строгого, но в то же время доброго и мягкого.

247

Но все же основное призвание Нури — сцена. По его инициативе в селе организован народный театр, благодаря ему в колхозе «Новая жизнь» Дом культуры становится излюбленным местом отдыха. И наконец с согласия стариков в Доме культуры сыграли свадьбу Хабабы и Есната.

Не так-то легко было добиться, чтобы на этой свадьбе против обычая присутствовали родители жены, чтобы лицо невесты не было укрыто платком, чтобы сыграна она была в Доме культуры. Но все это произошло, и произошло благодаря Нури. В этом ему помогли старики (Кан и другие), осудившие старые, изжившие себя традиции.

Образы Есната и Хабабы одни из ведущих в пьесе. Они делают ее веселой, жизнерадостной. Правда, из-за ссоры отцов едва не нарушилось счастье девушки и парня. Но, как говорят абхазцы, козу, которой не суждено умереть от голода, веточка сама найдет: на помощь влюбленным явился Нури. Хабаба работает бригадиром в колхозе, она девушка бойкая, проворная. Ее дядя — председатель колхоза Теб — говорит, что Хабаба девушка с характером, себя в обиду не даст; строга, серьезна, но и мягка, нежна. Что касается Есната, то и он парень серьезный, пользуется уважением односельчан.

Образами Хабабы и Есната автор утверждает: без настоящей любви не интересно жить, полнота человеческого счастья, полнота любви — вот наивысшие ценности мира.

Шабат и Куаблух — люди, повидавшие жизнь, умудренные опытом. Оба участники Отечественной войны, где каждый из них проливал кровь, защищая отечество. И в мирной жизни им, уважаемым людям, не следовало бы ссориться из-за сплетников и болтунов.

В эпилоге своей пьесы М. Лакербай устами своих героев говорит о том, что для постижения взаимоотношений действительности и искусства лучшая школа — жизнь.

* * *

До сих пор мы говорили о стихах, новеллах, пьесах, сценариях и либретто Михаила Лакербая. Коснулись и тех произведений, которые не были включены в его

двухтомник. Рассмотрели почти все, что было написано о творчестве Михаила Лакербая в критике. Определили, какие из этих оценок мы поддерживаем, с какими — не соглашаемся. Отметим широту диапазона интересов писателя, его эстетическое чутье. Но наряду с художественным творчеством М. Лакербай оставил нам и острые публицистические письма, где он рассматривает актуальные проблемы абхазской культуры.

Михаил Лакербай одним из первых заговорил об абхазском театре, стал рассматривать историю его становления и развития. Словом, он пионер изучения абхазского национального театрального искусства.

МИХАИЛ ЛАКЕРБАЙ И АБХАЗСКИЙ ТЕАТР

Когда Михаил Лакербай выступил на литературной арене, перед абхазским народом стояло множество проблем. Он под знаменем Ленина боролся за свободу.

«Не легко касаться исторических проблем. Особую сложность представляют исследования вопросов истории искусства, так как они требуют слитного знания науки, искусства, исторической правды и художественной действительности. Число специалистов такого диапазона и сегодня невелико, а до Михаила Лакербая за изучение абхазского театрального искусства вообще никто не брался. Его заслуга заключается не только в постановке вопроса, но и в довольно широком освещении его» (проф. Ш. Д. Инал-ипа).

Великий русский писатель Максим Горький в статье «Падение личности» в 1907 году писал: «Не так давно на Кавказе существовали «джегуаки» (черкесское слово), бездомные, народные певцы. Вот один из них так объяснял свою цель и силу: «Я могу одним словом трусливого превратить в преданного отчизне героя, вора сделать честным человеком, показаться передо мной не посмеет мошенник, я враг всяческой подлости».

Эти слова утверждают, какую высокую оценку давал Максим Горький народным сказителям. Подобных певцов было множество в Абхазии.

М. Лакербай особенно выделяет из них Жана Ачба. Он широко знакомит нас с творчеством Жана Ачба, приводит значительные события из биографии этого певца. Жан Ачба был талантливым человеком.

В детстве в результате несчастного случая он ослеп. Но был настолько восприимчивым, что чувствовал лучше многих зрячих, что творится вокруг, насмехался над подонками, над теми, кто грабил народ; Жан Ачба сочинял на них сатирические стихи, смело порицал их лицемерие, грубость и т. д.

Приведенные материалы наглядно показывают, что сочинения поэта-сатирика Жана Ачба тесно были связаны с народной устной словесностью. Лакербай доказывает это конкретными примерами и убеждает нас, что у истоков абхазского театрального искусства стоит народное творчество. Жан Ачба сочинял куплеты социального характера.

В руках Жана Ачба апхярца пел, стонал, смеялся, он какую-то неповторимую музыкальность придавал ему. М. Лакербай пишет: «Странствия слепого певца Жана Ачба — одна из драгоценнейших страниц абхазского народного искусства...»

25 октября 1935 года пьесой «Шамиль» грузинского драматурга Иона Вакели открылся сезон

абхазского театра. Пьесу, которую на абхазский язык перевел Ясон Чочуа, хорошо встретил зритель. В жизни театра значительным явлением стала постановка пьесы А. Корнейчука «Гибель эскадры» (постановщик Ш. Пачалия), историческая пьеса «66 год» — Г. Гулиа и Н. Микава. Были поставлены и с успехом прошли спектакли «Овечий источник» Лопе де Вега, пьеса Николая Микава «Краски жизни» в постановке режиссера МХАТ II Павла Дмитриевича Ермилова и др. Очень много делал для абхазского театра бывший режиссер театра им. Марджанишвили в Тбилиси Сергей Филиппович Челидзе. Вообще в годы 1938—39 три театра в одном здании жили очень дружно, спаянно, как один коллектив. Все помогали друг другу и в первую очередь абхазской драме — это считалось священным долгом каждой труппы. И в этом отношении много сделали тогдашний директор театра Н. М. Микава, С. Ф. Челидзе, у него даже играл на грузинском языке Л. Касландзиа роль Отелло.

Вот постановки тех лет: «Скала» (Г. Гулиа), «Великая земля» (К. Агумаа) и «Зять» (М. Шавлахов, пер. Ясона Чочуа). М. Лакербай с привычным ему усердием разбирает эти пьесы и постановки.

В пьесах Г. Гулиа, К. Агумаа мы видим героических

250

защитников родины. Пьесы героико-патриотического характера всегда нужны, но в то время они были нужны особенно.

Мне кажется, эта книга не требует специального заключения, ведь внимательный читатель видит, что именно я хотел сказать о нашем выдающемся писателе М. Лакербасе, о нашем абхазском аламысе, высоком и гордом, как наши вершины, который сделал нашу литературу еще значительней, заставил звучать на многих языках мира. Что же касается того, насколько я сумел достигнуть своей цели, то об этом пусть судят те, кто следит за развитием абхазской литературы.

Книгу о Михаиле Лакербасе «Рыцарь аламыса» хочется закончить словами французского писателя Александра Дюма (сына): «Произведение, которое прочтут один раз, есть настоящее, а к которому возвращаются несколько раз, есть будущее».

Абхазский писатель Михаил Лакербай один из тех, книгам которого выпало такое счастье.

251

Руслан Хонеевич Капба

РЫЦАРЬ АЛАМЫСА

Редактор Л. М. Анисов

Художественный редактор А. С. Томилин

Технические редакторы Г. В. Климушкина и Ю. Н. Чистякова

Корректор Н. Г. Худякова

Сдано в набор 02.06.88. Подписано к печати 04.02.88. Формат 84x108 1/32. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,37. Тираж 30 000 экз. Заказ № 391. Цена 85 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель»,

<http://apsnyteka.org/>

121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.

(OCR - Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)